

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

3

1983

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
МАЙ—ИЮНЬ

3

СОДЕРЖАНИЕ

1983

<i>Маковецкая Т. Ф.</i> Издание трудов К. Маркса и Ф. Энгельса в Болгарии (до первой мировой войны)	3
<i>Райнсберг Э. У.</i> (ГДР). К вопросу о типологии аграрных преобразований в революциях 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы	9
<i>Серапионова Е. П.</i> Проекты создания послевоенной чехословацко-польской конфедерации (1939—1941)	24
<i>Клеванский А. Х.</i> Некоторые теоретические вопросы истории кризиса буржуазных политических систем в странах Центральной и Юго-Восточной Европы	36
<i>Карасев В. Г.</i> Первая буржуазно-национальная революция на Балканах (К вопросу о характере сербского восстания 1804—1813 гг.)	45
<i>Мельников Г. П.</i> Городское землевладение в Праге в первой половине XVI века	53
<i>Кишкин Л. С.</i> О периодизации процесса литературных связей	59
<i>Акимова О. А.</i> К характеристике идейно-политических и исторических воззрений Фомы Сплитского	66
<i>Софронова Л. А.</i> Проблемы художественного примитива на польской сцене XVII—XVIII веков	79

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

<i>Белов В.</i> О вариантах издания книги З. Орфелина о Петре Первом	89
--	----

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Чернявский Г. И. Б. Григоров</i> По пътя на реформизма. Социалдемократията и борбите на трудещите се в България. 9 юни 1928—19 май 1934 г.	91
<i>Рогов А. И.</i> Новая книга о школьном театре	93
<i>Калынь Л. Э., Клепикова Г. П. А. Ресо.</i> Pregled srpskohrvatskih dijalekata	95
<i>Орел В. Э. Добрев И.</i> Произход и значение на праславянското консонантно и дифтонгично склонение	101
<i>Титова Л.</i> Dvojí osud. Dopisy Josefa Čapka, které v letech 1910—1918 posílal své budoucí ženě Jarmile Pospisilové	104

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Обушенкова Л. А.</i> О координационной работе по изучению формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе	106
<i>Гусев В. Е.</i> Фольклорно-литературные взаимосвязи (29 конгресс фольклористов Югославии)	107
<i>Киклевич А. К.</i> Научная конференция белорусских и болгарских языковедов	109

МАКОВЕЦКАЯ Т. Ф.

ИЗДАНИЕ ТРУДОВ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА В БОЛГАРИИ (до первой мировой войны)

В процессе развития классового и политического сознания болгарских рабочих, идейно-организационного становления Болгарской рабочей социал-демократической партии — БРСДП¹ как партии марксистского направления важную роль сыграли произведения основоположников научного социализма К. Маркса и Ф. Энгельса.

Оформлявшееся рабочее движение в Болгарии встречало на своем пути серьезные препятствия различного свойства. На протяжении нескольких десятилетий после освобождения страны от османского ига в условиях господства мелкотоварного производства и слабо развитой промышленности давала о себе знать малочисленность и распыленность пролетариата, пополнявшегося из среды мелких сельских собственников и ремесленников [1]. Это затрудняло осознание пролетариатом своей классовой обособленности. Кроме того, рабочее движение встречало на своем пути весьма опасный своей мелкобуржуазной утилитарностью идейно-политический барьер в виде различных проявлений народничества, буржуазного либерализма, мелкобуржуазных социалистических теорий [2, с. 20—52].

Народники, идеализируя мелкотоварное производство, ставили под сомнение развитие капитализма в Болгарии, считали образование пролетариата явлением, пагубным для социально-экономического и политического развития страны [2, с. 25—39, 42—43, 47—52]. Часть народников стремилась отвлечь интеллигенцию, трудящиеся массы от классовой борьбы, направить их внимание на усвоение «нравственных идей» и принципов — в качестве основной и важнейшей им представлялась задача борьбы с невежеством, за введение широкого народного образования [2, с. 38, 40—41, 43, 50—52]. Последователи сирмахильства призывали интеллигенцию к самопожертвованию во имя народа, проповедуя анархизм и некий примитивный коммунизм [3, с. 38].

В таких условиях перед социалистами, среди которых выдающееся место по праву принадлежит Д. Благоеву, вставали сложные задачи развенчивания идейных противников рабочего и социалистического движения в стране, пропаганды научного социализма среди широких масс трудящихся.

Д. Благоев после возвращения из России, откуда он был выслан за активное участие в русском революционном движении, начал выпускать журнал «Съвременний показател» — первое болгарское издание, занявшееся пропагандой социализма в стране [3, с. 35]. Во вводной статье,

¹ В 1891 г. была создана Болгарская социал-демократическая партия (БСДП), после слияния в 1894 г. с Болгарским социал-демократическим союзом (БСДС) она получила наименование — Болгарская рабочая социал-демократическая партия (БРСДП).

открывавшей первый номер и определявшей направление издания в целом, Д. Благоев говорит о К. Марксе как об «одном из самых глубокомыслящих современных политэкономистов»².

К тому времени имена К. Маркса и Ф. Энгельса были уже известны в Болгарии. К их трудам проявляли интерес выдающиеся деятели национально-освободительного движения Х. Ботев и Л. Каравелов³. Упоминания о К. Марксе встречались на страницах некоторых газет, выходивших в Пловдиве еще до воссоединения Южной и Северной Болгарии. В этих газетах содержались сведения о К. Марксе как руководителе международного рабочего движения и I Интернационала, о его биографии и трудах, характеризуя К. Маркса как «знаменитого социалиста», «знаменитого экономиста», автора «Капитала» [4, с. 11].

Значительный вклад в популяризацию трудов и распространение идей К. Маркса и Ф. Энгельса у себя на родине внесли болгарские студенты, обучавшиеся в 80—90-х годах XIX в. в России и Западной Европе. Многие работы К. Маркса и Ф. Энгельса, изданные группой «Освобождение труда» в Женеве, стали достоянием и проявлявшей к ним интерес болгарской студенческой молодежи и, прежде всего, той ее части, которая обучалась в Швейцарии.

Созданная в 1883 г. в Петербурге первая марксистская группа под руководством Д. Благоева, поддерживая тесный контакт с группой «Освобождение труда», получала ее издания, в том числе переводные издания трудов К. Маркса и Ф. Энгельса. Таким образом, будущий основатель пролетарской партии в Болгарии, еще в свой студенческий период познакомившийся с первым томом «Капитала» в русском переводе Г. Лопатина и Н. Даниэльсона, использовал широкие возможности для изучения и других трудов вождей международного рабочего движения [4, с. 11].

Болгарское студенчество, обучавшееся в 80—90-х годах за рубежом, фактически создавало основной канал, по которому издания работ К. Маркса и Ф. Энгельса на доступном болгарскому читателю русском языке проникали в страну [5, с. 100].

Первая болгарская публикация трудов основоположников научного социализма датируется 1886 г. Ее осуществил Е. Дабев⁴, поместив на страницах редактировавшегося им еженедельника «Росица» собственный перевод русского женевского издания 1883 г. работы К. Маркса «Наемный труд и капитал». Впоследствии Е. Дабев вспоминал о том, что ее набрали отдельным изданием, которое конфисковала и уничтожила полиция [4, с. 12—13].

С именем Дабева связан и выход в Болгарии произведения Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке». Оно опубликовано в Габрово в 1890 г. под названием «Развитие научного социализма» и предваряется переработанным в расчете на болгарского читателя вариантом предисловия, написанного ранее В. Засулич для одного из русских изданий.

Активизация социалистического движения в Болгарии, попытки придания ему организационной формы — появление на рубеже 90-х годов XIX в. первых социалистических организаций — «дружинок» — ставили на повестку дня издание и других марксистских трудов. В 1891 г., накануне первого съезда БСДП, вышел из печати «Манифест Коммунистической партии», где в концентрированном виде изложены основные идеи марксизма. Это был перевод (выполнен И. Кутевым) русского женевского издания 1882 г., подготовленного Г. В. Плехановым. В виде приложения к изданию здесь же помещались «Гражданская война во Франции» К. Марк-

² Этот факт подчеркивает В. Ковачев — автор вводной статьи «Произведения К. Маркса и Фридриха Энгельса в Болгарии» [4, с. 12].

³ Среди книг Л. Каравелова, переданных в 1881 г. его родственниками Народной библиотеке, был «Манифест Коммунистической партии» [5, с. 99].

⁴ Евтим Дабев (1864—1946) — учитель и журналист, один из первых болгарских социалистов, участвовал в работе Бузлуджанского съезда (1891), на котором было принято решение о создании болгарской социал-демократической партии. Впоследствии он перешел на оппортунистические позиции, а затем отошел от политической деятельности.

са и «Устав Международного Товарищества Рабочих», написанный совместно вождями международного рабочего движения. Труд разошелся очень быстро и сыграл важную роль в пропаганде идей марксизма.

В том же 1891 г. болгарский читатель получает возможность познакомиться и с другими работами классиков марксизма или отрывками из них в переводах на болгарский с русского и немецкого языков. В периодических изданиях (иногда под болгарскими вариантами названий) появляются отрывки из «Манифеста», «Внешняя политика русского царизма» Ф. Энгельса, а также написанное им введение к отдельному изданию работы К. Маркса «Наемный труд и капитал» [4, с. 47].

После создания в Болгарии социал-демократической партии публикация трудов К. Маркса и Ф. Энгельса принимает широкий и довольно систематический характер. Уже первые партийные съезды указывали на необходимость усиления пропаганды идей научного социализма, программных положений БСДП. Важную роль в этом деле играли журнал «Ден» (редактор Я. Сакизов) и начавший выходить с ноября 1892 г. еженедельник «Работник» [6, с. 11, 24, 27, 53, 72; 3, с. 45].

На учредительном съезде БСДП было принято решение об издании серии брошюр под названием «Българска социалдемократическа библиотека» («Болгарская социал-демократическая библиотека»), для выпуска которой создавался редакционный комитет, куда входил Д. Благоев [3, с. 47]. В сентябре 1891 г. в этой серии вышла написанная Д. Благоевым работа «Что такое социализм и есть ли для него почва у нас?» [3, с. 47]. Здесь излагалась марксистская точка зрения на развитие общества, смену формаций, усиление противоречий между трудом и капиталом; анализировался характер социально-экономических процессов в конкретных национальных условиях, проявлявшихся, прежде всего, в формировании основных антагонистических классов, [7, с. 439—532]. В последующие годы в этой серии, а также журнале «Ден» выходят и другие труды руководителя болгарских социалистов [3, с. 48—50].

Важное значение для популяризации трудов К. Маркса и Ф. Энгельса имела деятельность Д. Благоева по их рецензированию, а впоследствии и переводу [4, с. 48, 52—53 и сл.]. Распространению произведений основоположников марксизма способствовало и то обстоятельство, что с 1891 по 1898 гг. у партии была своя типография [4, с. 14].

В 1892 г. были изданы труды: «К критике гегелевской философии права. Введение» К. Маркса, «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» Ф. Энгельса (в Болгарии эта работа выдержала несколько изданий [4, с. 48, 59—60] и была известна под названием «Людвиг Фейербах»).

Тогда же к публикации переводов работ основоположников марксизма подключился и ряд периодических изданий. Журнал «Социалдемократ» опубликовал на болгарском языке отрывки из первого тома «Капитала» и «Нищеты философии» К. Маркса и работы Ф. Энгельса «Социализм в Германии», «Карл Маркс».

Начиная с этого периода издание произведений К. Маркса и Ф. Энгельса имеет широкую географию: они выходили в Габрово, Русе, Сливене, Тырново, Шумене, Пазарджике и др. [4, с. 48—62], что способствовало ознакомлению более широких кругов общественности с марксистским учением. Упомянутые работы Ф. Энгельса, опубликованные в журнале «Социалдемократ», были переведены С. Ноковым — первым из болгарских социалистов, кто имел возможность лично познакомиться с автором. Еще в свой женеvский студенческий период (1889—1894) он включился в социалистическое движение, принадлежал к кругу болгарской молодежи, проявлявшей большой интерес к произведениям основоположников научного социализма и занимавшейся подготовкой журнала «Социалдемократ» (в 1892—1894 гг. выходил в Севлиево). По рекомендации Г. В. Плеханова редакция один из его номеров через С. Нокова направила Ф. Энгельсу, с которым молодой болгарский социалист встречался и позднее — на конгрессе II Интернационала в Цюрихе (1893) [5, с. 101—102].

Вернувшись на родину, С. Ноков стал активнейшим пропагандистом

идей марксизма, переводил работы Ф. Энгельса с французского языка, популяризировал его труды. Так, свой несколько раз переиздававшийся в Болгарии перевод работы «Карл Маркс» он снабдил примечаниями, где большое внимание уделялось другому произведению этого же автора — «Анти-Дюрингу» [4, с. 49] (вышло в Болгарии позднее — в 1908 г.).

Большую роль в выпуске трудов К. Маркса и Ф. Энгельса в качестве переводчика и издателя сыграл и Г. Бакалов. За период с 1897 по 1903 г. при его непосредственном участии было опубликовано 114 материалов, среди которых большое место занимали произведения классиков марксизма [4, с. 18]. Начав с публикации на страницах журнала «Ден» в 1892 г. перевода отрывка из работы Ф. Энгельса «Анти-Дюринг» (болгарский вариант названия — «Роль экономики в истории»), Г. Бакалов в эти годы сосредоточил свои усилия на выпуске отдельных изданий основоположников марксизма. В его переводе в 1895 г. появляются такие произведения, как «Внешняя политика русского царизма» Ф. Энгельса, «Наемный труд и капитал» К. Маркса, а также часть переписки К. Маркса, относящейся к 1843 г. Затем выходят: «Развитие социализма от утопии к науке» Ф. Энгельса (1896), «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» К. Маркса (1897), «Нищета философии. Ответ на „философию нищеты“ г-на Прудона» К. Маркса (1898); в переводе Г. Бакалова в 1900 г. выпускалось теперь уже второе болгарское издание «Манифеста Коммунистической партии». К 1902 г. относятся две публикации трудов Ф. Энгельса — «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (дважды), а также «К истории первоначального христианства» [4, с. 49, 51—55].

Если к этому неполному списку, характеризующему деятельность Г. Бакалова как издателя произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, добавить «Гражданскую войну во Франции» с предисловием, написанным Ф. Энгельсом, вышедшую в 1894 г., и другие издания работ основоположников марксизма при участии ряда деятелей социалистического движения [4, с. 48—55], то создается очень внушительная картина. Это диктовалось задачами дальнейшего изучения и усвоения марксистского учения, а также рядом объективных потребностей иного плана. В 90-е годы появляется оппортунистическое течение в болгарской социал-демократии — «общедельство», являвшееся болгарским проявлением ревизионизма, который в тот период заявил о себе в международном рабочем движении. Попытка переоценки «общедельцами» теоретического наследия К. Маркса и Ф. Энгельса с позиций бернштейнизма, отрицавшего социальную революцию, материалистическое понимание истории, учение о классовой борьбе и диктатуре пролетариата, усиленно проповедовавшего реформизм, делала необходимым отстаивание марксистской концепции социального развития, а также осуществление более действенной пропаганды идей основоположников научного социализма, дальнейшей публикации их трудов. Перед сторонниками марксизма во главе с Д. Благоевым стала серьезная задача организации идейного отпора ревизионизму.

В связи с этим большое значение приобретали решения V съезда БРСДП (1898) по вопросу о печати. Отныне все газеты партии могли выходить только с разрешения ее высшего органа, а «Рабочнически вестник»⁵ становился ее единственным официальным изданием такого плана. Приостанавливался выпуск «Освобождения» [6, с. 104—105], редактором которого был Н. Габровский, ставший к этому времени видным представителем «широкого социализма». Эта линия закреплялась и в решениях последующих съездов партии (1899—1902) [6, с. 114—115, 122—123, 132, 144—145].

Это же направление подтверждали и решения руководящих органов БРСДП, принятые в 1897 г. о приостановке выпуска журнала «Ден» (Я. Сакызов, до того времени остававшийся его руководителем, перешел на оппортунистические позиции и вскоре превратился в одного из самых ревностных проповедников «общедельства»). Вместо него начал выходить

⁵ Газета «Рабочнически вестник» начала издаваться в 1897 г. в соответствии с решениями IV съезда БРСДП [6, с. 88—89].

журнал «Ново време», редактором которого стал Д. Благоев. Этот печатный орган сразу же активно включился в теоретическую борьбу по отстаиванию идей марксизма. Среди его материалов были работы Д. Благоева, который в полемике с оппортунистами широко использовал произведения К. Маркса и Ф. Энгельса, отстаивал их учение. В эти годы Д. Благоев опубликовал в «Ново време» много рецензий на труды, основоположников научного социализма, выходявшие в Болгарии, что безусловно способствовало их популяризации.

Обострившаяся борьба между революционным и реформистским течениями в 1903 г. привела к их организационному размежеванию, появлению Болгарской рабочей социал-демократической партии (тесных социалистов) — БРСДП (т.с.) — представительницы марксистского направления в болгарской социал-демократии и реформистской оппортунистической Болгарской рабочей социал-демократической партии (широких социалистов) — БРСДП (ш.с.).

В условиях продолжавшихся антимарксистских атак со стороны различных течений оппортунизма в болгарском рабочем движении, а также попыток реформистского руководства Международного социалистического бюро — исполнительно-информационного центра II Интернационала оказать давление на «тесняков» с целью объединения последних с принципиально чуждыми им политическими организациями, перед БРСДП(т.с.) в качестве первоочередной встала проблема идейно-организационного укрепления собственных рядов. В связи с чем съезды партии «тесняков» указывали на необходимость усиления пролетарской прослойки в ней, укрепления внутрипартийной дисциплины, активизации пропаганды теории научного социализма, а также собственных программных документов [6, с. 153—154, 160, 166—167, 206—209, 221, 234—235, 249—251, 270—271].

В 1903 г. X съезд БРСДП (т.с.) принимает решение о создании «Партийной социалистической книжарницы» — центра по изданию и распространению марксистской литературы [6, с. 160], которая начала действовать в том же году [3, с. 89]. Она превращается в один из основных органов по выпуску и популяризации произведений К. Маркса и Ф. Энгельса; в этом же плане продолжает свою деятельность и ставший теоретическим органом партии журнал «Ново време».

С 1903 г. в основном усилиями БРСДП (т.с.) налаживается их регулярная публикация, в которой самое активное участие принимает Д. Благоев. В 1904 г. в его переводе выходят сразу два крупных труда К. Маркса — «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» и «К критике политической экономии». В следующем году увидела свет часть подготовленного Д. Благоевым перевода первого тома «Капитала» [4, с. 56]; в полном виде том публикуется в 1910 г. (дважды, в том числе в переводе Г. Бакалова) [4, с. 60—61].

В 1905 г. публикуется четвертое болгарское издание «Наемного труда и капитала» К. Маркса, в третий раз выходят «Манифест Коммунистической партии», а также «Развитие социализма от утопии к науке» [4, с. 57—58]. В переводе с немецкого Н. Сакарова и К. Тиневой «Партийная социалистическая книжарница» в 1908 г. выпускает «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса. В 1909 г. издаются его произведения «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (дважды) и «Происхождение семьи, частной собственности и государства»; журнал «Ново време» публикует на своих страницах «Божественное право Гогенцоллернов» К. Маркса. В 1911 г. болгарский читатель получает возможность познакомиться с трудом Ф. Энгельса «К жилищному вопросу». Кроме того, до первой мировой войны издается и ряд других произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, отдельных отрывков из них, часть переписки [4, с. 56—62].

Подводя краткий итог изложенному, можно констатировать, что на всем протяжении рассматриваемого периода болгарское социалистическое движение проявляло большой интерес к теоретическому наследию основоположников научного социализма. Благодаря активной публикаторской и популяризаторской деятельности болгарских социалистов, среди

которых особое место принадлежит Д. Благоеву, большое число трудов К. Маркса и Ф. Энгельса становилось достоянием широкого круга читателей в стране, идейно вооружало сложившееся марксистское направление в рабочем движении в его борьбе с различными проявлениями оппортунизма, способствовало формированию и укреплению классового сознания болгарского пролетариата.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бирман М. А.* Формирование и развитие болгарского пролетариата. 1878—1923 гг. М., 1980, с. 55—89.
2. *Бужашки Е. Д.* Благоев и победата на марксизма и българското социалистическо движение. 1885—1903. София, 1960.
3. История на Българската комунистическа партия. София, 1981.
4. Карл Маркс и Фридрих Енгелс на български. Библиография. София, 1961.
5. *Младжов Г.* Произведенията на Фридрих Енгелс в България.— Политическа просвета, 1980, № 9.
6. Българската комунистическа партия в резолюции и решения на конгресите, конференциите и пленумите на ЦК. Т. I. София, 1957.
7. *Благоев Д.* Съч. Т. I. София, 1957.

РАЙНСБЕРГ Э.У. (ГДР)

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ АГРАРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РЕВОЛЮЦИЯХ 40-Х ГОДОВ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В СССР и ГДР появились работы, в которых на основе сопоставительного анализа революций 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы рассматривается ряд кардинальных проблем. К их числу относятся и аграрный вопрос. Определение его роли и места в общественных, революционных преобразованиях, и в частности в ходе народно-демократических и социалистических революций 40-х годов, стало предметом исследований историков, экономистов и философов. Исследования сравнительного характера по этой теме созданы Г. Фруком [1], В. В. Марьиной [2] и другими.

Г. Фрук рассматривал аграрный вопрос в социалистических странах на этапе народно-демократических революций. В. В. Марьиная исследовала революционные аграрные преобразования как составную часть революционного процесса на фоне динамично изменяющейся политической обстановки в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

В исторической науке ГДР употребляется понятие «антиимпериалистическая демократическая аграрная революция». Она включает в себя кроме процесса ликвидации крупного землевладения, передачи земли трудящемуся крестьянству и закрепления итогов земельных реформ также политическую и финансовую поддержку трудящихся крестьян со стороны государства и рабочего класса, начало вытеснения капиталистических элементов в деревне, подъем социального и культурного уровня жизни крестьянства, улучшение условий труда в деревне. Это понятие выражает и классовую суть аграрных преобразований на этапе народно-демократической революции, действительно направленных против империализма на создание демократического аграрного строя в деревне. На базе этого строя впоследствии были проведены социалистические преобразования сельского хозяйства.

Как важнейший составной элемент переходного периода от капитализма к социализму антиимпериалистическая демократическая аграрная революция характеризуется тем, что в ней содержатся уже первые элементы социалистического переустройства деревни — создание государственных хозяйств, качественные изменения в системе кооперации, возникновение МПС и затем МТС.

Аграрно-крестьянский вопрос — один из наиболее важных среди социально-экономических вопросов, которые встали на повестку дня в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в конце второй мировой войны. Коммунистические и рабочие партии выступили с лозунгом «земля — тем, кто ее обрабатывает». Поэтому программы, разработанные демократическими силами под руководством коммунистических и рабочих партий,

принятые национальными и народными фронтами, особое внимание уделяли проблеме перераспределения земли. Поскольку решение земельного вопроса было назревшей общественной необходимостью, то программы наделения крестьян землей, отвечавшие чаяниям широких крестьянских масс, сыграли важную роль в процессе формирования и укрепления национальных и народных фронтов, в развитии народно-демократических и социалистических революций.

Отказ от национализации всей земли и принцип передачи большей ее части в собственность трудящихся крестьян являлись общей чертой всех аграрных программ. Но пути и методы реализации этих программ были весьма разные, что обуславливалось как спецификой социально-экономической структуры стран, так и расстановкой политических и классовых сил в национальных и народных фронтах.

При анализе объективных условий проведения аграрных реформ, на наш взгляд, можно предложить, исходя из имеющегося материала, следующие параметры для сравнений: расстановка политических сил в народных и национальных фронтах; экономический уровень и степень развития капитализма в каждой из стран, особенно в сельском хозяйстве; социальная структура деревни.

Расстановка политических сил в каждой из стран Центральной и Юго-Восточной Европы во время второй мировой войны в значительной мере определялась тем, была ли страна оккупирована гитлеровской Германией или находилась в составе фашистского блока на правах «союзника», сателлита или марионетки. Этот факт оказывал серьезное влияние на формирование союза рабочего класса с другими классами и социальными слоями и находил отражение в программах национальных и народных фронтов. В Албании, Югославии, Польше и Чехословакии в условиях фашистской оккупации союз рабочего класса с мелкобуржуазными слоями (а в Чехословакии и со средней буржуазией) был установлен на антифашистской основе. Проведение главных социальных преобразований в этих странах тесно переплеталось с реализацией антифашистских и национально-освободительных задач борьбы. В национально-освободительном движении демократические силы, особенно рабочий класс и его марксистско-ленинские партии, показали на деле свою руководящую роль и завоевали доверие значительной части народных масс. Став гегемоном в этой борьбе, они могли после окончания войны добиваться осуществления революционных преобразований, придавая им национально-патриотическую форму.

Иным было положение там, где существовали реакционные режимы, связавшие свои страны с фашистским блоком. Демократические силы, объединившиеся в этих странах в национальные фронты, боролись прежде всего за отрыв своих стран от фашистской Германии, за свержение своих собственных реакционных режимов, за проведение последовательных демократических преобразований. Требование проведения аграрной реформы было здесь важнейшей составной частью программы демократических антиимпериалистических преобразований (что особенно ярко проявилось в Венгрии и Румынии).

По экономическому уровню и степени развития капитализма в сельском хозяйстве страны рассматриваемого региона представляли довольно пеструю картину.

Германия и Чехословакия являлись развитыми промышленными странами, хотя и здесь можно выделить аграрные районы (Словакия и северо-восточная Германия). В Германии в сельском хозяйстве было занято 8,9 млн человек, в промышленности — 11,9, в строительстве — 1,9 млн [3, р. 232]. В чешских областях 25,5% работающего населения числилось в сельском, лесном и рыбном хозяйстве, в промышленности и ремесле — 32,2%. Словакия экономически была гораздо слабее Чешских земель. Доля занятых в промышленности и ремесле здесь составляла 14,6%, а в сельском хозяйстве — 56,7% [4]. В Польше 60,6% трудящегося населения было занято в сельском хозяйстве и лишь 19,4% — в промышленности и ремесле [5].

Уровень развития экономики характеризуется соотношением доли сельского хозяйства и промышленности в создании национального дохода (см. табл. 1).

Таблица 1

Удельный вес основных отраслей народного хозяйства в национальном доходе страны (цены 1938 г., в млн долларов) [3, р. 20]

Страна	Сельское хозяйство	Промышленность
Болгария	191	65
Венгрия	305	204
Германия	2587	9066
Польша	1164	711
Румыния	444	234
Чехословакия	466	875

В Албании доля промышленности в создании национального дохода составляла 9,8%, а сельского хозяйства — 90,2% [6]. В довоенной Югославии 3/4 населения, занятого в сельском хозяйстве, создавало 43% национального дохода [7].

Другим важнейшим показателем уровня экономического развития является доход на душу населения. По данным 1938 г., в Болгарии доход на душу населения составил 68 долларов, в Венгрии — 112, в Германии — 337, в Польше — 104, в Чехословакии — 174, в других странах Юго-Восточной Европы — в среднем 68 долларов [3, р. 235].

Представление о социальной дифференциации деревни в рассматриваемой группе стран дает табл. 2.

Отдавая себе отчет в относительной точности избранного критерия — группировка хозяйств по размеру земли, сделаем попытку кратко охарактеризовать социальную структуру деревни стран Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период.

Безусловно, по количеству хозяйств и доле принадлежащей им сельскохозяйственной земли нельзя представить совершенно точную картину социальной структуры деревни. Размер принадлежащей хозяйству земли — это лишь один, хотя и очень важный критерий. При выделении категорий хозяйств (мелкие, средние, крупнокрестьянские, помещичьи и крупнокапиталистические) необходимо также учитывать их доходность, интенсивность производства, использование наемного труда, применение сельскохозяйственных машин и орудий, обеспечение тягловым скотом. Следует отметить, что ни статистика, ни литература исследуемых стран не дают возможности сравнить и сгруппировать различные категории хозяйств с учетом всех этих показателей.

Несмотря на проводимые в межвоенный период аграрные реформы, в таких странах как Венгрия, Германия, Польша, Румыния, Чехословакия преобладающая часть земли была сосредоточена в помещичьих или крупнокапиталистических хозяйствах (свыше 100 га), которые составляли примерно лишь 1% всех хозяйств.

Среди крестьянских хозяйств преобладали мелкие (до 5 га). Доходов от них не хватало для обеспечения прожиточного минимума владельцев и их семей, вынужденных поэтому искать заработок на стороне. Однако возможности дополнительных заработков были очень ограничены.

Владельцами наделов в 5—20 га могли быть как мелкие, так и средние крестьяне. Наделы от 10 до 20 га принадлежали средним и крупным крестьянским хозяйствам. Последние по своей сути были уже капиталистическими. Здесь применялся постоянный наемный труд и значительная, а иногда и большая часть производимой в них продукции шла на рынок.

Для межвоенной Польши можно выделить следующие категории крестьянских хозяйств: полупролетарские до 2 га (в восточных районах —

Социальная структура деревни стран Центральной и Юго-Восточной Европы до второй мировой войны *

Категория хозяйств (га)	Болгария		Югославия		Польша		Румыния		Территория нынеш. ГДР		Чехословакия		Венгрия	
	% от общего числа хозяйств	принадлежащая земля в %	% от общего числа хозяйств	принадлежащая земля в %	% от общего числа хозяйств	принадлежащая земля в %	% от общего числа хозяйств	принадлежащая земля в %	% от общего числа хозяйств	принадлежащая земля в %	% от общего числа хозяйств	принадлежащая земля в %	% от общего числа хозяйств	
До 1	13,5	1,3	16,8	1,7	25,5	2,2	18,6	1,6	20,7	1,5	58,7	14,3	62,3	18,6
1—5	49,6	28,7	41,0	26,3	38,7	11,3	56,3	24,6	35,3	8,8				
5—10	26,2	36,8	20,5	27,0	24,8	28,4	17,1	20,0	16,4	10,5	21,8	14,1	11,8	13,1
10—20	9,2	24,3	8,8	22,3	6,5	18,9	5,5	12,0	16,6	19,5				
20—50	1,4	7,2	2,5	13,0	4,0	6,9	1,7	7,8	8,5	20,8	12,9	16,8		
50—100	0,4	1,7	0,3	3,2	0,4	1,7	0,4	4,5	1,4	9,2	5,2	13,3	8,3	66,9
более 100			0,1	6,5	<0,1	35,6	0,3	27,7	1,1	29,7	1,4	42,0		

* Таблица составлена на основании данных [8—14].

до 4 га)¹, мелкие 2—5 га (в восточных районах — 4—8 га), средние 5—12 га (в восточных районах — 15—30 га), капиталистические — больше 26 га (в восточных районах — больше 30 га) [15].

Х. Нериг, Е. Писколь, П. Трикса [16], рассматривая социальную структуру деревни в Германии, предлагают следующую градацию имевшихся там хозяйств:

1. Хозяйства с земельным наделом до 2 га. Владельцы этих хозяйств не могли жить с дохода, получаемого с принадлежавшего им надела. В большинстве своем они вынуждены были работать в сельском хозяйстве или промышленности, пополняя ряды полупролетариев. Эта категория деревенского населения являлась основным резервуаром рабочей силы для крупных землевладельцев и гроссбауэров в деревне и для капиталистической промышленности в городе. В Германии в период фашистской диктатуры численность этой категории деревенского населения значительно возросла. Объективно владельцы этих карликовых земельных наделов по своему положению в обществе оказывались ближе всего к рабочему классу.

2. Хозяйства с наделом от 2 до 5 га были за небольшим исключением мелкими. Число их в условиях капитализма непрерывно сокращалось, а их владельцы неизбежно оказывались в рядах потенциальных союзников рабочего класса.

3. Наделами от 5 до 10 га земельных угодий владели в основном крестьяне-середняки. Но нередки были случаи, когда в результате неблагоприятных климатических или других условий часть владельцев указанных земельных наделов переходила в категорию мелких крестьян.

4. В группе крестьянских хозяйств, владевших наделом от 10 до 20 га, весьма сложно вычленить экономически крепкие середняцкие хозяйства и хозяйства крупных крестьян-гроссбауэров. В условиях интенсивно развитого сельского хозяйства средние крестьяне составляли основную массу товаропроизводителей. Политика фашистского государства в деревне закрепляла происходившую в их среде социальную дифференциацию. Часть середняцких хозяйств находилась в состоянии застоя и деградации, хозяйственно более мощная категория середняков укреплялась экономически вплоть до начала второй мировой войны.

5. Хозяйства с наделом от 20 до 100 га принадлежали в основном крупным крестьянам-гроссбауэрам. Встречались и крупнокапиталистические хозяйства. Деревенская буржуазия была наиболее сильным в экономическом отношении социальным слоем сельского населения. Ее политическое влияние усиливалось в значительной мере благодаря специальной, целенаправленной политике фашистского государства, в результате которой середняки, а чаще всего гроссбауэры занимали важнейшие должности в сельских общинах и аппарате управления.

Помещики, основу могущества которых составляли огромные земельные имения и тесное переплетение, слияние, срастание с монополистическим капиталом, занимали ключевые позиции в государственном фашистском аппарате власти.

Политическое и экономическое засилье помещиков, их тесный союз с капиталом вели к застою общественной жизни в деревне, к усилению угнетения основной массы деревенского населения.

Условия в Чехословакии, главным образом в Чешских землях, по характеру землевладения и особенно по типу ведения хозяйства имели целый ряд аналогий с Германией.

Иным было положение в Балканских странах. Здесь преобладала мелкая земельная собственность. Так, в Албании из 393 355 га сельскохозяйственных угодий в руках мелких собственников, средний надел которых равнялся примерно 1,8 га, было сосредоточено 237 666 га, т. е. 60,43% земли [17].

Весьма специфическим было положение в сельском хозяйстве Болгарии. Русско-турецкая война привела к разрушению турецкой феодальной

¹ Восточные районы отставали от других районов Польши по урожайности и производительности труда, поэтому доходность хозяйств там была гораздо ниже.

системы. Населением княжества Болгарии и Восточной Румелии было выкуплено у турецких крестьян и помещиков 447 550 га. Это соответствовало четверти обрабатываемой земли [18].

Как отмечает Н. Левинтов, «ликвидация феодальной собственности и феодальных отношений протекала тремя основными путями: 1) захват болгарскими крестьянами земель бежавших турецких феодалов, 2) ликвидация явочным путем различных форм феодальной и полуфеодальной зависимости, 3) захват значительной части земель турецкого государственного фонда. Главной и основной формой ликвидации помещичьего землевладения был прямой захват болгарским крестьянством земель помещиков» [19]. 90% населения Болгарии жило в деревне, для которой была характерна низкая концентрация земельной собственности. Хозяйства размером более 10 га составляли лишь 10% от общего числа всех хозяйств деревни.

Анализируя социальную структуру болгарской деревни, М. Исусов относит хозяйства от 1 до 7 га к бедняцким, от 7 до 20 — к середняцким и свыше 20 га — к крупным крестьянским [20]. Социальное и экономическое положение крестьян, обрабатывающих от 1 до 3 га, было тяжелым, поскольку количество земли, орудий труда и рабочего скота, которым они располагали, было совершенно недостаточным для обеспечения семьи необходимыми средствами существования. Средняки были относительно хорошо обеспечены рабочим скотом, сельскохозяйственным инвентарем и машинами. Часть своей продукции они продавали. Хозяйства с наделом 15—20 га (их число было незначительно) тяготели к крупным крестьянским хозяйствам и имели товарный характер. Кроме обработки земли, их владельцы получали доходы от торговли, переработки сельскохозяйственных продуктов. Они пользовались значительным количеством наемного труда. Помещичьи хозяйства в Болгарии почти отсутствовали.

Румыния резко отличалась по структуре землевладения от других балканских стран. Буржуазные аграрные реформы 1864, 1918 гг. существенно не изменили социальную структуру деревни. У крупных землевладельцев (менее 1% всех хозяйств размером более 50 га) находилось 30% земли. Земельные отношения здесь имели ряд аналогий со странами Центральной Европы. По степени развития промышленности и сельского хозяйства Румыния в значительной мере отставала от развитых стран региона.

В межвоенный период существенно выросла задолженность крестьянских хозяйств, что было результатом экономического кризиса, а также проведения буржуазных аграрных реформ. Выкуп земли у помещиков, предусматриваемый законами об аграрных реформах, должен был стать источником средств для модернизации и оздоровления помещичьих имений. Мировой экономический кризис резко ограничил возможности трудовой миграции крестьян. Безработица, рост аграрного «перенаселения» и раздел крестьянских наделов препятствовали подъему сельского хозяйства и затрудняли развитие капитализма в деревне.

Сельскохозяйственное производство в большинстве рассматриваемых стран (за исключением Германии и Чехословакии) было экстенсивным. Главной культурой оставалось зерно. Кормовые и технические культуры из-за отсутствия необходимых капиталовложений, недостатка соответствующей агротехники и агрономических знаний были мало распространены. Ручной труд доминировал над машинным. Сельскохозяйственное машиностроение почти отсутствовало.

О низком уровне развития сельского хозяйства свидетельствовали данные о средней урожайности пшеницы в 1934—1938 гг. (в Венгрии средний урожай составлял 14,0, в Болгарии — 12,0, в Румынии — 9,7, в Албании — 12,4 и в Югославии — 11,4 ц с га. Лишь в Германии и Чехословакии он достигал соответственно 22,8 и 17,0 ц с га) и о поголовье крупного рогатого скота на 100 га сельскохозяйственных угодий (в Чехословакии — 58,5, в Венгрии — 25,6, в Болгарии — 41,4, в Румынии — 23,7 и в Югославии — 30,4) [21—23].

При этом следует иметь в виду, что в Болгарии и Югославии преобла-

дали горные районы, где возможности для растениеводства были весьма ограничены и земли использовались в качестве пастбищ для мелкого рогатого скота.

В странах региона, за исключением Польши, Чехословакии и Германии, была широко распространена система аренды. Сдача в аренду земли мелким крестьянам, батракам служила выгодной формой их эксплуатации [24].

Предложенные выше критерии позволяют выделить страны с близкими объективными показателями. Если в основу сопоставления взять политические факторы (конкретная расстановка политических сил и отношение к странам фашистской оси в годы второй мировой войны), то группировка стран региона будет выглядеть таким образом:

- Албания, Польша, Чехословакия, Югославия;
- Болгария, Венгрия, Румыния, Восточная Германия.

Эта классификация, конечно, схематична. Она не полностью отражает расстановку политических сил в народных и национальных фронтах. По-видимому, целесообразно отдельно рассматривать Болгарию, где степень политического влияния коммунистов и их участие в системе революционной власти были с самого начала более значительными, чем в Венгрии и Румынии, и Восточную Германию, поскольку здесь весьма существенную роль в политических и экономических преобразованиях играла деятельность Советской военной администрации в Германии (СВАГ), выполнявшей решения Ялтинской и Потсдамской конференций по германскому вопросу.

Первую группу представляют те страны, где программы национальных и народных фронтов формировались в условиях, когда главной была задача национального освобождения. В силу этого демократическое требование проведения аграрной реформы облекалось, особенно в Югославии, Албании, Чехословакии, в национально-патриотическую, антифашистскую форму и превратилось в требование конфискации земельной собственности немецких, венгерских, итальянских собственников (исключение составляли лица, активно участвовавшие в антифашистской борьбе) и пособников оккупантов.

Во второй группе стран, особенно в Венгрии, Румынии, а после окончания войны и в Восточной Германии, борьба за демократическую аграрную реформу шла под лозунгом очищения общественной жизни страны от реакции, представляемой в классовом отношении помещиками и крупными земельными собственниками, которые являлись опорой существовавших реакционных режимов.

Помещичье хозяйство как феодальное владение в историческом смысле было уже в прошлом. Но как до войны, во время войны и после нее класс помещиков был воплощением политической реакции, противостоявшей любому прогрессивному изменению общественных условий. В странах, где у власти стояли фашисты, помещики и капиталистическая прослойка деревни служили опорой фашистского режима. Так было, например, в Венгрии (владельцы так называемых рыцарских хозяйств). В Словакии фашистско-глинковская народная партия имела значительное количество своих сторонников среди помещиков и зажиточных крестьян. Королевская диктатура в Румынии была диктатурой фашистского типа, выражающей интересы самых реакционных верхов финансового капитала и помещиков. В Германии помещики (юнкеры) поддерживали фашистскую власть. Преобладающая часть руководителей местных фашистских организаций (так называемых ортсбауэрнфюреров) в деревне происходила из зажиточных крестьян.

Учет различий в положении этих двух групп стран представляется важным при анализе тактики коммунистических и рабочих партий и характеристике выработанных ими программ демократических аграрных преобразований. Однако на осуществление этих программ и их конкретные результаты оказывали влияние факторы, определяемые степенью развитости капитализма в сельском хозяйстве. Исходя из этого, можно предложить следующую группировку стран: 1) Восточная Германия, Чехосло-

вакия — промышленные страны с высоким уровнем развития капитализма в сельском хозяйстве, где процесс перехода от феодальных к капиталистическим формам производства был в основном завершен. Крупные и средние крестьянские хозяйства имели товарно-капиталистический характер; 2) Венгрия, Польша, Румыния — аграрные страны с развивающейся промышленностью, в которой сильные позиции имел иностранный капитал. Крупные помещичьи и крестьянские хозяйства постепенно переходили к капиталистическим формам хозяйствования. Крестьянское землевладение характеризовалось интенсивным процессом дробления земельных наделов. Для деревни этих стран характерно сильное аграрное «перенаселение»; 3) Албания, Болгария, Югославия — аграрные страны со слаборазвитой промышленностью и прочными позициями иностранного капитала в их экономике. Для этих стран характерно почти полное отсутствие или незначительный удельный вес крупного землевладения. Крестьянские хозяйства были по преимуществу мелкими.

Таким образом, объективные экономические предпосылки аграрных реформ в выделенных нами группах стран были неодинаковы. На процесс их осуществления оказывали также влияние различные национальные, политические, экономические и социальные условия в каждой из стран, сложившиеся к моменту установления в них народно-демократического строя. Решающую роль при этом играла степень консолидации вокруг рабочего класса и его политического авангарда революционно-демократических сил общества.

Совокупность всех этих факторов оказывала воздействие на ход аграрных преобразований, их темпы и методы. Поэтому при сравнительном анализе осуществления аграрных реформ в странах Центральной и Юго-Восточной Европы и их типологизации следует учитывать такие критерии, как: темпы конфискации земли, сельскохозяйственного инвентаря и построек; характер земельной собственности, подлежащей отчуждению; выплата компенсации; количество земельных угодий в масштабе страны, подлежащих перераспределению по аграрной реформе; распределение земли и другого отчуждаемого сельскохозяйственного имущества среди сельского населения; размер наделов, создаваемых по реформе; участие трудящихся крестьян в подготовке и проведении аграрных реформ; значение аграрной реформы для союза рабочего класса с трудящимся крестьянством в ходе революции.

Ликвидация крупного землевладения была в подавляющем большинстве стран региона безусловным общественным требованием. В Венгрии, Польше, Румынии и Чехословакии крупным собственникам принадлежало более $\frac{1}{3}$ сельскохозяйственной земли. При этом численность этих хозяйств составляла около 1%. Им противостояло решительное большинство батраков и мелких крестьян, не располагавших часто даже минимальными средствами к существованию. Опыт стран региона показал, что в отличие от преобразований, проводимых народной властью в промышленном секторе, в сельском хозяйстве переход от капиталистического к социалистическому способу производства проходил через мелкое товарное производство, не только восстановленное, но и значительно возросшее после земельных реформ 40-х годов.

Вариант национализации земли, реализованный успешно в Советском Союзе и Монголии, был в странах региона тогда невозможен в силу национальных традиций и конкретных исторических условий. Крестьяне видели основу своего существования в собственном земельном наделе. Доля сельскохозяйственного пролетариата в деревне была незначительна, но и сельскохозяйственные рабочие связывали улучшение своего положения прежде всего с получением собственного клочка земли.

Коммунисты всех стран региона учитывали все эти обстоятельства, руководствовались ленинскими указаниями о том, что «...попытки скороспелого перехода к государственному ведению крупных хозяйств могут лишь скомпрометировать пролетарскую власть» и что «победу социализма над капитализмом, упрочение социализма можно считать обеспеченными лишь тогда, когда пролетарская государственная власть... реоргани-

зует всю промышленность...». «Только это, — подчеркивал В. И. Ленин, — даст возможность такой радикальной помощи, технической и социальной, оказываемой городом отсталой и распыленной деревне, чтобы эта помощь создала материальную основу для громадного повышения производительности земледельческого и вообще сельскохозяйственного труда, побуждая тем мелких земледельцев силой примера и ради их собственной выгоды переходить к крупному, коллективному, машинному земледелию» [25, с. 178—179].

В свое время В. И. Ленин предвидел невозможность полного и немедленного устранения частной крестьянской собственности на землю. Он не абсолютизировал и акта ее национализации: «Было бы, однако, величайшей ошибкой преувеличить или шаблонизировать это правило и никогда не допускать даровой передачи *части* земель экспроприированных экспроприаторов окрестному мелкому, а иногда и среднему крестьянству» [25, с. 177].

Коммунистические и рабочие партии стран Центральной и Юго-Восточной Европы учитывали это важное указание Ленина. Они предусмотрели в своих программах передачу земли и инвентаря, экспроприированных у крупных собственников, в руки сельскохозяйственных рабочих, мелких и отчасти средних крестьян. Средний размер участка, полученный по реформе, составлял в Польше 5,7 га, в Чехословакии — 4, в Восточной Германии — 3,9, в Венгрии — 3, в Югославии — 2,5, в Албании — 2,5, в Румынии — 1,2 га и в Болгарии 1,1 га [2, с. 366].

Величина выделяемого по земельной реформе надела зависела от резервов сельскохозяйственной земли и количества желающих ее получить. Если в Польше, Чехословакии (в Чешских землях), Восточной Германии все претенденты получили землю, то в Венгрии, Югославии, Румынии и Болгарии остались значительные группы крестьян, нужды которых не были удовлетворены, и земельный голод в деревне не был до конца ликвидирован. Часть земельного фонда была передана государственным имениям, где использовались преимущества крупного производства.

Советские исследователи приводят следующие данные о соотношении площадей, разделенных между крестьянами, и угодьями, перешедшими в государственную или иную общественную собственность: Венгрия — 77,8 : 22,2; Восточная Германия — 70,7 : 29,3; Польша — 61,2 : 38,8; Югославия — 54,5 : 45,5; Албания — 48,8 : 51,2; Болгария — 41,2 : 58,8; Чехословакия — 39,9 : 60,1; Румыния — 26,3 : 73,7. В собственности государства и общества «в большинстве стран отошли в первую очередь гористые участки земли, неудобные и непригодные для обработки в индивидуальном крестьянском хозяйстве, а также лесные массивы» [2, с. 366]. Площади, отведенные под создание государственных имений, были не очень велики, но значение этих имений как формы хозяйствования возрастало по мере дальнейшего углубления революционного процесса и перехода к социалистическим преобразованиям сельского хозяйства.

Начало и темпы земельных реформ в значительной мере определялись позициями демократических сил в национальных и народных фронтах. В ранее оккупированных фашистской Германией государствах, таких как Югославия, Польша, Чехословакия, вскоре после освобождения были изданы законы о земельных реформах. В Польше и Югославии земельные реформы проходили в один этап, хотя в Польше реформа осуществлялась постепенно, по мере освобождения ее территорий Советской Армией и воссоединения со страной исконно польских земель. Реформы были направлены против фашистов, коллаборационистов, немцев и крупных землевладельцев.

Однако в социальном смысле аграрные реформы в Югославии и Польше были различны. В Польше было ликвидировано в результате реализации декретов об аграрной реформе крупное землевладение свыше 50 га на старых польских землях и свыше 100 га на западных и северных землях в пределах старой Польши. В Югославии по аграрной реформе экспроприировались и крестьянские хозяйства размером свыше 35 га (или свыше 25 га пахотной земли), что обуславливалось незначительной долей

крупного землевладения. Экспроприации подлежали также хозяйства лиц, сотрудничавших с оккупантами.

Аналогичные факторы оказывали влияние на социальные результаты аграрной реформы в Албании, где ее фактическое начало относится к периоду антифашистской освободительной борьбы, а завершение — к концу сороковых годов. Отчуждению подлежала земля крупных национальных собственников и итальянских колонистов. По сути дела, земельная реформа была направлена в Югославию и Албанию и против крупных крестьян, поскольку верхняя граница экспроприированных владений составляла на первом этапе 40 га, а на втором — 5 га.

В Чехословакии в силу специфики расстановки классовых сил (в 1945—1948 гг. рабочий класс, по существу, делил власть в стране с антифашистской частью чешской и словацкой буржуазии) реализацию аграрной реформы можно было проводить лишь поэтапно. В Чешских землях первый этап земельной реформы — изъятие собственности коллаборационистов и лиц немецкой и венгерской национальности, не участвовавших в антифашистской борьбе, протекал относительно спокойно. По существу, здесь после изъятия большого количества земли у бывших немецких владельцев был ликвидирован земельный голод. В Словакии почти не было немецкого землевладения. Изъятие земли у лиц венгерской национальности проходило на первых порах очень медленно, так как не был еще решен вопрос об обмене словацкого и венгерского населения между Чехословакией и Венгрией. Антифашистский характер первого этапа земельной реформы в Чехословакии дал возможность осуществлять ее при широком союзе рабочего класса со всеми демократическими силами, даже с частью буржуазии. Но одновременно это обстоятельство обусловило определенное сокращение количества изымаемой земли. С. Цамбел считает, что глубина решения аграрного вопроса не соответствовала потенциуму революции в Словакии, объективно существовавшим в начале 1945 г. [26]. КПЧ отказывалась временно в интересах сохранения необходимого на данном этапе союза с антифашистской частью буржуазии от радикальной аграрной реформы, от ликвидации крупной земельной собственности чехов и словаков, не замешанных в сотрудничестве с оккупантами. Правые политические круги Чехословакии рассматривали первый этап земельной реформы как окончательное решение проблемы. Для коммунистов это было лишь началом проведения земельных преобразований в стране в интересах трудящихся крестьян. По сути дела, сформировались две диаметрально противоположные точки зрения, которые отражали процесс борьбы за характер решения аграрного вопроса в ЧСР, особенно в Словакии. Окончательное демократическое переустройство структуры земельной собственности, ликвидация крупного землевладения происходили в основном после февральских событий 1948 г., когда борьба за власть закончилась в пользу рабочего класса.

В Албании, Югославии и Чехословакии при проведении земельной реформы, носившей антифашистский характер, народная власть учитывала национальные настроения широких крестьянских масс.

Статистика показывает, что бывшее немецкое землевладение в государственном земельном фонде аграрных реформ в Югославии составляло 40,8% в Чехословакии — 70,8 и в Польше — 72,1% [2, с. 344—345].

Такой значительный объем немецкого землевладения объяснялся прежде всего наличием в этих странах многочисленного немецкого национального меньшинства. Империалистические круги Германии использовали это население в своих целях, создавая политические конфликты и готовя почву для вмешательства фашистской Германии во внутренние дела этих государств. Поэтому решения народных и национальных фронтов этих стран ликвидировать собственность лиц немецкой, венгерской и итальянской национальности (за исключением активных участников антифашистской борьбы) способствовало укреплению союза рабочего класса с другими патриотически настроенными слоями населения.

Экспроприацию собственности у лиц немецкой, венгерской и итальянской национальности можно охарактеризовать как особенность реализа-

ции земельных реформ в названных странах. Вместе с тем аграрные реформы означали и наступление на собственность «своей» аграрной буржуазии. Это наглядно можно продемонстрировать, выяснив долю бывшего крупного землевладения в государственном земельном фонде аграрной реформы. В Польше она составляла 24,3%, в Чехословакии — 29,2, в Югославии — 22,8% этого фонда [2, с. 345].

Аграрные реформы в Венгрии, Румынии и Восточной Германии по своей социальной направленности и по степени интенсивности их проведения имеют ряд общих черт. Их главное острие было направлено на ликвидацию крупного капиталистического и помещичьего землевладения, являвшегося социальной опорой реакционных режимов.

В Восточной Германии аграрная реформа была проведена в исторически сжатые сроки как единый непрерывный процесс. Собственность крупных землевладельцев (которые, как правило, поддерживали фашистский режим) была уничтожена полностью. Под руководством рабочего класса и КПГ (затем СЕПГ) осуществление земельной реформы стало революционной акцией народных масс, первым успехом революционных преобразований.

Большую помощь в реализации реформы оказывала СВАГ, практическая деятельность которой была направлена на помощь демократическим силам страны и на пресечение действий реакции.

Земельная реформа в Венгрии наносила удар прежде всего по венгерским помещикам. 90,5% государственного земельного фонда составляла бывшая помещичья и крупная земельная собственность [2, с. 345].

Земельная реформа в Румынии проводилась поэтапно и окончательно была завершена в 1948—1949 гг. конфискацией владений королевской семьи, а также земельных наделов свыше 50 га и так называемых образцовых ферм, находившихся в собственности крупных землевладельцев в соответствии с законом об аграрной реформе 23 марта 1945 г. Отмечая поэтапный характер реформы в Румынии, следует вместе с тем иметь в виду, что основной удар по крупной земельной собственности был нанесен в 1945 г. принятием и реализацией закона об аграрной реформе.

Таким образом, можно констатировать: демократические земельные реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы представляли собой успешное начало революционных преобразований в сельском хозяйстве под руководством рабочего класса. Они способствовали созданию и укреплению союза рабочего класса с трудящимся крестьянством на устойчивой социально-экономической основе. Такой союз демократических сил общества дал возможность сломить сопротивление помещиков и капиталистов.

Мы не имеем здесь возможности анализировать взаимоотношения коммунистических и рабочих партий с крестьянскими как левыми, так и правыми партиями, но следует учитывать, что эти отношения оказывали большое влияние на реализацию аграрной политики национальными и народными фронтами. Крестьянские партии в странах Центральной и Юго-Восточной Европы имели свою массовую базу не только среди зажиточных слоев деревни. Они вели за собой значительную часть средних и мелких крестьян. Взаимоотношения рабочих и крестьянских партий отражали процесс становления и укрепления рабоче-крестьянского союза. В ходе народно-демократических революций в крестьянских партиях происходила поляризация сил. В конце концов, правое крыло крестьянских партий открыто перешло на позиции буржуазии и защищало ее интересы (Миколайчик в Польше, Петков в Болгарии). Эти правые течения лишь временно шли вместе с революционными партиями и были ликвидированы как политические организации тогда, когда полностью разоблачили себя в глазах трудящихся масс, когда демократические силы в народных и национальных фронтах стали господствующими и могли устранить выступающие как реакционная сила правые крылья крестьянских партий.

Левые группировки в крестьянских партиях все теснее сотрудничали с рабочим классом и его коммунистическими и рабочими партиями. В рам-

ках народных и национальных фронтов они выступали за проведение демократических аграрных преобразований.

Общим результатом революционных аграрных преобразований в большинстве стран Центральной и Юго-Восточной Европы было устранение помещичьего землевладения. С передачей земли и сельскохозяйственного инвентаря в собственность сельскохозяйственным рабочим, мелким и средним крестьянам возникли новые мелкие хозяйства трудящихся крестьян, которые составили преобладающую прослойку деревни. Табл. 3 показывает изменение социальной структуры деревни после аграрных реформ.

Данные статистики показывают увеличение числа хозяйств с наделом от 2 до 10 га. Однако, по-видимому, еще преждевременно говорить о том, что по окончании реформ середняк становится центральной фигурой деревни. Такое утверждение может быть принято лишь условно. Действительно, крестьяне после реформы располагали земельными наделами, близкими или соответствующими среднему крестьянскому хозяйству. Но если учесть, что эти хозяйства существовали в условиях послевоенной разрухи, не имели даже минимально необходимого инвентаря и скота, не обеспечивались в достаточной мере удобрениями, семенами и промышленными товарами, не приобрели пока еще опыта рентабельного хозяйствования, то станет ясно, что можно говорить лишь о потенциальных возможностях осереднячивания деревни.

В результате реформ позиции капитализма в деревне были значительно ослаблены. Его развитию во всевозрастающей мере препятствовали законодательные акты новых демократических государств, направленные на ограничение капиталистических тенденций в сельском хозяйстве и являвшиеся следствием борьбы рабочего класса и его политических организаций за дальнейшее углубление революционного процесса.

По мере восстановления и укрепления экономики стран Центральной и Юго-Восточной Европы увеличивались возможности капиталовложений в сельское хозяйство со стороны народной власти. Последовательные мероприятия в поддержку трудящихся крестьян, особенно «новых» крестьян (например, в Восточной Германии программа развития вновь создающихся хозяйств), содействовали прогрессивным сдвигам в сознании большинства не только «новых», но и «старых» крестьян [16]. В результате этого в конце 40-х — начале 50-х годов улучшались условия труда и жизни в деревне, стало возможным постепенно приближаться к осуществлению цели социалистической аграрной политики — через кооперирование к сближению города и деревни.

Если попытаться сопоставить процесс осуществления аграрных реформ по темпам и интенсивности их проведения, то можно, опираясь на исследования советских и зарубежных ученых [2, 24, 29], предложить следующую группировку стран:

1. Албания, Венгрия, Польша, Восточная Германия, Югославия. В этих странах были самые глубокие изменения социальных условий в деревне и высокие темпы реализации земельных реформ.

2. Румыния, Чехословакия. Проведение земельных реформ растянулось на несколько лет и было закончено лишь после того, как решился вопрос о власти в пользу рабочего класса.

3. Болгария. Вследствие отсутствия помещичьей собственности в этой стране земельная реформа имела ограниченный характер и мало повлияла на изменение социальных и экономических условий в деревне.

При анализе и сопоставлении политических, экономических и социальных результатов земельных реформ, изменений условий труда и жизни трудящегося крестьянства группировка стран будет иная:

1. Польша, Восточная Германия, Чехословакия. В результате реформ земельный вопрос был в определенной мере решен. Сельское хозяйство, преодолев последствия войны, все более успешно выполняло поставленные перед ним задачи. В деревне преобладали мелкие и средние крестьянские хозяйства. Рабочий класс ориентировался на союз с трудящимся крестьянством и нейтрализацию крупных крестьян.

Социальная структура деревни стран Центральной и Юго-Восточной Европы после проведения земельных реформ 1944/45—1948/49 гг. *

Страна	Категории крестьянских хозяйств по наделу земли												
	до 1 га		1—5 га		5—10 га		10—20 га		20—50 га		50—100 га		более 100 га
	% от общего числа хозяйств	принадлежащая земля в %	% от общего числа хозяйств	принадлежащая земля в %	% от общего числа хозяйств	принадлежащая земля в %	% от общего числа хозяйств	принадлежащая земля в %	% от общего числа хозяйств	принадлежащая земля в %	% от общего числа хозяйств	принадлежащая земля в %	% от общего числа хозяйств
Албания	31,0	7,8	47,3	43,8	8,5	21,5	более 10 га 3,2 26,9	—	—	—	—	—	—
Болгария	10,9	1,2	1—7 га 70,4 53,1	7—20 га 18,6 39,4	свыше 20 га 1,0 6,4	—	—	—	—	—	—	—	—
	до 2,85 га 63,0	22,5	2,85—11,4 га 33,1 42,5	11,4—28,5 га 3,1 10,7	28,5—57 га 0,5 4,0	свыше 57 га 0,3 20,3	—	—	—	—	—	—	—
Польша	12,8	1,1	44,4	23,6	30,8	32,0	10,7	26,3	1,2	6,1	более 55 га 0,1 0,9	—	—
Румыния	17,5	2,1	58,7	39,2	17,9	29,7	5,7	15,3	1,0	7,3	более 50 га 0,2 6,4	—	—
Восточная Германия	21,8	3,8	25,1	12,4	31,7	29,5	15,2	25,8	5,5	19,6	0,6	4,7	0,7
Чехословакия	32,4	2,0	37,0	13,3	16,9	16,0	10,6	18,9	2,3	8,8	более 50 га 0,8 41,0	—	—
	до 2 га 30,	—	2—5 га 39,6 —	—	21,2	—	7,6	—	1,2	—	—	—	—

* Таблица составлена на основании данных [10; 13; 14; 27; 28; 29; с. 284; 30].

2. Венгрия, Румыния. Земельная реформа в Венгрии была проведена относительно быстро, в Румынии — постепенно, по этапам. Она ликвидировала помещичье и крупнокапиталистическое землевладение, в результате чего стали преобладать мелкие и средние хозяйства. Но изъятой по реформе земли было недостаточно, чтобы удовлетворить всех нуждающихся. Аграрное «перенаселение» деревни, отсталость сельского хозяйства можно было преодолеть, лишь ускорив промышленное развитие этих стран, т. е. проведя индустриализацию и обеспечив социалистические преобразования в деревне. Рабочий класс здесь ориентировался на союз с трудящимся крестьянством.

3. Албания, Югославия. Земельная реформа проводилась по мере освобождения стран. Она была направлена не только против помещиков (прежде всего немецкого и итальянского происхождения), число которых было ограничено, но и против крупных крестьян. «Перенаселение» деревни ликвидировалось в процессе промышленного развития страны и в ходе социалистического переустройства деревни.

4. Болгария. Земельная реформа была по объективным причинам весьма ограничена. Рабочий класс ориентировался на союз с трудящимся крестьянством и на ограничение крупных крестьян. Особенность Болгарии состоит в том, что земельная реформа проходила одновременно с развитием производственного кооперирования.

В целом можно констатировать: успешное осуществление демократических земельных реформ в странах Центральной и Юго-Восточной Европы положило начало глубоким изменениям в общественном положении миллионов трудящихся крестьян. Политические, экономические и социальные изменения создали предпосылки для культурной революции в деревне, на базе которой постепенно была преодолена традиционная отсталость крестьянства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Fruck H. Zur Lösung der Bodenfrage in den sozialistischen Ländern.— Beilage zur naturwissenschaftlichen Zeitschrift, Humboldt—Universität, naturwiss.-math. Reihe, 1968.
2. Марыина В. В. Революционные преобразования аграрных отношений в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.— В кн.: Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1982.
3. Economic Survey of Europe 1948. Geneva, 1949.
4. Statistická ročenka Republiky Československé 1957. Praha, 1957, s. 43.
5. Польская деревня в цифрах. М., 1955, с. 45.
6. Страны социализма и капитализма в цифрах. М., 1966, с. 34.
7. Тягуненко Л. В. Развитие сельского хозяйства СФРЮ. М., 1981, с. 7; Большая советская энциклопедия. Т. 65. М., 1931, с. 62.
8. Статистически Годишник на Царство България. София, 1938, с. 167.
9. Statisticky godišnik 1936. Beograd, 1937, Tab. 3, s. 88/89.
10. Mały Rocznik Statyczny 1939. Warszawa, 1939, Tab. 1, s. 69.
11. Недорезов А. И. Земельная реформа в народно-демократической Чехословакии. М., 1951, с. 161.
12. Статистический ежегодник 1957. Будапешт, 1959, с. 149.
13. Murgescu C. Reforme Agrare Din 1945. Bucarest, 1956, s. 55.
14. Покивайлова Т. А. Социалистическое преобразование сельского хозяйства в Румынии. М., 1974, с. 42—43.
15. Гольдштейн М. Аграрные отношения в бывшей Польше. М., 1940, с. 88 и сл.
16. Nehrlich Ch., Piskol J., Trixa P. Antifaschistisch-demokratische Umwälzung auf dem Lande 1945—1949. Berlin, in Veröffentlichung.
17. Hradecný P. Hospodarsko-spolecenské premeny na albanskem venkove v letech 1944—1949.— Slovanský přehled, 1981, № 6, s. 476.
18. Косев Д. Общественно-экономическо и политическо развитие на България на освобождението (1878—1885).— В кн.: История на България. Т. II. София, 1955, с. 22.
19. Левинтов Н. Аграрный переворот в Болгарии в 1877—1879 гг.— В кн.: История Болгарии. М., 1954, с. 333.
20. Исусов М. О социальной структуре болгарской деревни после второй мировой войны.— В кн.: Etudes historiques. Т. V. М., 1970, s. 596.
21. Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich 1938. Berlin, 1938, S. 42—45.
22. Statistisches Handbuch von Deutschland 1928—1944. München, 1949, S. 189.
23. Bouvier C. Le collectivisation de l'agriculture. Paris, 1958, annexe.
24. Коваленко М. Ф. К вопросу об аграрных реформах и земельной собственности в

- европейских странах народной демократии.— Уч. зап. Академии обществ. наук. М., 1957, вып. 16, с. 185 и сл.
25. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41.
  26. *Cambel S.* Charakter und Resultate der Bodenreform in der Slowakei nach dem zweiten Weltkrieg. In: Zbornik Filozoficky Fakulty Univerzity Komenského Historica. Bratislava, 1973—1974, S. 74.
  27. *Пушкаш А. И.* Борьба за аграрные преобразования в Венгрии. М., 1959, с. 135.
  28. *Stöckigt R.* Der Kampf der KPD um die demokratische Bodenreform. Berlin, 1964, S. 258.
  29. *Božić L.* Agrarna politika sa osnoviana zemijoradničkog zadrogarstva. Sárajevo, 1960.
  30. *Statystyka Rolnictwa 1946—1957.* Warszawa, 1961, s. 122—125.

ПРОЕКТЫ СОЗДАНИЯ ПОСЛЕВОЕННОЙ ЧЕХОСЛОВАЦКО-ПОЛЬСКОЙ КОНФЕДЕРАЦИИ (1939—1941)

Вопрос о проектах создания послевоенной чехословацко-польской конфедерации исследован далеко не полностью, хотя некоторые аспекты его уже были освещены в польской, чехословацкой и советской историографии. В данной статье рассматриваются отношения между чехословацким и польским эмигрантскими правительствами в связи с проектами будущей конфедерации в первый период второй мировой войны, а также отношение к этим проектам польской и чехословацкой прогрессивной общественности.

Осенью 1939 г. после поражения буржуазно-помещичьей Польши и ее оккупации фашистской Германией президентом Польши в эмиграции стал бывший председатель сената Владислав Рачкевич. Некогда активный эндек, Рачкевич после майского переворота 1926 г. тесно сотрудничал с «санацией». Премьер-министром эмигрантского польского правительства стал находившийся в оппозиции к пилсудчикам генерал Владислав Сикорский. В состав правительства Сикорского вошли как руководители некоторых оппозиционных «санаций» группировок буржуазии: народовцев, Стронництва праца, Стронництва людowego, ППС—ВРН, так и бывшие политические противники Сикорского — пилсудчики: генерал К. Соснковский, А. Коц и др. Основу эмигрантского правительства составляли про-французски настроенные деятели, такие как С. Кот, В. Сикорский, С. Стронский, А. Ладось, Ю. Галлер и др., и так называемая группа Торгового банка, в основном ориентировавшаяся на Англию: Х. Штрассбургер, А. Залесский, А. Фальтер и др. Новое правительство объявило себя противником санационно-фашистских методов правления, однако, единственной легальной основой своей деятельности оно признало реакционную конституцию 1935 г. Польская буржуазная эмиграция рассматривала правительство Сикорского как законного преемника досентябрьских польских властей. Франция и Англия признали польское эмигрантское правительство.

Положение чехословацкой эмиграции было значительно сложнее. После ликвидации чехословацкой государственности, создания протектората Чехии и Моравии и провозглашения независимости так называемого Словацкого государства многие видные политические деятели Чехословакии эмигрировали на Запад. В Париже осенью 1939 г. возникли два соперничавших политических центра: Чехословацкий национальный комитет и Чехо-Словацкий национальный совет во главе с бывшим премьер-министром Чехословакии словацким аграрием Миланом Годжей. Совет всемерно акцентировал наличие двух составных частей чехословацкого государства — Чехии и Словакии. Внешнеполитические взгляды М. Годжи в тот период были довольно близки взглядам В. Сикорского. В Чехосло-

вакцонационального комитета вначале большую роль играл бывший посол Чехословакии во Франции, словацкий автономист, политический противник Э. Бенеша) Ш. Осуский. Однако вскоре в Чехословацком национальном комитете усилилось влияние сторонников Э. Бенеша: бывшего военного атташе] в западных странах генерала Р. Виеста, национально-социалистического публициста и политика Г. Рипки, генерала С. Ингра, бывшего генерального директора брненского оружейного завода Э. Оутраты. Осуский остался в изоляции.

Обстановка осложнялась тем, что к этому времени ни Франция, ни Англия официально не отказались от решений, принятых в Мюнхене в 1938 г., и до поры до времени не спешили с признанием какого-либо из этих чехословацких эмигрантских центров. 11 октября 1939 г. Э. Бенеш посетил американского посла В. Х. Буллита, который заявил ему, что Соединенные Штаты Америки не могут признать чехословацкое временное правительство, так как это было бы противозаконно. В Вашингтоне считали, что чехословацкий посол В. Гурбан подчиняется эмигрантскому правительству, как если бы это правительство существовало, однако, признать что-либо еще, по словам Буллита, означало бы нарушение нейтралитета США [1, s. 36]. Франция признала Чехословацкий национальный комитет лишь 17 ноября 1939 г., а Великобритания — 20 декабря 1939 г. Причем и Великобритания и Франция рассматривали его лишь как «представителя» Чехословакии, полномочного формировать чехословацкие вооруженные силы за границей.

Признание польского эмигрантского правительства и Чехословацкого национального комитета и вообще вопрос о восстановлении государственности Польши и Чехословакии правящие круги западных держав связывали со своими планами послевоенного устройства. Причем проекты будущего европейского устройства стали выдвигаться сразу после начала второй мировой войны. Федеративные и конфедеративные идеи были провозглашены на западе в качестве чуть ли не универсального средства для будущей Центральной и Юго-Восточной Европы и, прежде всего, ее послевоенного экономического развития. Создание такого рода объединений при этом предполагалось осуществить под эгидой той или иной из великих империалистических держав.

Провал политики «умиротворения» агрессора привел к тому, что в западноевропейской политической публицистике, да и в министерских кабинетах попытались объяснить разобщенность, слабость и неустойчивость государств Центральной и Юго-Восточной Европы «ошибками» Версальской системы и, главным образом, уничтожением Австро-Венгерской монархии. Эту «ошибку» предполагали исправить путем создания после войны крупных федеративных блоков и в первую очередь блока чехословацко-польского.

Государственные деятели Великобритании видели в этом возможность облегчить осуществление своей политической стратегии, так как тогда было бы не нужно учитывать подчас совершенно противоположные интересы отдельных небольших государств этого региона [2, s. 634]. Разработкой этой политической концепции специально занимался Королевский институт международных отношений Великобритании [3, s. 112—113]. Газета «Times» довольно откровенно заявляла о притязаниях Великобритании на господство в будущей Центральной и Юго-Восточной Европе: «Необходимо создать союз государств, простирающийся от Балтики вниз до Адриатики, который мог бы стать чем-то вроде противовеса Германии и России. Народы этого региона очень надеются, что после войны Великобритания, поддерживаемая Америкой, будет играть главенствующую роль в этой части Европы. Они понимают, что отсутствие влияния Великобритании на страны Восточной Европы способствовало бы возникновению хаоса и окончательному кризису структуры Восточной Европы» [4]. Б. Локкарт, позднее ставший представителем Великобритании при чехословацком временном правительстве, писал в своих мемуарах: «Через некоторое время (после начала второй мировой войны. — *Е. С.*) мне удалось поставить вопрос о чехословацко-польской конфедерации. Проект с самого начала был официаль-

но одобрен Форин Оффис» [5, р. 109]. Правящие круги Великобритании, разрабатывая проекты федеративного или же конфедеративного объединения Центрального и Юго-Восточного европейского региона, считали важной задачей воссоздать у западных границ Советского Союза «санитарный кордон», с тем чтобы предотвратить распространение его влияния на Европу.

Французское правительство, следуя своим намерениям, строило несколько иные планы в отношении будущего устройства Центральной и Юго-Восточной Европы. Во французских правящих кругах в то время, очевидно, были влиятельные сторонники федеративной организации этой части Европы во главе с Габсбургами. Еще 20 октября 1939 г. чехословацкий дипломат П. Макса доносил о своем разговоре с болгарским послом Н. Балабановым, который сообщил ему, что французское правительство информировало иностранных дипломатов о существовании в Париже определенной группы (de Monzie), которая стремится к восстановлению Австро-Венгерской монархии, считая это наилучшим решением центральной европейской проблемы. По словам Балабанова, министр Э. Галифакс как будто также согласен с этим планом [1, s. 50]. В свою очередь в письме Бенешу в Лондон 28 октября 1939 г. Г. Рипка писал: «Мы получили сообщение, что Отто Габсбург вторично вел переговоры с Даладьё» [1, s. 56]. Начальник канцелярии президента Я. Смутны в записи о своем разговоре с Э. Бенешем и руководителем чехословацкой разведывательной службы полковником Ф. Моравцем 29 октября 1939 г. отмечал, что «реакционный французский режим не смирится с тем, чтобы в Центральной Европе существовало демократическое чехословацкое государство... Поэтому они хотят другое европейское устройство, которое бы позволило им не ломать голову в Центральной Европе. Первое решение — это какая-нибудь федерация, что на руку Габсбургам. Поэтому Даладьё принял Отто Габсбурга и не принял Бенеша» [1, s. 57]. 2 ноября 1939 г. Г. Рипка вновь сообщает из Парижа Бенешу в Лондон, что французское правительство продолжает переговоры с О. Габсбургом [1, s. 59].

Э. Бенеш стремился добиться признания Чехословацкого национального комитета в качестве правительства и поэтому не мог не считаться с политическими концепциями будущего устройства Европы, разрабатываемыми правящими кругами Англии и Франции. Об этом говорит и запись Г. Рипки от 12 января 1940 г., сделанная им в Париже после возвращения из Англии. «Находясь в Лондоне, — писал он, — я подал д-ру Бенешу реферат Осуского, который он зачитывал на заседании Национального комитета, о планах федерации в Центральной Европе. По этому поводу Бенеш заметил, что сам он идет гораздо дальше» [6, s. 50]. Очевидно, с осени 1939 г. до весны 1940 г. Э. Бенеш, учитывая сложившуюся обстановку, постепенно переходит от своей первоначальной концепции полного восстановления суверенитета Чехословацкой республики к идее создания после войны центральноевропейской федерации, одним из элементов которой должна была стать чехословацко-польская федерация либо конфедерация.

Заинтересованность польской политической эмиграции всех направлений (кроме небольшой части польских коммунистов, находившихся на Западе) в проектах будущего федеративного устройства Центральной Европы не случайна. С этими планами буржуазные и реформистские политики связывали надежды создать с помощью Великобритании предпосылки для великодержавного положения Польши в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе и, таким образом, реализовать свою максималистскую внешнеполитическую программу. Поэтому не случайно, что польское правительство включило федеративные проекты в свою политическую программу, которая осенью — зимой 1939—1940 гг. предполагала и будущую экспансию на восток, в частности, на земли Литвы [3, s. 140].

Первые неофициальные контакты и переговоры между чехословацкими эмигрантскими политиками и польским правительством начались осенью 1939 г. в Париже. Они тогда еще носили характер налаживания личных связей между руководящими представителями сторон. Причем польские политические деятели в этот период предпочитали иметь дело скорее

с М. Годжей, чем с Э. Бенешем [7, с. 106]. Годжа стремился заключить трехсторонний договор, предусматривающий объединение чешских земель, Польши и Словакии (как равных участников), в отличие от Бенеша, который исходил из наличия единой Чехословакии в ее отношениях с Польшей. В концепции Годжи поляки видели определенные выгоды для себя: при закреплении раздела Чехословакии на две части Польша имела бы решающее влияние в будущем федеративном союзе. Кроме того, используя возможные трения между чешской и словацкой сторонами, поляки также могли бы извлекать из этого выгоду для себя.

Несмотря на то, что с осени 1939 г. между представителями польского эмигрантского правительства и Чехословацкого национального комитета начались переговоры о двусторонних отношениях и обмен мнениями по вопросам международной политики, польское правительство официально не признавало Чехословацкий национальный комитет. Как известно из записи Я. Смутного о разговоре с советником посольства Гладким 18 апреля 1940 г., министерство иностранных дел Польши мотивировало это тем, что де «не понятно, кто имеет право выступать от имени чехословацкого народа — Бенеш или Осуский; Бенеш известен своей недоброжелательной политикой по отношению к Польше, он предпочитает сотрудничество с Россией, а потому Польша не должна доверять политике Бенеша» [1, с. 105]. В тот период Бенеш еще окончательно не отказался от планов восстановления полного суверенитета Чехословакии в пользу чехословацко-польской конфедерации. Это подтверждается тем, что, в частности, при провозглашении Чехословацкого национального комитета подчеркивалось, что его основной целью является «свободная Чехословакия в свободной Европе», и не содержалось никакого упоминания о планах европейской федерации [1, с. 47].

Однако уже в феврале 1940 г. Бенеш высказался за создание федерации, считая, что она могла бы стать противовесом планам, вынашиваемым определенными кругами французского правительства, предусматривающими реставрацию Габсбургов [1, с. 50]. По мнению Бенеша, создание Центральной и Юго-Восточной европейской федерации помешало бы проектам сохранения «независимости» Словакии. Он писал чехословацкому посланнику в Соединенных Штатах В. Гурбану 5 февраля 1940 г.: «Англия и Франция до сих пор не имеют окончательного военного или политического плана, а потому и в нашем вопросе сдержаны. Но все-таки от момента признания нашего комитета сделан значительный шаг вперед в нашу пользу, особенно в Англии. Лондон решительно против независимой Словакии, в Париже еще некоторые играют с дунайской федерацией, в их планах Словакия должна стать полноправным партнером, другие решительно выступают за единое государство» [1, с. 69, 72].

Большинство польского эмигрантского правительства было настроено антисоветски и даже считало Польшу формально в состоянии войны с СССР (после воссоединения Западной Белоруссии и Западной Украины с Белорусской ССР и Украинской ССР). 5 апреля 1940 г. в личных заметках Бенеш писал об обсуждавшихся в Чатхам Хаусе вопросах чехословацких границ, немецкой проблеме, отношении к Габсбургам, чехословацко-польских переговорах, там же сообщая о поездке члена польского эмигрантского правительства генерала Ю. Галлера в США и его речах: «Он хочет иметь польскую федерацию с Чехией и Словакией, Литвой и Украиной вплоть до Петрограда...» [1, с. 101—102]. Сторонники Бенеша, хотя и приспосабливались к существующей обстановке и принимали участие в международных акциях, которые никак нельзя назвать дружественными по отношению к Советскому Союзу (в частности, во время советско-финской войны), все же не упускали из виду возможность вступления СССР в войну и занимали по отношению к нему позицию гораздо более сдержанную, чем их польские партнеры. Когда Чехословацкий национальный комитет в начале 1940 г. обсуждал принципиальное направление своей внешней политики, было решено занять позицию, которую заместитель председателя комитета Я. Шрабек сформулировал следующим образом: «Комитет обязан соблюдать большую осторожность, чтобы не закрыть для

себя путь в будущее. Наша программа должна быть гибкой на случай, если международная обстановка полностью изменится. Сегодня она обращена против России, но может случиться, что это коренным образом изменится» [8, с. 184].

Подписание мирного договора между СССР и Финляндией 12 марта 1940 г. сорвало планы империалистических держав создать единый анти-советский фронт под предлогом оказания помощи Финляндии. Между тем, воспользовавшись бездействием Англии и Франции на Западном фронте, гитлеровцы захватили с апреля по июнь 1940 г. Данию, Норвегию, Бельгию, Нидерланды, Люксембург, а затем и Францию. В мае 1940 г. в Англии возник политический кризис, который привел к отставке Н. Чемберлена с поста премьер-министра. Новый правительственный кабинет сформировал Уинстон Черчилль, более гибкий и дальновидный политик. Обдумывая вопросы послевоенного устройства, Черчилль также развивал идею создания ряда федераций в Европе и в мире и придерживался концепции тесного англо-американского союза, который мог бы, по его замыслу, обеспечить будущую англо-американскую гегемонию [9, с. 351].

После капитуляции Франции польские и чехословацкие эмигрантские центры обосновались в Лондоне. Э. Бенеш окончательно утвердился в качестве лидера буржуазных и правореформистских кругов чехословацкой эмиграции. Он в это время уже высказывался за идею послевоенной центральноевропейской федерации и связывал признание будущего чехословацкого эмигрантского правительства непосредственно с созданием чехословацко-польской конфедерации. 9 марта 1940 г. Бенеш на переговорах в Чатхам Хаусе в Оксфорде о чехословацко-польских отношениях заявил: «Ближайшим чехословацким требованием должно стать создание временного чехословацкого правительства, которое будет в состоянии стать партнером при переговорах с польским правительством» [1, с. 83—84]. Изменение позиции Бенеша стало одной из причин признания Великобританией 21 июня 1940 г. Чехословацкого национального комитета в качестве временного правительства Чехословакии [10, с. 210]¹. Вторая причина была в том, что после потери Франции в качестве союзника Великобритания осталась практически в одиночестве. Английское правительство оказывало покровительство эмигрантским правительствам в Лондоне, руководствуясь стремлением использовать их возможности в военных действиях против Германии, для укрепления и расширения позиций консервативных, в том числе и антисоветских, сил в движении Сопротивления, а также рассчитывая опереться на них после войны для восстановления буржуазных порядков на освобожденных территориях [9, с. 356].

22 июля 1940 г. Э. Бенеш сформировал чехословацкое временное правительство под председательством Я. Шрамека, представителя католической Народной партии. Кроме членов Чехословацкого национального комитета, в это правительство вошли правые социал-демократы, представители реформистских кругов Ф. Немец и Я. Бечко, заняв посты соответственно министра и секретаря министерства социального обеспечения; государственными министрами стали — промышленник и крупный землевладелец Л. Феерабенд и бывший шеф контроля за ценами Я. Нечас; Я. Масарик, бывший посол Чехословакии в Великобритании, получил портфель министра иностранных дел.

Вслед за признанием Великобританией временное правительство Чехословакии 29 июля было признано польским правительством. Однако в польском министерстве иностранных дел, как и прежде, доминировали тенденции к закреплению постемюнхенского положения. Здесь надеялись, что удастся сохранить раздел Чехословацкой республики на два государства — Чехо-Моравию и Словакию. В этом духе были сформулиро-

---

¹ Полное признание чехословацкое правительство получило от Великобритании лишь после подписания советско-чехословацкого соглашения от 18 июля 1941 г. Однако и тогда английское правительство сделало оговорку, что «не берет на себя обязательства признать или поддерживать установление каких-либо будущих границ в Центральной Европе» [11, с. 90].

ваны и директивы, посланные польским дипломатическим представителям 15 августа 1940 г., т. е. уже после признания чехословацкого правительства. Польские проекты федерации, как отмечают польские исследователи, предусматривали скорее включение территории к югу от Карпат в сферу польского влияния, чем союз равных с равными [12, s. 258].

В послании на родину 7 октября 1940 г. Э. Бенеш так излагал свои взгляды на цели и задачи чехословацко-польской федерации: «После войны нужно будет создать более крупное федеративное либо конфедеративное объединение. Мы начинаем переговоры об этом с поляками... В общем это означало бы, что в момент брожения в Германии это объединение могло бы быстро организовать свои силы, отделить Россию от Германии, изолировать совместно с Англией Германию и „успокоить“ развитие немецкой революции, не прибегая к реакционным мерам... Без разумного договора и дружбы с Россией это было бы невозможно. Все это стало бы подготовкой нового центральноевропейского равновесия» [1, s. 130—132]. Как видно, Бенеш во внешнеполитическом плане рассматривал чехословацко-польскую конфедерацию прежде всего как барьер против распространения коммунистических идей на страны Европы. Однако его позиция по отношению к СССР продолжала существенно отличаться от польской.

После признания чехословацкого правительства польско-чехословацкие переговоры могли уже продолжаться на официальном уровне. Осенью 1940 г. произошел ряд встреч и совещаний представителей чехословацкого и польского правительств при посредничестве и в присутствии представителей Великобритании [13, p. 38]. Во время одной из таких встреч, состоявшейся 16 октября 1940 г., Э. Бенеш ознакомил В. Сикорского, С. Стронского, С. Кота со своим планом чехословацко-польской конфедерации: «Два независимых государства, федерация на экономической основе. Таможенная уния, единая валюта. Самостоятельные армии, но общий Генеральный штаб. Общая внешняя политика, но отдельные дипломатические представительства. Национальные парламенты, создание постоянного общего комитета из 8 или 10 человек: премьер-министров, министров иностранных дел, министров обороны и торговли» [1, s. 134]. Как видно уже из этого первоначального плана Бенеша, чехословацкая сторона делала упор прежде всего на экономическое сотрудничество с Польшей в рамках будущей федерации как страной экономически менее развитой по сравнению с Чехословакией, что представляло для последней безусловные выгоды.

В ходе этой встречи встал вопрос и об отношениях с Советским Союзом. На вопрос Бенеша, считает ли себя польская сторона в состоянии войны с СССР, Сикорский ответил утвердительно. Тогда Э. Бенеш заявил, что Чехословакия в войне с Советским Союзом не находится и находиться не будет [1, s. 135].

Более подробно план будущей польско-чехословацкой конфедерации был изложен Бенешем в меморандуме, посланном В. Сикорскому 1 ноября 1940 г. Условно этот меморандум Бенеша можно принять за начало официальных переговоров о польско-чехословацкой конфедерации. В нем указывалось, что будущее объединение должно обеспечить безопасность Чехословакии и Польши. Далее следовало изложение уже известных положений от 16 октября 1940 г. В качестве общих органов конфедерации Бенеш предлагал создать Федеральный совет, который бы руководил внешней, военной и экономической политикой и координировал направления международных торговых связей. Как вспомогательные органы Федерального совета должны были быть созданы Экономический совет и специальный Совет связи [14, s. 253]. Бенеш подчеркивал в меморандуме необходимость уже на этом этапе переговоров начать детальное рассмотрение условий действия польско-чехословацкого таможенного и торгового союза (тем самым опять делая упор на экономическую сторону объединения) и обсуждение основ будущей общей внешней политики (причем, по этому поводу Бенеш отмечал, что самым трудным делом будет выработка общей политической линии по отношению к Советскому Союзу) [14, s. 254]. Кроме того, Бенеш считал, что «нужно будет уже с сегодняшнего дня соз-

дать основы общей политики на случай краха Германии или взрыва коммунистической революции в этой стране. Нужно в день краха нацизма быстро восстановить порядок в наших двух странах, взаимно помочь друг другу и принять все необходимые меры в отношении Германии» [14, с. 254].

Последнее, чего касается Бенеш в меморандуме, — это формы текущего сотрудничества между двумя эмигрантскими правительствами: «взаимная регулярная информация о дипломатических и военных событиях, тесный контакт двух армий на территории Великобритании, немедленные общие действия в случае предложения мира со стороны Германии или любой другой державы, обмен мнениями по поводу польской и чехословацкой доктрин целей войны и будущего мира, создание основ сотрудничества в области пропаганды и информации, а также Исполнительного комитета для разработки методов сотрудничества во всех вышеперечисленных областях» [14, с. 255].

11 ноября 1940 г. была опубликована совместная чехословацко-польская декларация, объявлявшая о том, что после войны оба государства вступят в тесное экономическое и политическое объединение. Высказывалась надежда, что к чехословацко-польскому объединению присоединятся и другие страны этой части европейского континента, сообщалось также о решении правительств обоих государств уже теперь перейти к тесному сотрудничеству с тем, чтобы «защитить свои общие интересы и подготовить объединение двух стран» [15, с. j. 394/dův/40]. Будучи первым официальным заявлением о намечавшемся объединении двух стран, декларация вызвала большой интерес в политических кругах союзников. Правительство Великобритании одобрило декларацию, о чем заявил У. Черчилль в Палате общин 26 ноября 1940 г. [13, р. 44]. Английский реакционный журнал «Экономист» писал, что для союзников «прошлая неделя была неделей добрых вестей, одной из которых явилось решение чехословацкого и польского правительств похоронить спор о Тешине навсегда» [16]. Однако на самом деле декларация носила весьма общий характер и не затрагивала никаких конкретных проблем чехословацко-польского сотрудничества. В ней говорилось об общности коренных интересов чехов, словаков и поляков и о необходимости прекращения прежних споров и обвинений. Вопрос о Тешинской области не поднимался, решение его откладывалось с самого начала переговоров. 11 ноября 1940 г. Я. Масарик сообщает в письме Я. Шрамеку, что 9 ноября ему звонил У. Черчилль и сказал, что манифестация всех союзнических правительств, приуроченная к годовщине заключения перемирия в 1918 г., будет весьма своевременной, а затем просил его помочь организовать все это и объявить декларацию от имени чехословацкого и польского правительств [15, с. j. 394/dův/40]. Таким образом, опубликование декларации было вызвано политическим влиянием Великобритании, а не выработкой согласованных позиций на проходящих переговорах между двумя эмигрантскими правительствами.

14 ноября 1940 г. Э. Бенеш посылает чехословацкому посольству в Вашингтон депешу, где сообщает о чехословацко-польской декларации от 11 ноября 1940 г., перечисляет основные положения проекта чехословацкой стороны о будущей конфедерации, изложенные в меморандуме от 1 ноября 1940 г., подчеркивает различные позиции чехословацкого и польского правительств по вопросу об отношении к Советскому Союзу. Бенеш просил ознакомить членов американского правительства с содержанием депеши и рекомендовал чехословацким политикам в США поддерживать связь с польской эмиграцией в Америке [1, с. 140—141].

Ответом на меморандум Бенеша было письмо В. Сикорского от 3 декабря 1940 г., где он указывал на необходимость с самого начала переговоров точно определить основу чехословацко-польского союза. «Союз, — писал Сикорский, — должен начаться с полной солидарности в военное и мирное время» [14, с. 256]. Причем, «ни одно из государств не имеет права принять решение, иначе чем с согласия и при участии другой стороны» [14, с. 256]. В письме говорилось об общности решений по всем существенным вопросам политики. Тем самым Сикорский подчеркивал преимущественно политический характер будущего объединения. Для Поль-

ши, страны более крупной по сравнению с Чехословакией, именно такая форма объединения казалась выгоднее. Большое внимание уделялось в письме проблемам внешней политики. В первую очередь это касалось отношения к Советскому Союзу. В начале послания В. Сикорский, не желая заострять внимания на различиях в позиции чехословацкого и польского правительств по отношению к СССР, отмечал, что польское правительство согласно, чтобы будущая конфедерация установила с Советским Союзом дружеские отношения. В то же время Сикорский, весьма резко критикуя советскую политику по отношению к Германии и вообще в Центральной и Юго-Восточной Европе, в сущности, сформулировал необходимость проведения по отношению к Советскому Союзу политики с позиции силы: «Жесткая позиция наших двух стран, вынуждающая Россию сделать выбор — или наша дружба при условии уважения нашей независимости и прав, или наш общий отпор при навязывании коммунистических правительств в наших столицах, естественно заставит Советское правительство задуматься, особенно в том случае, если речь будет идти о том, чтобы пойти наперекор интересам победоносной Великобритании» [14, s. 258]. Далее Сикорский подчеркивал юридические права Польши на все довоенные польские территории. Причем его замечание о том, что польская сторона якобы ждет удобного момента, чтобы заключить с СССР соглашение, обновляющее эти «права», служило лишь тактическим целям. Польское правительство опасалось вызвать негативную реакцию чехословацкой стороны в связи с диаметрально противоположными взглядами чехословацкой и польской эмиграции на изменение чехословацко-польской границы после мюнхенского договора. А эта формулировка позволяла думать, что эмигрантское правительство Польши не исключает возможность решения всех пограничных вопросов путем переговоров. Сикорский предложил Бенешу сохранять нейтралитет в случае спора одной из сторон с третьим государством [14, s. 259]. Фактически это было предложением поддержать чехословацкую точку зрения по поводу чехословацко-венгерских границ, измененных в пользу Венгрии после Мюнхена, взамен чехословацкой поддержки польской позиции по поводу польско-советских границ.

Таким образом, уже в начале переговоров между чехословацким и польским эмигрантскими правительствами выявился ряд противоречий, одним из главных среди которых было отношение к Советскому Союзу. В ходе переговоров этот вопрос постоянно оставался на первом плане. И хотя в дальнейшей переписке с Сикорским Бенеш формально соглашался с принципом нейтралитета в спорных вопросах одного из партнеров по конфедерации с третьим государством, он интерпретировал это по-своему: «Каждый из нас может формулировать свои требования в отношении границ в соответствии со своими нуждами и взглядами, а его партнер будет в курсе и будет уважать эти требования, но не вмешиваться в эти вопросы» [14, s. 263]. Это мнение Бенеша подтверждает его нежелание безоговорочно встать на сторону польского правительства, в частности, в решении вопроса о советско-польских границах. Он считал неизбежной войну между Германией и СССР. В своих мемуарах Бенеш пишет, что на встрече с Сикорским 26 января 1941 г. он пытался убедить его в этом [17, s. 226]. Бенеш также полагал, что в результате войны Германия и ее союзники будут побеждены, а Советский Союз вместе с Великобританией и США выйдет из войны победителем. До этого момента его взгляды разделял и Сикорский, но далее они расходились. Бенеш считал, что после войны СССР будет оказывать на страны Центральной и Юго-Восточной Европы намного большее влияние, чем до войны. Сикорский же полагал, что Советский Союз, хотя и выйдет из войны победителем, будет сильно ослаблен, понеся в войне огромные потери, и поэтому надеялся, что решающее влияние на судьбы этой части Европы будет оказывать великодержавная Польша (Франция, Германия и Италия, по его мнению, также надолго утратят свои позиции в Европе) [18, s. 174]. Кроме того, в сообщении министра внутренних дел чехословацкого правительства Ю. Славика председателю правительства Я. Шрамеку в январе 1941 г. обращается

внимание на то, что польские проекты будущей конфедерации предполагали более тесный союз Польши и Чехословакии, тогда как чехословацкие проекты предусматривали больше свободы для партнеров в будущем объединении [15, ѓ. j. 212/dův/41].

Как уже говорилось, чехословацкая и польская стороны решили на время отложить вопрос о чехословацко-польских границах, однако, в январе 1941 г. он был затронут сначала в польской, а затем и в чехословацкой прессе. Тогда чехословацкий министр по делам пропаганды Г. Рипка счел необходимым изложить польскому министру информации и пропаганды С. Стронскому позицию чехословацкого правительства: «Правительство Чехословакии поддерживает, как это было категорически заявлено через его представителей, принцип правовой и юридической непрерывности Чехословацкой республики. Следовательно, оно не признает никакого насильственного акта, совершенного во время и после мюнхенского кризиса с чьей бы то ни было стороны. Вот почему мы не можем признать никакой территориальной аннексии, которая осуществлена в это самое время в ущерб Чехословацкой республике» [14, s. 283]. Польский премьер-министр в своем письме Бенешу от 10 февраля 1941 г., однако, заявил, «что польское правительство постоянно придерживается позиции неизменности границ Польши до сентября 1939 г.» [14, s. 261]. Свою позицию Сикорский аргументировал так: «Польша в этих границах подписала договор с Великобританией. Имея эти границы, Польша вступила в войну, в которой понесла столько жертв, самоотверженно защищаясь. Поэтому мы не можем допустить, чтобы Польша вышла из войны, уменьшившись территориально» [14, s. 261]. Оба правительства отстаивали неизменность своих границ: Чехословакия — границ, существовавших до 30 сентября 1938 г., Польша — границ до 1 сентября 1939 г. В результате существенным пунктом чехословацко-польских разногласий продолжал оставаться вопрос о Тешинской области, захваченной Польшей у Чехословакии 1 октября 1938 г. с согласия Германии [19, s. 240]. В марте 1941 г. в Лондоне вышла книга «Позиция Польши в Центральной Европе», которая имела провенгерскую направленность, что послужило поводом для протеста со стороны чехословацкого эмигрантского правительства [15, ѓ. j. 754/dův/41]. В марте же 1941 г. в венгерской передаче Би-би-си выступил польский генерал Дембидкий, ратовавший за чешско-словацко-польское государство [15, ѓ. j. 1407/dův/41], что еще раз обнаружило наличие серьезных противоречий между чехословацкой и польской сторонами в плане как внешней политики, так и внутренней структуры будущей конфедерации.

На этом этапе переговоров появились 9 смешанных комитетов, в каждом по 4-5 представителей сторон. 22 марта 1941 г. в совместном коммюнике сообщалось о создании смешанных комитетов и указывался список их членов [13, p. 129—130]. Главным из этих комитетов был Координационный, руководящий и направляющий работу остальных восьми: политико-юридического, экономико-финансового, социальной политики, культурного сотрудничества, занимавшихся подготовкой основ будущей конфедерации, а также дипломатического, информационного и военного комитетов, обсуждавших проблемы текущего сотрудничества [6, s. 160; 15, ѓ. j. 595/dův./41]. Сам факт возникновения общих органов по подготовке будущей чехословацко-польской конфедерации говорит о решимости правительств Польши и Чехословакии продолжать работу в этом направлении. Во время своего пребывания в Чикаго в апреле 1941 г. генерал В. Сикорский беседовал с представителями Чехо-Словацкого национального совета в США Папанкой и В. Бенешем. В ходе этой беседы генерал Сикорский подчеркнул значение декларации от 11 ноября 1940 г., указал на трудности, которые могут возникнуть при разработке проектов конфедерации в области экономики, политики и военного дела. Однако он высказал надежду, что все эти трудности будут преодолены в ходе работы польско-чехословацкого Координационного комитета. Сикорский отметил также большую важность польско-чехословацкого сотрудничества в Америке. Чехословацкие представители заверили Сикорского, что 5 млн поляков

и 2 млн чехов и словаков, находящихся в США, будут тесно сотрудничать. Детали этого сотрудничества должны были быть обсуждены позже польским послом в США Я. Цехановским и представителями чехословацких и польских организаций [15, с. j 3217/dův/41].

Весной 1941 г. В. Сикорский писал полковнику Л. Свободе в Советский Союз о сотрудничестве с поляками по вопросу о конфедерации, подчеркивая существующие между ними разногласия: «Наше отношение к Советскому Союзу осталось в основном таким же, каким оно было до Мюнхена, тогда как поляки говорят, что находятся в войне с Россией. Мы сформулировали нашу концепцию послевоенного сотрудничества с Польшей таким образом, что основой его должно стать соглашение и дружеское отношение к России, так как Польша не сможет существовать, имея врагами обе великие соседние державы» [20, с. 102—103]. Польское эмигрантское правительство в этот период придерживалось теории «двух врагов»: с запада — Германии, с востока — СССР. Бенеш, подчеркивая дружественный характер будущей конфедерации по отношению к Советскому Союзу, хотел добиться согласия СССР с проектами ее создания. Мало того, Бенеш защищал идею конфедерации, утверждая, что Советский Союз согласится с ней, ибо не делал никаких заявлений против планов конфедерации. Однако Советский Союз и не мог делать каких-либо заявлений по этому поводу, так как между Советским правительством и эмигрантскими правительствами Чехословакии и Польши до июля 1941 г. не существовало дипломатических отношений, да и Советский Союз не был официально поставлен в известность о ходе ведущихся переговоров. Как видно из продолжавшейся переписки между Бенешем и Сикорским, последний отклонил предложение Бенеша о каких-либо переговорах с Советским Союзом вообще, сославшись на существующее состояние войны между Польшей и Советским Союзом. По его мнению, вести переговоры о конфедерации надо было лишь с Великобританией и США, а Советский Союз поставить перед совершившимся фактом [14, с. 266].

Несмотря на тот комплекс противоречий, который выявился в ходе переговоров между чехословацким и польским эмигрантскими правительствами по проблемам внешней политики (отношение к Советскому Союзу и Венгрии), внутренней структуры будущего объединения (конфедерация на экономической или политической основе), чехословацко-польских границ, работа по подготовке будущего объединения продолжалась, и в мае 1941 г. Г. Рипка так сформулировал принципы будущей конфедерации: «Участники конфедерации отказываются от своего суверенитета. В конфедерацию не может входить ни одна из соседних великих держав, так как имела бы преимущества в конфедерации. Объединенные в конфедерацию государства будут иметь общие органы и институты. Их решения будут иметь силу после одобрения правительствами отдельных стран. Не может быть создана единая монархия. Режимы партнеров будут основаны на одинаковых политических и социальных принципах. Центрально-европейская конфедерация будет входить в общеевропейскую конфедерацию» [6, с. 161].

Понимая реакционный характер планов чехословацко-польской конфедерации, и чехословацкие и польские коммунисты решительно выступали против них [21, с. 467]. «Создание одинаковых политических режимов, — писал чехословацкий коммунист Б. Лаштовичка, — скрывало в себе серьезную опасность, так как известно было стремление польского правительства установить после войны режим сильной единоличной власти по типу того, который существовал в Польше после переворота Пилсудского в 1926 г.» [6, с. 161]. По свидетельству того же Лаштовички, «чехословацкие коммунисты в Великобритании с самого начала были против конфедерации из-за ее реакционного характера и так как переговоры о ней велись за спиной народа, без его ведома и согласия» [6, с. 175]. Чехословацкие коммунисты, находящиеся в эмиграции в Лондоне, выступали против проектов конфедерации в печати, на собраниях, а после их вхождения в Государственный совет — и там. Особенно энергично и определенно высказывались прогрессивные круги чехословацкой эмиграции

о характере этих планов после вступления в войну Советского Союза. Газета «Nové Československo», отражавшая взгляды прогрессивной чехословацкой молодежи в Великобритании, писала 1 февраля 1942 г.: «Проект конфедерации является нереальным балластом, реквизитом иных времен. Руководствоваться этим направлением в стремлении обеспечить нашу государственную и национальную будущность означает, что эти действия приведут скорее к совершенно противоположным результатам» [22]. Выступая на заседании Государственного совета, член КПЧ Годинова-Слурна подчеркивала, что «Чехословацкая республика не может обеспечить свою безопасность конфедеративными планами. Безопасность республики может быть обеспечена лишь тесным сотрудничеством с Советским Союзом» [6, s. 175]. Из сообщений, которые через своих информаторов получало чехословацкое правительство в Лондоне, явствовало, что в стране «проект чехословацко-польской федерации не только не нашел отклика в массах, но и создал инстинктивную оппозицию» [23, s. 36—37]. Причиной этого был не только вопрос о Тешине и различные взгляды чехословацкой и польской сторон на отношения с Венгрией, но и позиция польского эмигрантского правительства по отношению к Советскому Союзу.

Видный польский деятель коммунистического движения Альфред Лямпе, касаясь планов создания европейских конфедераций, справедливо подчеркивал в журнале «Wolna Polska», что каждую конфедерацию, каждый союз нужно рассматривать конкретно. В каждом отдельном случае нужно выяснить, кто с кем объединяется, с какой целью и на какой основе. Именно поэтому А. Лямпе критиковал действия польского эмигрантского правительства в связи с планируемой центральноевропейской конфедерацией: «Польша не позволит навязать ей роль „санитарного кордона“ по отношению к Советскому Союзу. Польше не за чем отгораживать Россию от Европы. Мы не представляем себе послевоенного европейского устройства без Советского Союза. Долгосрочная основа нашей политики — это теснейшее сотрудничество с Советским Союзом как наилучшая гарантия нашей безопасности и независимости. Всякие идеи конфедераций, всякие федеративные планы, которые находятся в противоречии с этими принципами, являются для нас неприемлемыми. С этой точки зрения мы будем рассматривать новые, выдвигаемые в последнее время федеративные идеи» [24, s. 318]. Все прогрессивные силы антифашистского движения Сопротивления Польши и Чехословакии придавали большое значение чехословацко-польскому сотрудничеству в военное и послевоенное время: «Стратегия и экономика, история и география, прошлое и настоящее, а самое главное будущее требуют единства целей и средств, сотрудничества, теснейшего союза Польши и Чехословакии», — писал А. Лямпе [24, s. 324]. Коммунисты стремились достичь чехословацко-польского союза на принципиально новой, демократической основе, опирающейся на дружбу и сотрудничество с Советским Союзом [25, s. 571].

Антисоветизм, политическая близорукость польских политиков буржуазной эмиграции, неумение реально оценивать военно-политическую обстановку не позволили им понять будущей роли и места Польши в послевоенной Европе [26, s. 24].

Чехословацкая буржуазная эмиграция во главе с Бенешем занимала двойственную позицию по отношению к СССР. Считая, что конечная победа будет достигнута благодаря западным державам, она учитывала, однако, и возможность роста международного авторитета Советского Союза, а также и роста симпатий к нему среди народных масс, борющихся с фашистскими захватчиками на родине [26, s. 24].

Различие в отношении к Советскому Союзу со стороны польского и чехословацкого эмигрантских правительств было одним из главных, но не единственным разногласием при их переговорах о будущей конфедерации. Стремясь достичь как можно больших выгод для себя, чехословацкое и польское правительства никак не могли решить спорных вопросов, касающихся общей границы, характера и внутренней структуры будущего объединения, отношений с соседними государствами. Однако под влиянием политических кругов Великобритании переговоры о конфедерации между

чехословацким и польским правительствами продолжались вплоть до конца 1943 г. [27, с. 642].

Прогрессивные силы и, прежде всего, коммунисты, борясь за восстановление государственности обеих стран, выступали за изменение внешнеполитического курса Польши и Чехословакии, за союз с Советским Союзом, за создание новых отношений между Польшей и Чехословакией, основанных на дружбе, сотрудничестве и равенстве, связывая вопросы внешней политики с коренными внутренними преобразованиями в своих странах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dokumenty z historie československé politiky 1939—1943. Sv. I. Praha, 1966.
2. Češi a poláci v minulosti. Vol. 2. Praha, 1967.
3. Sprawa Polska w czasie drugiej wojny światowej na arenie międzynarodowej. Zbiór dokumentów. Warszawa, 1965.
4. Times, 1941, 6 VIII.
5. Lockhart B. Comes the Reckoning. London, 1947.
6. Laštovička B. V. Londýně za války. Praha, 1978.
7. Borodovčák V. Slovensko v natlakovej diplomácii polskej vlády v Londýně.— Slovanský přehled, 1982, № 2.
8. Вторая мировая война. Материалы научной конференции. Кн. I. М., 1966.
9. Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль. М., 1982.
10. Matoušek S. Vznik a vyvoj společného státu Čechů a Slováků. Praha, 1980.
11. Bojující Československo 1938—1945. Praha, 1945.
12. Z polskich studiów slawistycznych. Seria 3, t. I. Warszawa, 1968.
13. Wandycz P. S. Czechoslovak-polish confederation and the great powers 1940—1943. Bloomington, 1956.
14. Korespondencja w sprawie polsko-czechosłowackiej konfederacji 1940—1943.— Studia z najnowszych dziejów powszechnych. Warszawa, 1963, t. 4.
15. Statni Ustredni Archiv. Prezidium Ministerske Rady — Londyn. Československo-polské spolupráce 1940—1944.
16. Economist, 1940, 16 XI.
17. Beneš E. Pameti: Od Mnichova k Nové Valcé a novemu vítězství, I. Prague, 1947.
18. Kowalski W. T. Wielka koalicja 1941—1945. T. I. Warszawa, 1972.
19. Kána O., Pavelka R. Tešinsko v polsko-československých vztazích 1918—1939. Ostava, 1970.
20. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 4, кн. I. М., 1981.
21. Kolejka J. Československo-polské vztahy za druhé světové války.— Slezský sborník, 1961, № 4.
22. Nové Československo, 1942, 1 II.
23. Borodovčák V. Perspektívy povojnovej československo-pol'skej spolupráce v predstavách pokrokových sloziok odboja na Slovensku.— Slovanský přehled, 1981, № 1.
24. Lampe A. O. Nową Polskę. Warszawa, 1954.
25. Borodovčák V. K. 35 výročiu uzawrzenia československo-polskej zmluvy o priateľstve a vzajomnej pomoci.— Historický časopis, 1982, № 4.
26. Носкова А. Ф., Поп И. И. Из истории складывания нового внешнеполитического курса стран Центральной и Юго-Восточной Европы в годы второй мировой войны.— Советское славяноведение, 1982, № 5.
27. Melichar V. Cesta k československo-polskému spolenectví.— Československý časopis historický, 1976, № 5.

КЛЕВАНСКИЙ А. Х.

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КРИЗИСА БУРЖУАЗНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

С переходом от капитализма свободной конкуренции к монополистической его стадии — империализму — складываются предпосылки возникновения и развития общего кризиса капитализма как мировой общественной системы. Общий кризис капитализма представляет собой закономерно обусловленный, естественноисторический процесс, процесс умирания, распада этой системы вследствие обострения свойственных самой ее природе противоречий. Вместе с тем он означает, что объективные предпосылки ее ликвидации уже созрели и решающее значение приобретает субъективный фактор истории — деятельность прогрессивных, революционных сил общества.

Начало эпохе непосредственного крушения капитализма положил революционный кризис, выросший на почве первой мировой империалистической войны, кульминацией которого явилась Великая Октябрьская социалистическая революция в России и последовавший за ней революционный подъем в Европе и мире. С этого времени капиталистическая система перестала быть единственной и всеохватывающей, сфера ее действия и влияния начала неуклонно сокращаться. Это не только углубило прежние противоречия, имманентные капитализму, но породило новые, эффективно разрешать которые он оказался неспособным. Общий кризис капитализма поразил капиталистическую общественно-экономическую формацию в целом, как извне, так и изнутри, распространился на все области общественной жизни, отразился на всех сторонах функционирования ее экономической, социальной и политико-идеологической структуры, обнаруживаясь и проявляясь в различных сферах и все новых и новых формах. Особенно это сказалось на политической системе капиталистического общества, которая чрезвычайно восприимчива к изменениям в социальной среде и экономических отношениях и чутко реагирует на импульсы, исходящие от них.

Уже длительное время среди исследователей, стоящих на позициях исторического и диалектического материализма, и в нашей стране и за рубежом идет серьезная и плодотворная дискуссия как вокруг общего понятия «политическая система общества», так и вокруг более узких, таких, как «политическая система капитализма» и «политическая система социализма». При этом, однако, ряд существенных вопросов, касающихся этих научных дефиниций, призванных наиболее адекватно отразить характерные черты и стадии объективного исторического развития всех основных компонентов этой важнейшей части надстройки, остаются еще не

решенными, а сформулированные на них ответы — спорными¹. В этой связи представляется уместным высказать некоторые соображения, касающиеся, в частности, категории «политическая система капиталистического общества», а также понятия ее кризиса.

Как известно, в отличие от законов природы, носящих объективный характер, закономерностям развития человеческого общества свойственно диалектическое сочетание объективного и субъективного, причем по мере поступательного развития общества роль последнего неуклонно возрастает. В центре любой общественной системы стоит человек, человеческие коллективы, стремящиеся к достижению определенных целей. Объективные по своей сущности закономерности развития общества осуществляются в процессе сознательной, целенаправленной деятельности людей. Эта специфика общественного развития — единство объективного и субъективного, возрастающее воздействие субъективного фактора — особенно отчетливо обнаруживается при анализе закономерностей функционирования и динамики политических систем, всех их типов и видов.

Под политической системой капиталистического общества, как нам думается, следует понимать объективно существующую, относительно устойчивую (т. е. способную к изменению и развитию в определенных пределах) и относительно самостоятельно функционирующую целостность, представляющую собой органически взаимосвязанные и взаимообусловленные компоненты — политические институты и нормы, политическое сознание, а также возникающие в динамике взаимодействия и борьбы различных социальных общностей (классовых, социально-групповых, национальных, религиозных и др.) политические отношения, отражающие и выражающие в совокупности их интересы, связанные с политической (прежде всего государственной) властью.

Если политические институты являются материальными орудиями, с помощью которых различные общественные силы стремятся осуществить свои цели, удержать или завоевать политическую власть, утвердить свои нормы поведения, то их представления о политическом строе воплощаются в их политических взглядах, идеологии, т. е. составляют духовную, идеальную основу функционирования этих сил, а из их практических действий складываются политические отношения, связывающие между собой все структурные элементы политической системы.

Из числа политических институтов важнейшим элементом структуры (или структурным элементом) политической системы капитализма, основой ее является государство — наиболее универсальный механизм политической власти в любом классовом обществе. В институциональную структуру политической системы входят далее: политические партии, профессиональные союзы и союзы предпринимателей, национальные, религиозные и другие внутренние в большей или меньшей степени организационно оформленные объединения, для которых политическая деятельность является или главной, или хотя и не единственной, но существенной функцией [1, с. 177].

Целостность, единство политической системы капиталистического как одного из типов классово-антагонистического общества относительно, ограничены, исторически преходящи, внутренне противоречивы. Борьба, противодействие классово-разнородных, противостоящих друг другу элементов структуры его политической системы (буржуазных — консервативных и пролетарских — революционных) безусловны, неограниченны и в этом смысле — абсолютны. Поэтому, на наш взгляд, вполне правомерно, как делают некоторые исследователи, различать доминирующую политическую систему (подсистему по отношению к политической системе капитализма как целому), созданную эксплуататорскими классами и другими привилегированными социальными общностями для осуществления и воспроизведения своего господства, своей диктатуры, и политические

¹ Из работ советских авторов последнего десятилетия, в которых рассматриваются вопросы теории политических систем и, в частности, политической системы капиталистического общества и ее кризиса, методология и методы их исследования см. [1—13].

институты, сознание, действия социальных общностей угнетенных и неполноправных, прежде всего рабочего класса и его союзников. В свою очередь они носят системный характер, ибо объединены общей целью, обладают своими внутренними структурными связями и отношениями, имеют свое активное системообразующее ядро в лице организованного политического авангарда рабочего класса. С одной стороны, они таким образом являются компонентом структуры политической системы буржуазного общества как целого, его подсистемой, хотя и далеко не равнозначной доминирующей политически, идеологически, формально-юридически и во многих других отношениях. С другой же стороны, они являются материальными и духовными орудиями социально-политического давления и борьбы, противостоят механизму политической власти (диктатуры) буржуазии и идеологическому оправданию его существования. Это — начала и важнейшие предпосылки создания новой политической системы, выходящей в недрах старой, отживающей свой, определенный ей историей, срок [1, с. 217; 10, с. 194].

Доминирующая подсистема, воплощающая в себе политику и политическую власть экономически господствующих классов и сил, оказывает определяющее воздействие на функционирование всей политической системы капиталистического общества, прежде всего потому, что в ее рамках действует буржуазное государство. Именно доминирующая политическая подсистема, по нашему мнению, предопределяет характер политического строя, который, по словам Маркса, является «официальным выражением гражданского общества» [14]. Составные части доминирующей подсистемы связаны сознательными усилиями буржуазии, направленными на достижение ее общеклассовых целей, утверждение господства ее политики, идеологии, культуры, морали во всех сферах общества, т. е. его интеграцию на ее принципах, под ее главенством. При этом, конечно, на функционирование этой подсистемы оказывают существенное воздействие противоречия внутри самих господствующих классов, порождаемые, прежде всего, их углубляющейся дифференциацией. Естественно также, что и эта подсистема есть та форма, в которой наряду с классовыми интересами буржуазии в той или иной степени должны находить и находят свое выражение и интересы, общезначимые для всех членов общества.

Конкретные политические системы одного типа, в данном случае буржуазного, существенно различаются по своему виду, если рассматривать их, в частности, с точки зрения характера существующего в той или иной стране политического режима, т. е. особенностей осуществления политической власти, совокупности тех приемов и методов, которым данные господствующие классы или социальные группы в данное время, в данной обстановке отдают предпочтение (прямое насилие, открытое подавление, косвенное давление, маневрирование, уступки, реформы или их сочетание в различных пропорциях). Установление такого рода различий, разграничение конкретных видов политических систем весьма существенно, в частности, при сравнительном изучении динамики их кризиса. Ибо кризис политической системы капитализма как целого находит свое реальное воплощение в кризисах определенных политических систем той или иной страны. Он есть не что иное, как цепь таких кризисов, причем каждый из них в отдельности содержит в себе все или многие элементы кризиса системы в целом [6, с. 74].

Кризис политической системы капитализма, любого ее конкретного выражения, есть прогрессирующий, хотя далеко не прямолинейный процесс возрастания ее неустойчивости, ослабления ее действительности как следствия обострения противоречий, разрешить которые ранее используемыми средствами она не может. Это и возрастающая неспособность институтов власти выполнять общественно необходимые функции и снижение действительности прежних методов и форм защиты интересов правящих классов. Это и объективное сокращение потенциальных возможностей системы решать задачи, встающие перед обществом в новых условиях, и субъективное падение заинтересованности правящих классов или их влиятельных группировок в существовании системы в данном неизменном ее со-

стоянии и виде, с одной стороны, а с другой — растущее разочарование все более широких слоев общества в способности данной системы эффективно решать проблемы, порождаемые общественным развитием [7, с. 243; 15]. Отсюда стремление приспособить формы политической жизни, методы политического управления к изменениям и сдвигам, происходящим в важнейших областях человеческой деятельности, однако, естественно при непременном сохранении характера и основ существующего капиталистического общественного уклада, а следовательно, и своего господства. Как подчеркивал В. И. Ленин, «всякие кризисы вскрывают суть явлений или процессов, отметают прочь поверхностное, мелкое, внешнее, обнаруживают более глубокие основы происходящего» [16, т. 20, с. 245].

Кризис буржуазной политической системы — этот сложный и многогранный исторический процесс — обязывает исследователя вскрывать его динамику, взаимозависимость и взаимообусловленность всех его важнейших компонентов, сторон, состояний, взаимосвязь всеобщего и особенного в его развитии.

Исторически кризис этот развивается далеко не прямолинейно и отнюдь не всегда одновременно и в одинаковой степени охватывая все составные части политической системы той или иной страны, все стороны функционирования политического механизма, все области внутренней и внешней политики и всю политико-идеологическую сферу. Было бы недопустимой вульгаризацией рассматривать многообразный процесс кризисного развития как нарастающий непрерывно и ведущий к немедленному, автоматическому краху находящейся в кризисном состоянии политической системы. Правящие классы ищут и находят различные пути и методы пусть временного преодоления неустойчивости, относительной стабилизации механизма своего политического господства, в разное время и при разных обстоятельствах вводя в действие имеющиеся в их распоряжении разнообразные материальные и духовные резервы, свидетельствующие о наличии у их системы власти более или менее значительного «запаса живучести». Политический кризис может быть различного уровня, широты охвата, глубины и остроты. Он может протекать скачкообразно, более или менее остро и обнаженно или эволюционно, преимущественно в скрытых, «ползучих» формах. Он может быть до предела сжат или относительно растянут во времени. Конкретная специфика его течения в той или иной стране зависит от ряда объективных и субъективных обстоятельств: достигнутого уровня экономического развития, степени концентрации и централизации производства и капитала, социальной, национальной, религиозной структур общества, соотношения классовых и политических сил, условий и времени возникновения данной политической системы, степени законодательно зафиксированного в ней демократизма, исторически сложившихся традиций и уклада конституционализма или парламентаризма, опыта господствующих классов и способности их лидеров маневрировать, от политической зрелости и организованности эксплуатируемых и подавляемых масс, прежде всего пролетариата, его политического авангарда, международного положения данного государства (в частности, степени его экономической и политической зависимости от других, более мощных) и многих других. Его течение зависит и от различных временных и ситуационных условий внутреннего и международного развития. Одни могут притупить остроту политических противоречий, борьбы внутри страны и на международной арене, затормозить или отчасти смягчить течение кризиса буржуазной политической системы, и в частности, на какой-то срок создать условия для большей или меньшей устойчивости конкретных политических режимов, парламентских и правительственных комбинаций, межгосударственных блоков и союзов, содействовать известной либерализации общественной жизни в отдельных странах. Другие — обостряют классовую борьбу, внутривнутриполитические противоречия, межгосударственные отношения, углубляют кризис всех сфер функционирования буржуазной политической системы как в национальном, так и в международном масштабе. Они, как правило, подхлестывают стремление господствующих классов к ужесточению методов правления, к замене бур-

жуазно-демократических режимов такими, в которых все более откровенно преобладают насильственные, авторитарные, диктаторские методы правления, вплоть до утверждения особой формы классового господства буржуазии — фашизма как открытой террористической диктатуры наиболее реакционных, шовинистических, агрессивных элементов финансового капитала.

Политическая демократия, парламентская, так называемая представительная система правления — теоретически нормальная форма надстройки для «чистого» капитализма [16, т. 30, с. 23]. При всей ее классовой ограниченности, формальности, фиктивности декларируемых ею прав и свобод она вынуждена была в известной степени считаться с требованиями основной массы населения — трудящихся — и создавала лучшие, чем прежняя, феодальная, условия, в частности для их организации и политического воспитания. Представительные институты, с одной стороны, необходимы буржуазии (это и средство влияния на массы, и место для уточнения соотношения сил между различными ее группировками, заключения между ними разнообразных соглашений, сделок, компромиссов, и известный механизм контроля над все более расширяющимися функциями и компетенцией бюрократического аппарата), но, с другой стороны, они несут в себе потенциальную угрозу ей, ибо некоторые из них могут быть частично или полностью вырваны из ее рук, отчуждены, дезинтегрированы из ее доминирующей политической системы при наличии влиятельных революционных, прежде всего пролетарских, партий. В условиях империализма каноническая буржуазная парламентарно-представительная форма правления по ряду причин, прежде всего из-за возросшего расслоения внутри господствующих классов, расширения и усложнения структуры и функций политического механизма власти, неизмеримо усилившегося давления на нее со стороны трудящихся и эксплуатируемых масс изнутри и мировой социалистической системы извне, оказалась недостаточно действенной, а потому и неустойчивой.

В основе кризиса буржуазного парламентаризма как важнейшего появления кризиса всей политической системы капитализма лежат, конечно, основные классовые противоречия, обостренные империализмом. Вместе с тем, при его исследовании нельзя игнорировать и обострение противоречий внутри господствующих классов, связанное с усилением дифференциации буржуазии, развитием государственно-монополистических тенденций и, в частности, с вытекающим из этого неуклонным превращением буржуазного государства из орудия диктатуры всего класса буржуазии также и в орудие диктатуры монополистического капитала.

Проявлением кризиса парламентаризма, т. е. реального падения действительности и устойчивости представительной формы правления, а поэтому и заинтересованности определенных группировок господствующих классов в ее сохранении в традиционном виде, является не только фактическое (в различной степени оно наблюдалось всегда), но и формально-юридическое сужение роли, ограничение прав выборных учреждений, все более частое обращение к чрезвычайному законодательству, нарушение взаимодействия и взаимоконтроля законодательной и исполнительной властей, обострение противоречий между их органами, рост численности и прерогатив бюрократического, военного и полицейско-репрессивного аппаратов. Как правило, при этом возрастает роль и вес исполнительной власти, отдельных ее носителей — «сильных» глав правительств, президентов, монархов, регентов, фактически узурпирующих и законодательные прерогативы, создают условия для деятельности закулисных олигархических клик или узких элитарных группировок, для все более всеобъемлющей коррупции, этой наиболее действенной формы косвенного утверждения всевластия монополий.

Кризис буржуазной политической системы находит свое проявление и в кризисе традиционных буржуазных политических партий или их блоков. Следствием падения престижа правительственных партий, авторитета их лидеров, разочарования в их программах, внутривластных расколов, а то и ухода некоторых из этих партий с политической арены,

вынужденного обстоятельствами подключения социал-реформистских партий к буржуазному механизму власти является частичная или полная реорганизация партийной системы с целью более действенного «интегрирования» масс, более успешного манипулирования ими, хотя последнее и чревато определенными издержками для части господствующих классов. Преследование, запрещение прогрессивных и революционных политических партий, поощрение деятельности или допущение к власти праворадикалистских и фашистских политических организаций — другая сторона явлений того же, кризисного, порядка.

Кризис институтов буржуазной политической системы, механизма их функционирования, политических отношений развивается параллельно (хотя и не обязательно одновременно) с кризисом буржуазной политической мысли и означает ее неспособность эффективно защитить, оправдать существование данных политических институтов, их практические действия, формы и методы их функционирования. Он находит свое выражение, в частности, в отказе буржуазных идеологов, ученых, политиков от позитивных демократических идей, постулатов, программ, доктрин, в их переходе на позиции откровенного ретроградства и консерватизма, в разработке теоретических основ таких политических систем, в которых или вообще исключается возможность волеизъявления масс и не находят места для представительных учреждений, или таких, в которых влияние общества на государственный механизм существенно ограничено, выборные институты кардинально деформированы и урезаны в правах. Все эти «новации» должны, по мысли их авторов, превратить, наконец, буржуазное государство в безотказный и эффективный инструмент преодоления социальных противоречий, «органической» интеграции всех слоев общества и результативного руководства им. Вместе с тем, кризис буржуазной политической идеологии проявляется в ширящемся скептицизме и политической пассивности, усилении критического отношения к старым политическим идеалам в самых широких слоях населения, в том числе и тех, которые ранее безоговорочно верили в них.

В. И. Ленин отмечал, что «... обострение противоречий является самой могучей двигательной силой переходного исторического периода, который начался со времени окончательной победы всемирного финансового капитала» [16, т. 27, с. 422]. Обострение противоречий и, как следствие этого, кризис, распад и, наконец, гибель капиталистической общественно-экономической формации с позиций общечеловеческой истории выступают как прогресс. В. И. Ленин писал, что «... именно „неустойчивость“ капитализма и есть громадный прогрессивный фактор, ускоряющий общественное развитие, втягивающий все большие и большие массы населения в водоворот общественной жизни, заставляющий их задумываться над ее строем, заставляющий их самих „ковать свое счастье“» [16, т. 2, с. 208].

С этой точки зрения и неустойчивость политической системы капитализма следует рассматривать как явление исторически прогрессивное. Это не значит, конечно, что демократическим и революционным силам безразлично, какие конкретные пути, методы, приемы будут изыскивать господствующие классы, чтобы преодолеть ее, какой политический курс возобладает в ходе развития кризиса в той или иной стране и в международных отношениях. Тем более, что тенденция к прогрессирующей политической реакции является закономерностью для монополистического капитализма. «Политической надстройкой над новой экономикой, над монополистическим капитализмом,— писал В. И. Ленин,— ... является поворот от демократии к политической реакции. Свободной конкуренции соответствует демократия. Монополии соответствует политическая реакция» [16, т. 30, с. 93]. Однако и время, и полнота, и способы реализации этой общей тенденции господствующих классов и правящих кругов к политической реакции, а также возможность ее торможения, срывания или даже пресечения зависят от того, в какой степени ей противостоит противоположная тенденция, выражающаяся в борьбе эксплуатируемых масс, и прежде всего рабочего класса, в защиту демократических завое-

ваний, за действительную и последовательную демократизацию политической жизни. Антагонистическое противоречие «между отрицающим демократию империализмом и стремящимися к демократии массами» [16, т. 30, с. 71], в конце концов, и лежит в основе кризиса политической системы капитализма. Прогрессивные силы кровно заинтересованны, чтобы разрешение кризиса произошло с наименьшими материальными и духовными потерями для общества и естественно в кратчайшие исторические сроки. Именно поэтому, в частности, в межвоенные годы, когда господствующие классы или их влиятельные фракции в некоторых странах пытались «усовершенствовать» механизм политической власти путем его ужесточения, урезать в правах или вообще свернуть парламентские, представительные институты, в ряде случаев использовать и такой свой резерв, как фашизм, прогрессивные силы, и прежде всего коммунистические партии, решительно встали на защиту того минимума демократических прав и свобод, носителем которых являлась буржуазно-демократическая, представительная система правления. При этом коммунисты, отстаивая демократические завоевания, вовсе не стремились к увековечиванию старой политической системы, ее сохранению в неизменном виде, а считали защиту буржуазной демократии условием и предпосылкой успешной борьбы за ее коренное преобразование в качественно новую систему, служащую интересам трудящихся.

Естественно, все сказанное о кризисе политической системы капиталистического общества как целого, есть определенная степень абстракции и, в известном смысле, схематизации многообразных, противоречивых и своеобразных процессов, протекавших в недрах реальных политических систем.

Несмотря на наличие общетеоретических исследований, касающихся различных аспектов получившего уже широкое признание системного подхода к изучению явлений общественной жизни, применение его при историческом анализе динамики кризиса конкретных буржуазных политических образований, в том числе и в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, еще только намечается. Между тем, такое рассмотрение, предусматривающее наполнение абстрактных понятий «плотью и кровью» исторических фактов и событий, представляется тем более перспективным, что на первом этапе общего кризиса капитализма этот регион был представлен широким спектром однотипных по своей социально-классовой природе буржуазных политических систем различного вида и форм. Общим для всех этих систем было то, что они возникали и функционировали в том районе Европы, где развитие капитализма до известного времени проходило не только замедленно, но и в значительной степени деформированно по сравнению со странами классического капитализма. Общественный прогресс здесь, несмотря на ускорение темпов социально-экономического, политического и культурного развития, еще в начале XX в. серьезно тормозился могучими пережитками средневековья. При этом противоречия капитализма как бы накладывались на непреодоленные антагонизмы прошлого и усугублялись империализмом с его возросшей неравномерностью, скачкообразностью как экономического, так и политического развития.

Однако на протяжении XIX — начала XX в. во всем этом регионе, хотя и с различной интенсивностью и в различных формах, шел процесс буржуазных и буржуазно-демократических преобразований, неизбежным спутником которого были освободительные движения неполноправных народов монархий Османов, Габсбургов, Гогенцоллернов и Романовых. Тенденцией таких движений, по общему правилу, было создание национальных государств или государств с близким и родственным национальным составом. В большинстве стран и земель региона наряду с пробуждением самостоятельных демократических, в том числе и национальных, движений активно шло становление самостоятельного полетарского движения [16, т. 22, с. 155—156; т. 23, с. 314].

Общим и немаловажным обстоятельством, существенно и постоянно осложнявшим обстановку в этом регионе, было то, что он издавна являлся

яблоком раздора между крупными европейскими державами, объектом их неизменных захватнических притязаний.

Именно этот регион стал непосредственной ареной кровавых сражений первой мировой империалистической войны, породившей тот революционный кризис, который привел к ликвидации существовавших здесь империй и к утверждению на развалинах одной из них, российской, нового общественного строя.

Великая Октябрьская социалистическая революция в России явилась тем важнейшим общим фактором, который оказал непосредственное воздействие на динамику политических систем всех государств этого региона, как существовавших до нее, так и возникших после и в значительной степени благодаря международно-политическим условиям, сложившимся в результате ее победы. Все они оказались в непосредственной близости от той разделительной черты, по которой мир раскололся на две противоположные общественные системы. Это не могло не оказать и действительно оказало особенно сильное и глубокое влияние на все политические процессы, проходившие в этих странах.

Представительные буржуазно-парламентарные системы правления не имели здесь, как правило, таких устоявшихся исторических традиций и социально-политических корней, как в странах классического капитализма. Их введение или модификация происходили в условиях развертывающегося общего кризиса капитализма и нередко являлись вынужденной тактической уступкой широкому демократическому движению трудящихся, единственно приемлемой для господствующих классов перед лицом реальной угрозы социального переворота.

Подчеркивая то общее, что характерно для этого региона, следует констатировать весьма существенные особенности конкретно-исторического процесса формирования, становления и развития буржуазных государственно-политических систем в разных его частях. Эти системы воссоздавались или возникали вновь на основе разнообразных экономических, социальных и политических условий и существенного различия форм общественной жизни, сложного переплетения межгосударственных, национальных, культурных, религиозных отношений и традиций, в весьма противоречивой духовно-психологической атмосфере.

Это предопределило специфику характера и форм борьбы за решение национального вопроса, за государственную самостоятельность, различие методов и степени прямого и косвенного вмешательства извне, своеобразии объективных условий развития и субъективных черт, присущих национальным движениям, их внутреннюю дифференцированность, неоднозначность и нестандартность их исторических результатов, воплотившихся, в частности, в разных видах национальной и многонациональной государственности. Различной, и это особенно существенно, была и степень воздействия «низов», и в частности рабочего класса, на освободительную борьбу в ее решающие моменты. Эти политические системы отличались по времени (с начала XIX до конца второго десятилетия XX в.) и обстоятельствам своего возникновения (национально-освободительные движения и войны, противоречивые результаты столкновений интересов и вооруженных конфликтов между государствами региона, а также другими державами, претендующими на гегемонию в нем, национальные, национально-демократические, буржуазные, буржуазно-демократические и, наконец, социалистические революции, мятежи, государственные перевороты и контрперевороты и т. д.). Разным оказались и официально закрепленные в законодательствах этих стран формы правления, государственного устройства (различные виды монархий и республик), структуры складывавшихся партийных систем, характеры политических режимов (от буржуазно-демократических до различных модификаций авторитарных, в том числе фашистских или полуфашистских).

Все эти перечисленные, естественно в самом общем виде, и другие исходные факторы предопределили и наличие общих черт и специфику процессов становления и кризисного развития буржуазных политических

систем в странах региона, настоятельная необходимость и перспективность изучения которых для нас несомненна.

Формы и последовательность этапов такого изучения диктуются, на наш взгляд, и сложностью самого объекта и недостаточностью имеющегося опыта историко-социологических исследований системного характера. Думается, оно должно идти от обобщения результатов, уже достигнутых рядом общественных наук, дополнения и расширения их в страноведческом плане, к сравнительно-историческому и комплексному, ведущемуся с позиций системного подхода.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А.* Социология. Политика. Международные отношения. М., 1974.
2. Политический механизм диктатуры монополий. М., 1974.
3. Углубление общего кризиса капитализма. М., 1976.
4. *Шахназаров Г. Х.* Неустойчивость политической системы империализма.— В кн.: Вопросы теории и жизнь. М., 1976, вып. 3.
5. Политические системы современности: Очерки. М., 1978.
6. *Шубин В. А.* Политическая система государственно-монополистического капитализма и ее кризис: Методологические проблемы. Л., 1978.
7. *Галкин А. А.* Октябрьская революция и кризис политической системы капитализма.— В кн.: Великий Октябрь и современная эпоха. Международная научно-теоретическая конференция. М., 1977.
8. *Галкин А. А.* Кризис политической системы капитализма.— Общественные науки, 1978, № 4.
9. *Шахназаров Г. Х., Бурлацкий Ф. М.* О развитии марксистско-ленинской политической науки.— Вопросы философии, 1980, № 12.
10. *Афанасьев В. Г.* О целостных системах.— Вопросы философии, 1980, № 6.
11. *Афанасьев В. Г.* Динамика социальных систем.— Коммунист, 1980, № 5.
12. *Афанасьев В. Г.* Системность и общество. М., 1980.
13. *Марченко М. Н.* Политическая система современного буржуазного общества. М., 1981.
14. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 27, с. 402.
15. *Тимофеева Т. Т.* Изменения в мире и кризис капитализма.— Рабочий класс и современный мир, 1980, № 2, с. 15.
16. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.

ПЕРВАЯ БУРЖУАЗНО-НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НА БАЛКАНАХ (К вопросу о характере сербского восстания 1804—1813 гг.)

История знает несколько типов и видов революций формационного характера, которыми в разных странах, в разных регионах и на отдельных континентах был обозначен или начат переход от феодальной общественно-экономической формации к капиталистической.

Великая французская революция, по определению В. И. Ленина, открыла эпоху «буржуазно-демократических движений вообще, буржуазно-национальных в частности» [1, т. 26, с. 143]. Она стала классическим примером буржуазно-демократической революции в однородной в национальном отношении, суверенной стране. Для национально-угнетенных народов, лишенных независимости, эпоха, объективным содержанием которой было «прогрессивное движение буржуазии против феодализма» [1, т. 26, с. 146], стала эпохой буржуазно-национальных революций [2]. Это был особый вид буржуазных революций аграрно-крестьянских по содержанию [1, т. 16, с. 235] и национально-освободительных по форме. Ярким примером формационных революций такого типа на Балканах, по нашему мнению, было Первое сербское восстание 1804—1813 гг.

О Первом сербском восстании существует обширная литература¹. Однако бросается в глаза при обилии частных исследований почти полное отсутствие обобщающих работ, синтезирующих достижения исторической науки на определенных этапах ее развития.

Если исходить из того, что «историческая наука в подлинном смысле этого слова начала развиваться в Сербии только во второй половине XIX в.»², — как справедливо утверждает известный югославский историк акад. В. Чубрилович, то первой синтетической работой о восстании в сербской историографии следует считать монографию С. Новаковича «Возрождение сербского государства», вышедшую в свет в 1904 г. — к столетию восстания. С. Новакович, как и другие буржуазные историки Первого сербского восстания — Л. Ранке, В. Калай, М. Вукичевич, М. Гаврилович — главный упор делал на внешнеполитический аспект восстания, на дипломатическую и военную деятельность его руководителей, оставляя в тени внутриполитические факторы. Книга немецкого историка Л. Ранке «Сербская революция» [6], написанная при участии В. С. Караджича [7] и изданная в 1829 г., впервые представила сербское восстание 1804—1813 гг. как событие всемирной истории и сделала его широко известным в Европе. В этом состоит ее главное значение.

Первым, кто попытался понять социально-политическую сущность сербского восстания 1804—1813 гг., был С. Маркович, который в своей

¹ См. Приложения к книге [3, с. 144—146], а также библиографию к главам В. Стоянчевича в книге [4, с. 25, 26, 64, 65, 87, 88].

² См. предисловие В. Чубриловича к [5, с. 9].

книге «Сербия на востоке» [8] с революционно-демократических позиций подошел к освещению и оценке эпохального события сербской истории. «Всякий, кто изучит историю сербской революции начала нынешнего столетия, — писал он во введении к своей книге, — должен убедиться в том, что здесь произошла не смена властей, не раздел государственных земель и вообще не какие-либо политические изменения, а глубокая **общественная революция**, которая в корне изменила характер общественных отношений сербов, находившихся под властью турок, причем она коснулась также и самого образа мышления сербского народа» [8, с. 1]. С. Маркович был глубоко прав, заявив, что «среди сербских историков нет ни одного, кто написал бы историю сербской революции, историю того переворота, который совершен в государственной и общественной жизни сербского народа и в основных его понятиях о своей народности и своем государстве» [9, с. 355]. И еще: «Переворот, который революция произвела в сербском народе, столь огромен, что мы сегодня, по существу, не можем даже и представить себе его истинного значения» [9, с. 354]. Как известно, не смог этого сделать ни С. Новакович, ни югославские историки межвоенного периода.

Истинное значение Первого сербского восстания с классовых позиций стало осмысливаться в Югославии только после победы социалистической революции в стране. Важными вехами в этом отношении явились празднования 150-й и 175-й годовщин восстания.

В обширном предисловии к юбилейному изданию книги С. Новаковича «Возрождение сербского государства» В. Чубрилович подвел итоги изучения истории Первого сербского восстания за 150 лет. Отправляясь от известных оценок С. Марковича и опираясь на новейшие исследования специалистов, он сделал важный вывод относительно характера восстания: «Революцией 1804—1815 гг.³ были разрушены старые общественные отношения в Сербии и на обломках османского феодализма и османского феодального государства в результате развития капиталистических производственных отношений создается в Сербии XIX в. буржуазное общество и буржуазное государство» [5, с. 33]. В других, более поздних, своих работах югославский историк пришел к не менее важному заключению, что Первое сербское восстание сыграло роль буржуазно-демократической революции [10; 11].

В связи с празднованием 175-й годовщины Первого сербского восстания президент СФРЮ И. Броз Тито в своем приветствии от 11 декабря 1979 г. Оргкомитету и участникам торжественного заседания подчеркнул, в частности, что «Первое сербское восстание совершило радикальный переворот в сербской истории и для всех времен стало составной частью общей революционной традиции сербского народа ... На деле те давние повстанческие битвы означали начало демократической революции в Сербии, они содействовали зарождению и развитию сербской нации и созданию основ независимого сербского государства. Революционность этой борьбы выразилась в том, что она была направлена одновременно на освобождение от чужеземного рабства и на ликвидацию феодальных отношений» [12].

Со всеми этими оценками нельзя не согласиться, если иметь в виду реальную картину развития возрожденного в результате двух народных восстаний — 1804—1813 и 1815 гг. — сербского государства, сначала как автономного княжества во главе с национальной династией в составе Османской империи, а с 1878 г. — в качестве независимого суверенного княжества и королевства. Но, судя по всему, рано еще ставить точку в этом вопросе. Об этом, в частности, свидетельствуют самые последние работы в Советском Союзе и СФРЮ, посвященные истории Первого сербского восстания и его оценке.

В 1981 г. была напечатана большая статья акад. А. Л. Нарочницкого, посвященная Первому сербскому восстанию [13, с. 54—70]. Известный советский историк задался целью определить место и роль сербско-

³ Имеются в виду Первое сербское восстание 1804—1813 гг. и Второе — 1815 г.

го восстания в едином комплексе революций и национально-освободительных движений конца XVIII — начала XIX в. с целью выявления общих черт для революций этой эпохи и своеобразия и особенностей, присущих только ему. Автор впервые предпринял попытку рассмотреть проблему, пользуясь методом сравнительного исторического сопоставления и типологизации буржуазных революций и освободительных движений эпохи национального Возрождения, победы и утверждения капитализма в наиболее развитых странах Европы и Америки. При этом особо был подчеркнут национально-освободительный аспект Первого сербского восстания как черта, отличавшая его от ряда революций XVII, XVIII и начала XIX в. По мнению А. Л. Нарочницкого, сербская революция 1804—1813 гг. расчищала путь для развития в стране буржуазного строя и, «следовательно, была в этом смысле буржуазной или точнее буржуазно-национальной» [13, с. 69]. «Хотя по масштабам и влиянию на мировой революционный процесс своего времени, — продолжает акад. А. Л. Нарочницкий, — сербское восстание значительно уступало революциям в странах Западной Европы и Америки, но, — утверждает он, — оно имело огромное значение для Балканского полуострова, где Сербия в начале XIX в. оказалась первым крупным очагом национально-освободительного движения против османского ига, переросшего в буржуазно-национальную революцию» [13, с. 59].

Таким образом, А. Л. Нарочницкий в основном поддержал нашу точку зрения на Первое сербское восстание как буржуазно-национальную революцию. Впервые такой взгляд был сформулирован нами в докладе на международной научной конференции 1978 г. в Москве, посвященной 100-летию освобождения балканских народов от османского ига [2; 14; 15]. Если акад. А. Л. Нарочницкий пришел к этому выводу на основании типологического анализа буржуазных революций и революционных национально-освободительных движений в Европе и Америке в конце XVIII — начале XIX в., то мы к такому же заключению пришли в результате типологического анализа кульминационных пунктов революционных буржуазно-национальных движений на Балканах на протяжении всего XIX и начала XX в.

Самой последней обобщающей работой в историографии Первого сербского восстания являются объемистые главы д-ра В. Стоянчевича в первом томе пятой книги Истории сербского народа [4, с. 7—95]. Автор использовал весь арсенал источников и литературы по истории восстания и пришел в общем и целом к правильным, с нашей точки зрения, выводам, вытекающим из всей совокупности фактического материала, которым располагает в настоящее время исследователь. Не вина, а беда его, что он не смог пока воспользоваться интересными и содержательными материалами по истории Первого сербского восстания, хранящимися в советских архивах, прежде всего, в Архиве внешней политики России и в Центральном государственном военно-историческом архиве [15].

Главный вывод, к которому пришел В. Стоянчевич, заключался в том, что «восстание обладало всеми чертами важной по своему значению общественно-экономической и национально-политической революции, радикализм которой, если судить по главным ее результатам, в некотором роде был сродни великой французской революции» [4, с. 65]. Иными словами, Первое сербское восстание выполнило роль буржуазно-демократической революции, важнейшими результатами которой стали: «свободный гражданин в освобожденной стране и свободный крестьянин на собственной земле». Таковы, по мнению автора, «два великих завоевания восстания» [4, с. 92]. Далее он пишет: «Ликвидация спахийских производственных отношений и узаконение крестьянского владения в качестве свободной крестьянской собственности — таковы были самые важные результаты в области социально-экономических перемен, которые принесло восстание освобожденной Сербии» [4, с. 93].

Со всеми этими выводами и обобщениями нельзя не согласиться, поскольку воспроизведенные формулировки полностью отвечают реальной действительности, логике известных нам фактов. При всем при этом серб-

езные возражения вызывает общее название раздела о Первом и Втором сербских восстаниях, автором которого является В. Стоянчевич (главный редактор тома), — «Сербская национальная революция» [4, с. 93]. С таким определением революции решительно нельзя согласиться. Нисколько не умаляя роли и значения национального фактора в Первом сербском восстании, его никак нельзя считать определяющим в революции формационного характера, каковым по всеобщему признанию, в том числе и В. Стоянчевича, было сербское восстание 1804—1813 гг. Во всяком случае, нам не известно ни одной революции, решавшей задачу перехода от феодальной социально-экономической формации к капиталистической, которая бы носила чисто национальный характер или в которой бы национальный момент был в конечном счете решающим. Национальные революции были и могут быть, но только не формационного характера. Об одной из таких революций говорил В. И. Ленин применительно к южнославянским народам в годы первой мировой империалистической войны. «На деле, — писал он в статье „Война и Российская социал-демократия“, — немецкая буржуазия предприняла грабительский поход против Сербии, желая покорить ее и задушить национальную революцию южного славянства...» [1, т. 26, с. 16] ⁴.

Все вышесказанное заставляет нас еще раз вернуться к сформулированной однажды оценке Первого сербского восстания как буржуазно-национальной революции. По нашему глубокому убеждению, такое определение лучше всего отражает классовую характеристику социально-экономической, общественно-политической и национально-освободительной сущности почти десятилетней революционной общенародной вооруженной борьбы сербов Белградского пашалыка, известной в истории как Первое сербское восстание. На наш взгляд, полнее и точнее всего с позиций исторического материализма эту суть выразил В. И. Ленин в определении главной исторической задачи всех поработанных народов Балканского полуострова, которую они решали на протяжении XIX и начала XX в. «Создание объединенных национальных государств на Балканах, свержение гнета местных феодалов, окончательное освобождение балканских крестьян всяческих национальностей от помещичьего ига, — такова была историческая задача, стоявшая перед балканскими народами» [1, т. 23, с. 38].

Поскольку все это происходило в эпоху национального Возрождения, то решить эту триединую задачу не могла никакая другая революция формационного характера, кроме буржуазно-национальной, ибо без социального освобождения не могло быть освобождения национального, а без этого последнего нельзя было создать объединенного национального государства. Ни одна буржуазно-национальная революция на Балканах не могла решить все задачи сразу, однако, главную и определяющую из них — социальную — каждая из них так или иначе решала, определяя тем самым рубеж, который отделяет феодализм от капитализма, одну общественно-экономическую формацию от другой. В этом состоит их самая главная общая черта, а вместе с тем и непреходящее историческое значение.

В силу специфики турецкого и австрийского феодализма, а также различий в положении и уровнях социально-экономического и политического развития отдельных провинций или областей, национальных особенностей и исторических традиций населявших их народов, буржуазно-национальные революции поработанных народов Балканского полуострова протекали неодинаково, при этом каждая из них внесла в революционный процесс немало своеобразного и особенного.

Не ставя своей задачей проведение типологического анализа всех буржуазно-национальных революций на Балканах в XIX в., остановимся на главных чертах самой первой из них — на сербском восстании 1804—1813 гг., на его особенностях, памятуя о том, что оно стало исходным

---

⁴ Заметим, что это единственное упоминание национальной революции во всем творческом наследии В. И. Ленина.

моментам, определившим все дальнейшее экономическое, социальное, политическое и культурное развитие Сербии в XIX — XX вв.

Самая первая и самая важная особенность сербской буржуазно-национальной революции состояла в том, что она совершалась в феодальной стране с неполной социальной структурой при отсутствии национального дворянства, в стране чисто крестьянской, с большими патриархальными пережитками и при наличии довольно развитой системы местного самоуправления в селах, общинах и кнежинах. Все это наложило неизгладимый отпечаток не только на характер самой революции, но и на всю последующую историю сербского народа.

Несмотря на то, что программа восстания на разных этапах десятилетней борьбы претерпевала изменения, адекватно отражая достигнутые успехи или неудачи движения, ее классовая сущность при этом оставалась неизменной. Она всегда выражала интересы крестьянства, составлявшего абсолютное большинство населения Белградского пашалыка. При этом следует иметь в виду, что, если в начале восстания сербское крестьянство было довольно однородным, то за десять лет динамичного революционного развития, когда каждый год равнялся десятилетию, в социальной структуре повстанческой Сербии произошел качественный сдвиг, в результате которого обострились противоречия между предводителями восстания и крестьянской массой, что несомненно было одной из причин трагических последствий турецкого наступления на свободную Сербию в конце лета 1813 г. [16].

Изучая развитие Первого сербского восстания 1804—1813 гг., мы ясно различаем его этапы. Стихийный в значительной мере бунт против дахий в феврале 1804 г., вспыхнувший в центре Шумадии, в 1805—1806 гг. после ряда успешных сражений повстанцев с регулярными турецкими войсками (битвы у Иванковца, на Мишаре и в Делиграде) превратился в хорошо организованное всенародное вооруженное восстание сербов Белградского пашалыка (военный потенциал повстанческой Сербии исчислялся 40—50 тыс. активного войска, состоявшего из пехоты, конницы и артиллерии, насчитывавшей к концу восстания 200 пушек [4, с. 71; 17], переросшее в 1807—1809 гг. в буржуазно-национальную революцию сербского народа с целью полного освобождения от ига Османской империи и создания своего национального государства. Все это подтверждается анализом требований повстанцев на каждом из трех этапов. Это были: во-первых, девять пунктов, принятых на Остружницкой скупщине в начале мая 1804 г. и положенных в основу переговоров с турецкими дахиями в Земуне. Обращает на себя внимание тот факт, что уже в этом первом документе восставшего народа содержалось требование свободы личности и торговли. Во-вторых, Ичков мир и вся подготовка к его заключению в 1806 г. [3, док. 155, 156, 159]; в-третьих, так называемая конвенция Карагеоргиев-Паулуччи 1807 г. [3, док. 260a]⁵. Оставляя в стороне незаслуженно запутанный вопрос о характере документа и его форме [18], мы исходим из очевидной для всех исследователей истины, что в его 13 пунктах изложены просьбы и пожелания сербского народа, сформулированные в военном лагере близ Неготина, где находились российские войска под командованием генерал-майора И. И. Исаева и сербские повстанческие отряды во главе с Карагеоргием и комендантом Неготинской крайны М. Стойковичем, которые вместе с представителем Правительствующего совета сербского Е. Гагичем после обстоятельного собеседования с эмиссаром российского министерства иностранных дел маркизом Ф. О. Паулуччи и подписали этот документ 28 июня 1807 г.

В пункте первом руководители восстания, «вручая» в критический момент восстания повстанческую Сербию покровительству русского царя Александра I, недвусмысленно заявили о необходимости издания конституции «по правам народа», социально-экономическая суть которых была

⁵ См. запись беседы Карагеоргия и Ф. О. Паулуччи с изложением просьбы сербского народа о принятии Сербии под покровительство России, об оказании помощи в борьбе против турок и создании сербской государственности.

ясно сформулирована в пункте втором, где говорилось: «чтобы никогда в Сербии не могла быть ни малейшая часть земли никому отдана, сиречь; чтобы помещика никакого не было и средством такового чтобы народ сербский под рабство не подпал» [3, док. 260a]. В этом, собственно, и состояла главная историческая задача восставшего народа на третьем этапе, решить которую призвана была буржуазно-национальная революция.

Иногда говорят: о какой буржуазной революции любого типа могла идти речь в отсталой Сербии начала XIX в., где еще не сформировался класс буржуазии. Вопрос не праздный. Но прежде всего не следует забывать, что буржуазно-национальные революции тем и отличаются от классических буржуазно-демократических, что не все необходимые компоненты, обязательные для последних, наличествуют в первых. Что же касается буржуазии, то ее представляли в тогдашней Сербии сельские торговцы-прасолы. Таким был верховный вождь и «основатель сербской независимости» [19, т. 9, с. 35], храбрый воин и талантливый военачальник Георгий Пётрович, вошедший в сербскую историю под именем Карагеоргия. Интересы буржуазии выражал первый председатель Правительствующего совета и главный дипломат повстанческой Сербии Матия Ненадович, а также многие воеводы. Далее, нельзя сбрасывать со счетов и того обстоятельства, что в восстании приняли активное участие австрийские сербы, выходяцы из Воеводины, где капиталистические отношения были неизмеримо более развиты. Такие государственные деятели освобожденной Сербии, как знаменитый ученый-просветитель Доситей Обрадович, первый народный законодатель Божо Груйович (Филип Филипович), член Совета Еремия Гагич и другие несомненно усиливали буржуазную направленность освободительного движения. Нельзя отрицать и того, что среди всех провинций европейской Турции Сербия была наиболее развитой областью. А кроме всего прочего, в тех экстремальных условиях, в которых оказался Белградский пашалык в начале XIX в., когда, по выражению поэта повстанческой Сербии Ф. Вишница, «кровь из земли просочилась», низкий уровень развития производительных сил и буржуазных отношений не мог играть определяющей роли при решении вопроса быть или не быть восстанию среди доведенного до крайней степени отчаяния народа после печально известной «сечи кнезов», т. е. физического истребления лучших его представителей. И, наконец, сербское восстание 1804—1813 гг. происходило после Великой французской революции, когда вопросы общественного развития в Европе стали сводиться главным образом к ликвидации феодализма. При этом нельзя забывать также важного ленинского положения о том, что «...всякое национальное движение может быть лишь буржуазно-демократическим, ибо главная масса населения в отсталых странах состоит из крестьянства, являющегося представителем буржуазно-капиталистических отношений» [1, т. 41, с. 243]. Для Сербии начала XIX в. это важно вдвойне, поскольку в ней отсутствовал класс национального дворянства и буржуазия рекрутировалась исключительно из крестьянства в процессе его дифференциации и разложения.

Особое значение для всех без исключения буржуазно-национальных революций на Балканах, в том числе и для сербской революции 1804—1813 гг., имел внешний фактор. История засвидетельствовала, что ни одному балканскому народу не удалось освободиться от иноземного владычества без поддержки и помощи извне. Не был исключением в этом отношении и сербский народ. Отнюдь не случайно, что руководители сербского восстания с самого начала добивались гарантий своих прав и привилегий со стороны какой-нибудь из великих держав.

От умения поднимающейся буржуазии использовать международные конфликты в своих интересах зависело многое. В первый период новой истории, по словам В. И. Ленина, задача состояла в том, «...как следует прогрессивной буржуазии „использовать“ в своей борьбе с *главными* представителями отмирающего феодализма, международные конфликты...» [1, т. 26, с. 146].

Отдавая себе отчет в том, что маленькая Сербия не справится с могучим противником, каким была тогда Османская империя, руководители вос-

стания с самого начала пытались использовать как международные конфликты, так и внутривосточные противоречия в рамках самой Османской империи. Они попеременно обращались ко всем великим державам Европы того времени — Австрии, Франции и России, — ища у них покровительства, помощи и защиты. Больше того, на втором этапе движения Сербия прочно связала свою судьбу с Россией, надеясь при ее поддержке, путем активного участия в русско-турецкой войне 1806—1812 гг. решить главную историческую задачу своего народа. Неумолимая логика борьбы требовала идти до конца и добиваться полной победы. Поэтому нам представляется беспредметным недоуменный вопрос некоторых историков: почему восставший народ отверг Ичков мир и решился продолжать борьбу? Хорошо известно, как сначала Карагеоргий, затем Милош Обренович умело использовали помощь и заступничество России в борьбе за свободу Сербии. «Когда в 1804 г. вспыхнула сербская революция, — писал Ф. Энгельс, — Россия немедленно взяла под свою защиту восставших „райя“, и, поддержав их в двух войнах, гарантировала им в двух договорах независимость их страны во внутренних делах» [19, т. 9, с. 32].

Отмечая важную роль внешнего фактора во всех без исключения буржуазно-национальных революциях на Балканах, следует иметь в виду, что внешний фактор независим от того, оказывает он положительное или отрицательное влияние, никогда не был и не мог быть определяющим. Всегда и везде, без всякого исключения, внутренний фактор имел решающее значение. От характера их взаимодействия в конечном счете зависел успех национально-освободительного движения, сила или бессилие той или иной буржуазно-национальной революции.

Размах и глубина сербской революции обусловили тот факт, что, несмотря на поражение Первого сербского восстания, турецким угнетателям не удалось полностью восстановить старые порядки, а попытка реставрации феодальных отношений вызвала новый взрыв в 1815 г. — Второе сербское восстание, которое возглавил Милош Обренович. Как справедливо отмечает В. Стоянчевич, «подавление восстания в 1813 г. лишь временно приостановило полную реализацию его результатов...» [4, с. 94]. Размах и сила сербской буржуазно-национальной революции объясняют и другой интересный факт: правители автономного сербского княжества никогда не назначались по прихоти великих держав, а избирались волею собственного народа из крестьянской же среды. Таковыми были обе княжеские династии — Карагеоргиевичей и Обреновичей.

Итак, из всего вышеизложенного следует, что сербская буржуазно-национальная революция в конечном счете имела те же объективные детерминанты, как любая ранняя буржуазная революция с той лишь разницей, что она была вызвана специфическими условиями и развивалась в течение десяти лет в общем и целом при благоприятных обстоятельствах. Поэтому ее нельзя отрывать от революций этого типа, а тем более противопоставлять им.

Метод сравнительно-типологического анализа буржуазных революций разных видов, как по горизонтали, так и по вертикали, позволяет, по нашему мнению, выявить присущие им всем общие черты и одновременно определить особенности, свойственные каждой из них. Нам представляется, что на этом пути исследователей ждут новые важные и интересные открытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч.
2. Карасае В. Г. Буржуазно-национальные революции балканских народов, восточный кризис середины 70-х годов XIX в. и русско-турецкая война 1877—1878 гг. — В сб.: 100 лет освобождения балканских народов от османского ига. М., 1979, с. 167—187.
3. Первое сербское восстание 1804—1813 гг. и Россия. Книга первая 1804—1807. М., 1980.
4. Историја српског народа, пета књига, први том. Од Првог устанка до Берлинског конгреса 1804—1878. Београд, 1981.

5. *Новаковић С.* Васкрс државе српске. Београд, 1954.
6. *Ranke L.* Die Serbische Revolution. Aus Serbischen Papieren und Mitteilungen. Hamburg, 1929.
7. *Никитин С. А.* Караджич и Ранке.— В сб.: Проблемы историографии. Воронеж, 1960.
8. *Марковић С.* Србија на истоку. Нови Сад, 1872.
9. *Маркович С.* Избранные сочинения. М., 1956.
10. *Чубриловић В.* Историја политичке мисли у Србији XIX в. Београд, 1958.
11. *Чубриловић В.* Српска револуција 1804—1815.— В књ.: Историја Београда. Т. 2. Београд, 1974.
12. *Тито I. Броз.* Одбору за прославу и учесницима свечане академије поводом обилежавања 175-годишњице Првог српског устанка. Карађорђево, 11 децембра 1979.— In: Zbornik radova o sudstvu i zakonitosti u Prvom srpskom ustanku. Beograd, 1979, s. 3.
13. *Нарочницкий А. Л.* Характер и значение Первого сербского восстания 1804—1813 гг.— Новая и новейшая история, 1981, № 4, с. 54—70.
14. *Карасев В. Г.* Буржуазно-национальные революции на Балканах и русско-турецкая война 1877—1878 гг.— В сб.: Россия и восточный кризис 70-х годов XIX в. М., 1981, с. 23—43.
15. Новая и новейшая история, 1981, № 5, с. 202—205.
16. *Зеленин В. В.* Из истории аграрных отношений в Сербии во время Первого восстания.— Новая и новейшая история, 1958, № 5, с. 90.
17. *Ракочевић Н.* Ратни планови Србије против Турске од Војда Карађорђа до Краља Петра. Београд, б. г., с. 45.
18. *Никитин С. А.* О так называемой «конвенции Паулуччи-Карагеоргий».— В кн.: Balkanika. Beograd, 1977.
19. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.

ГОРОДСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В ПРАГЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВЕКА

Цель данного исследования — показать структуру землевладения пражских горожан в сложный и противоречивый период исторического развития Чехии, получивший в историографии нейтральное название по-слегуситского. Историография вопроса, весьма немногочисленная, рассматривалась в других работах [1; 2], поэтому здесь будут приведены лишь наиболее важные из имеющихся в специальной литературе наблюдений и выводов, непосредственно касающиеся вопросов городского землевладения в Праге в конце XV — первой половине XVI в.

Основой данной работы послужили завещания пражских горожан первой половины XVI в. Выбор источника продиктован необходимостью, так как налоговые реестры, обычно дающие материал для подобного анализа, в Праге в изучаемый период отсутствуют. Мне удалось выявить и впервые статистически обработать 738 завещаний, большая часть из которых не опубликована и хранится в Архиве города Праги [3]. 283 завещания содержат упоминания о той или иной форме земельных владений. Из этого количества необходимо вычесть 45 завещаний владельцев огородов, поскольку огороды находились на территории города, обычно возле дома, и были составной частью подсобного домашнего хозяйства. Ими владели в основном ремесленники пражского Нового Места, отличавшегося неплотной городской застройкой и наличием свободной земли. Следовательно, земельные владения были у 238 человек, что составляет 32,25 % от общего числа составителей завещаний.

Можно выделить две основные формы земельных владений пражан. Первую составляют деревни, дворы и поля в сельской местности. В редчайших случаях горожанин оказывался владельцем целого панства с замком. Обычно же размеры земельной собственности колебались от нескольких деревень до одного поля. Распространена была парцелляция земельных владений, когда горожанин оказывался собственником определенной части деревни (даже одного дома), или части двора или поля, причем у него могло оказаться несколько таких частей, расположенных в разных районах страны. Наиболее распространенным видом земельной собственности горожан был двор. Двор представлял собой хозяйственную единицу, поставлявшую продукцию земледелия и скотоводства. Дворы пражских горожан находились как в непосредственной сельской округе города, так и в удаленных деревнях. К сожалению, картографирование земельных владений пражан на данном этапе исследования наталкивается на ряд трудностей, поскольку составители завещаний далеко не всегда указывали название или местоположение своих участков. Для завещаний характерны формулировки типа «двор, который я имею» или «мои две деревни».

Очевидно, считали, что родственникам эти сведения хорошо известны, так как подробное описание местоположения участков встречается лишь

в завещаниях людей одиноких, не имевших прямых наследников. В тех же случаях, когда название деревни указано, ее не всегда можно точно локализовать, ибо одинаковые названия встречаются в разных районах страны. В целом по сведениям завещаний количество владельцев деревень, дворов и полей среди пражских горожан составляло 57 человек.

Второй основной формой земельных владений пражан были виноградники. Они располагались в непосредственной близости от города, в основном на левом берегу реки Влтавы на горе Петржин и близлежащих холмах¹, получивших совокупное название «пражских виноградных гор». В завещаниях всегда подробно описывалось местонахождение виноградников, иногда указывались их размеры или доход с них в денежном выражении. К сожалению, из-за неполноты и разнохарактерности сведений трудно составить представление о размерах этого вида земельной собственности, ясно лишь то, что они колебались от части одного виноградника до шести-восьми виноградников, принадлежавших одному владельцу. Упоминание о виноградниках содержит 181 завещание. Это, примерно, в три раза превышает количество упоминаний о земельных владениях в сельской местности, что позволяет считать виноградники наиболее распространенной формой земельной собственности пражских горожан в XVI в.

Владельцами земли были различные слои городского населения. Наибольшее количество земель находилось в руках пражского патрициата. Из 89 завещаний, составителей которых можно с полным правом отнести к патрициату, землевладения упоминаются в 86 документах. Причем деревнями и дворами владели 40 человек, тогда как виноградниками — 46 человек. Нередко один и тот же патриций был владельцем как деревень и дворов, так и виноградников. Материалы завещаний позволили установить интересную особенность в структуре имущества патрициата: свыше одного дома в городе имели лишь 30% землевладельцев, остальные — по одному дому. Это позволяет выделить из среды пражского патрициата особую группу, основой хозяйства и благосостояния которой было землевладение, а главный источник дохода состоял в феодальной ренте, а также в выручке от продажи сельскохозяйственной продукции, прежде всего от торговли собственным вином.

У второй группы пражского патрициата — купечества — основу недвижимого имущества составляли домовладения, однако земельные участки и здесь играли не последнюю роль. Как правило, это были виноградники, дававшие дополнительный доход к оптовым торговым операциям купцов.

Ряд документов позволил проследить постепенный рост землевладений пражского купечества. В завещании Яна Пикарта [5, d. I, s. 447—448], умершего в 1534 г., сказано, что его отец Прокоп в 1514 г. купил двор с полем, в 1515 г. — огород; сам Ян в 1526 г. приобрел поле и огород с небольшим домиком при нем, в 1533 г. — двор, поле, луг и виноградник, в 1534 г. — еще одно поле, и неизвестно когда — две деревни. Так что к моменту своей смерти в 1534 г. он стал крупным землевладельцем, что позволило его сыну и наследнику Зикмунду к 1539 г. получить герб и именоваться Зикмунд Пикарт из Зеленого Удола². Можно предполагать, что он продолжал заниматься торговлей, так как его брат Адам, казненный в 1534 г. за убийство королевского чиновника, пришедшего взимать налоги, имел тесные торговые связи с Вроцлавом [5, d. I, s. 444—445]. Очевидно, Ян Пикарт не составлял исключения, что подтверждает завещание Михаила Карга, где сказано, что о своих земельных владениях он написал отдельное завещание (до сих пор не найденное), хотя известно, что в Прагу из Реренсбурга он пришел, имея лишь наличные деньги [5, d. I,

¹ О топографии виноградников дает сведения панорамный вид Праги, выполненный в 1562 г. Яном Козлом и Михалом Петерле — «Praga Bohemiae Metropolis, accuratissime expressa. 1562» (хранится в Городской библиотеке Вроцлава). См. его отдельное издание [4].

² Потомок Зикмунда Ян Пикарт из Зеленого Удола известен в чешской истории как управляющий Ладислава Лобковица, крупнейшего магната, и участник его антигабсбургского заговора 1593 г. [6, s. 69, 249].

s. 761—767; 7, s. 32]. О тенденции к росту землевладения купеческой группы патрициата говорят и те завещания, в которых их авторы наказывают своим наследникам приобрести несколько деревень на скопленные ими для этой цели деньги [8, f. X 10, W 2].

Рост купеческого землевладения в первой половине XVI в. позволяет выдвинуть предположение, что купцы стремились вкладывать свой капитал в приобретение земли. Таким образом, они все более сближались с первой группой патрициата — крупными землевладельцами.

Удалось выявить 10 завещаний членов пражского магистрата. Из них 8 человек были владельцами земельных участков [5, d. I, s. 420, 547, 622, 685, 243; 8, f. P 3, R 19, X 10]. Упомянувшееся семейство Пикартов играло видную роль в магистрате на протяжении ряда лет: Прокоп был коншелом с 1486 по 1488 г. и с 1490 по 1510 г., закончил свою деятельность на посту примаса; Вацлав был коншелом в 1520—1521 гг. и в 1534 г.³

Можно с большой долей уверенности предположить, что все патриции — члены городского самоуправления владели землей. Однако не ясно, было ли избрание в магистрат следствием их имущественного положения, или же, как в случае с Пикартами, пребывание в должности создавало условия для обогащения.

Наряду с патрициатом среди горожан-землевладельцев было немало ремесленников. В целом из 527 завещаний, написанных ими, о земельных владениях упомянуто в 140 документах. В основном им принадлежали виноградники (125 завещаний), хотя встречались и владельцы дворов, полей и лугов (15 завещаний). Владельцами виноградников, располагающихся в пражской округе, ремесленники становятся лишь со второй половины XV в., когда пражский магистрат начинает распродавать виноградники, конфискованные в результате гуситского революционного движения. Причины, побуждавшие ремесленников к приобретению виноградников, очевидно, заключались не столько в стремлении получать дополнительные доходы, сколько в желании обеспечить себя дешевым вином. При наличии в Праге монополии на вино в город разрешался ввоз лишь высокосортных дорогих импортных вин. Ремесленники же употребляли более дешевые местные сорта вин. Поэтому обладание собственными виноградниками делало их независимыми от пражских вино торговцев, использовавших винную монополию в своих интересах.

Рассмотрим наличие земли у ремесленников различных производственно-отраслевых групп. Наибольшее количество земельных владений принадлежало тем, кто занимался изготовлением и обработкой продуктов питания (27 землевладельцев). Среди них на первом месте стояли солодовники и пивовары, из которых 9 человек имели собственные виноградники и хмельники, и 4 человека — дворы и поля. Наличие виноградников в собственном хозяйстве солодовников и пивоваров чрезвычайно облегчало их ремесленно-торговую деятельность. Поэтому закономерно, что именно эта группа составляла богатейшую часть пражских ремесленников.

На втором месте находились мясники (6 человек). Интересно отметить, что некоторые из них занимались виноделием и продажей собственных вин [8, f. T 14, U 15].

Из ремесленников, занятых металлообработкой, землей владели 13 человек. Среди представителей узких специальностей в этой отрасли виноградники распределялись равномерно, резко выделялись лишь золотых дел мастера, которые благодаря своему богатству могли покупать целые деревни [8, f. R 15].

На третьем месте были ремесленники, занятые изготовлением одежды и обуви (12 землевладельцев): скорняки (3 человека, владевших виноградниками, и один — двором), сапожники (4 владельца виноградников) и портные (по одному владельцу виноградника и двора). В других отраслях производства владельцев дворов и полей уже не встречается, а среди владельцев виноградников было 2 дубильщика, 2 бочара, 1 стригальщик шерсти, 1 строитель, 1 цирюльник, а также 5 мелких торговцев

³ Определено по спискам пражских должностных лиц [9].

и 71 ремесленник без указания профессии. Виноградники находились также в собственности ремесленных цехов [5, d. II, s. 567—568].

Интересно, что владельцев виноградников (6 человек) мы встречаем и среди бедных слоев городского населения, не имевших даже своего дома. Это были как бедные вдовы [8, f. F 2, C 14], так и прислуга [8, f. D 19, E 16].

Из приведенных данных видно, что виноградники были наиболее распространенной формой земельных владений горожан, охватывавшей все слои городского населения от патрициата до домашней прислуги.

Владение виноградниками в Праге имело своеобразную форму организации и управления. Возникший в середине XV в. институт «перкмистра пражских виноградных гор» (т. е. управляющего виноградниками) в конце XV — начале XVI в. претерпевает ряд существенных изменений. В 1490-е годы при нем возникает совещательный орган по образцу общего собрания членов городской коммуны — собрание всех владельцев виноградников [10, s. 5, 19]. Теперь уже не только выборные лица — перкмистр и коншелы, но все владельцы виноградников принимают участие в решении дел, связанных с хозяйственными вопросами и борьбой за сохранение монополии на ввоз вин в Прагу. Этот институт получает свою юридическую базу. В 1516 г. было принято «Установление» о пражских виноградниках, в 1527 г. к нему была добавлена статья «О виноделах» [10, s. 6, 8]. «Перкмистр пражских виноградных гор» находился в непосредственной зависимости от городских властей, все попытки королевской власти подчинить его себе были безрезультатны. Лишь после поражения пражского восстания 1547 г. Фердинанду I удалось это осуществить.

Статья «О виноделах» и материалы завещаний [8, f. E 5 — E 10] позволяют констатировать широкое применение труда наемных виноградарей, поскольку сами горожане не были в состоянии вести систематический уход за своими виноградниками.

В компетенцию перкмистра виноградных гор входил разбор уголовных преступлений, совершенных на виноградниках; решение спорных вопросов, связанных с владением виноградниками; оформление купли-продажи участков; назначение землемеров; наблюдение за рабочими, занятыми на виноградниках; надзор за качеством вин; сбор соответствующих налогов и представительство в магистрате на собраниях членов городской коммуны [10, s. 23]. При перкмистре имелся писарь, который вел специальные «виноградные книги», где фиксировались все изменения во владении виноградниками. Записи в книгах служили юридическим документом, закреплявшим право собственности.

Из владельцев виноградников в количественном отношении самую большую группу составляли ремесленники, поэтому общее собрание владельцев виноградников можно считать весьма демократическим городским институтом.

По данным завещаний удалось установить случаи сдачи виноградников в аренду [5, d. I, s. 215, 420; d. II, s. 195; 8, f. C 17, D 5, D 17]. Ремесленники арендовали их не только у представителей богатейшей части патрициата, но также у других ремесленников. Арендная плата была различна, по данным завещаний она представляется весьма умеренной⁴. Интересно отметить случай, когда арендатор (оружейник) расплачивался вином [5, d. I, s. 215].

В аренду сдавались также земельные владения, расположенные в сельской местности, в основном дворы [5, d. I, s. 405, 587; d. II, s. 427]. Завещания свидетельствуют о том, что горожане закладывали свои земельные владения ростовщикам [8, f. C 14].

Представляется интересным проследить динамику роста частной земельной собственности пражских горожан. Приведенные нами цифры можно сравнить с данными XIV—XV вв., содержащимися в работе Я. Мезника «Земельные владения пражских горожан в предгуситский и

⁴ 1 кора gr. míš. [5, d. II, s. 195]; 30 gr. bílych [5, d. I, s. 420].

гуситский период»⁵ [11]. К сожалению, чешский ученый, не давая подробных обоснований, не причисляет виноградники пражской округи к земельным владениям, поэтому сопоставимым оказывается лишь число владельцев земельных участков, расположенных в сельской местности. Такое сопоставление позволяет проследить изменение количества землевладельцев-пражан за период с 1360 по 1550 гг. (см. табл.).

Таблица

Период	Число землевладельцев	Источник
1360 г.	73—80	11, s. 28
1400 г.	53—55	11, s. 33
1440 г.	41—43	11, s. 39
первая половина XVI в.	57	по данным завещаний

Из таблицы видно значительное сокращение количества землевладельцев к началу гуситского революционного движения, дальнейшее уменьшение в период гуситского движения и постепенное увеличение к середине XVI в., когда был восстановлен догуситский уровень, хотя уровень XIV в. остался недостижимым. Рост в послегуситский период земельных владений в сельской местности, основным собственником которых был пражский патрициат, свидетельствует о возобновлении в среде городской верхушки тенденции к помещению накопленных средств в приобретение земельной собственности, что создавало возможность проникновения в сословие феодалов. При сопоставлении с лихорадочной деятельностью по приобретению патрицианскими родами дворянских гербов в первой половине XVI в. [12, d. I, s. 129—135] этот процесс становится еще более наглядным. Так, в 1537 г. из 18 пражских коншелов 12 человек обладали гербом [12, d. I, s. 644].

Особо следует остановиться на землевладении городской коммуны Праги, ставшей собственником земельных владений в результате конфискации у немецкого патрициата и католической церкви в период гуситского революционного движения. Покупать землю коммуна стала с 1504 г. Наиболее значительным приобретением было панство Пршеровнад-Лабой, купленное за 24 720 коп чешских грошей в феврале 1524 г. [13, s. 418]. Тем самым Прага встала в ряд крупнейших землевладельцев чешского государства. Пражские горожане поддержали эту инвестицию, потребовавшую от них дополнительных налогов. Характерно, что ни во время городского переворота осенью того же 1524 г. [14], ни после него не раздавалось голосов, осуждавших увеличение городских налогов ради приобретения земли. В 1525 г. коммуна купила еще две деревни за 1750 коп грошей [13, s. 419]. Для управления хозяйством коммуны, в том числе ее землями, в Праге был создан специальный орган, состоявший из шести человек и поэтому получивший название «шестипаны».

На основе анализа доходов и расходов городской коммуны⁶ выяснилась нерентабельность земельных владений города, в первую очередь дворов. К такому же выводу пришел Й. Яначек, указавший, что за 1526—1527 гг. баланс рентабельности дворов составил минус 312 коп грошей мишеньских [13, s. 421]. Следовательно, несмотря на нерентабельность, покупка земель оставалась основной формой городских инвестиций, причем не только в Праге, но и в таких крупных городах, как Пльзень и Чешские Будейовицы [15, s. 164; 16, s. 50; 17, s. 44]. Это обстоятельство имело большое значение. Приобретая новые земельные владения, в том числе нерентабельные дворы, города все более укрепляли свое положение феодальных сеньоров. В итоге городская казна бывала почти пуста, что делало не-

⁵ Данные Я. Мезника основаны на списках налогообложения.

⁶ Определено по разрозненным данным, содержащимся в работе [15].

возможным вкладывать капиталы в городские ремесленные мастерские и пивоварни, вести крупную торговлю и строительство [13, с. 422].

Причины приобретения городами земельных владений подробно проанализированы Й. Яначеком [13]. Он подверг убедительной критике свою же более раннюю концепцию [13, с. 423, розн. 60], получившую распространение и в работах других авторов, согласно которой концентрация земельных владений чешскими королевскими городами была обусловлена стремлением создать сельскую округу, экономически непосредственно зависящую от города как от своего феодала. Ныне новый фактический материал, прежде всего анализ баланса доходов и расходов коммуны, заставляет взглянуть на эту проблему под другим углом зрения. Хотя рассмотрение этого вопроса выходит за рамки нашей темы, необходимо указать, что использование городами внеэкономического принуждения по отношению к подвластным крестьянам, основанного на феодальном праве собственности, в источниках не зафиксировано. Поэтому представляется обоснованным мнение Й. Яначека, что приобретение городами, в первую очередь Прагой, земельных владений было нужно им для достижения политических целей: укрепления престижа городского сословия в государстве в период острой борьбы с дворянством, а также для уменьшения социально-политической напряженности в городе, ибо с ростом городской собственности снижался уровень налогообложения [13, с. 417, 423, 424]. Также необходимо учитывать то обстоятельство, что города в средние века вообще боялись иметь много денежных средств, опасаясь в таком случае увеличения королевских поборов и займов.

В этой связи можно заключить, что значение городской земельной собственности, как частной, так и коммунальной, в рассматриваемый период состояло в росте благосостояния и увеличения социально-политического веса как отдельных горожан, так и городов в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мельников Г. П. Современная чехословацкая историография о проблемах развития чешских городов в первой половине XVI в. — Вестник Московского ун-та, история, 1977, № 3, с. 69—77.
2. Мельников Г. П. Современная чешская историография о проблемах развития чешского средневекового города. — В сб.: Проблемы методологии истории средних веков: европейский город в системе феодализма. М., 1979, ч. II, с. 220—239.
3. Мельников Г. П. Источники по социально-экономической истории чешского города первой половины XVI в. — В кн.: Проблемы всеобщей истории. М., 1977, с. 235—251.
4. Kozel J., Peterle M. Panorama Prahy 1562. Praha, 1973.
5. Základy starého místopisu Pražského (1437—1620). Sestavil J. Teige. Od. I. Staré Město Pražské. Praha, 1910.
6. Janáček J. Zeny české renesance. Praha, 1976.
7. Houdková-Hásková I. Obchod s kutnohorskou mědí v první třetině 16. století. — Časopis Národního musea. Oddíl věd společenských, 1961, № 130.
8. Archiv města Prahy, rkp. č. 2142.
9. Tomek V. Dějepis města Prahy, d. IX, XI. Praha, 1893, 1897.
10. Váškova-Frýzová M. Úřad perkmistra pražských viničných hor. — In: Sborník příspěvků k dějinám hl. m. Prahy, d. VI. Praha, 1930.
11. Mezník J. Venkovské statky pražských měšťanů v době předhusitské a husitské. Praha, 1965.
12. Winter Z. Kulturní obraz českých měst. Život veřejný v XV—XVI. věku. Praha, 1890.
13. Janáček J. Městské finance a investice: Praha 1420—1547. — Československý časopis historický, 1977.
14. Мельников Г. П. Из истории общественно-политической борьбы в Чехии в 20-е годы XVI в. — Советское славяноведение, 1980, № 5, с. 53—63.
15. Kratochvíl M. Šestipanské úřady v Starém a Novém Městě pražském do r. 1547 a jejich knihy. — In: Sborník příspěvků k dějinám hl. m. Prahy, d. VI. Praha, 1930.
16. Bělohávek M. Kniha počtů města Plzně 1524 — 1525. Plzeň, 1957.
17. Kavka F. Městské hospodářství Českých Budějovic v letech 1496—1570. — Jihočeský sborník historický, 1965.

О ПЕРИОДИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

В последние десятилетия много внимания уделяется изучению литературных взаимодействий и связей как проявлению закономерностей в преимущественном поступательном развитии литератур. Не удивительно, что по мере расширения и углубления такого изучения перед литературоведами встают связанные с ним методические вопросы; решение которых, сообразуясь с накопленным научным опытом, призвано помочь и способствовать дальнейшему продвижению в области исследования литературных связей.

Одному из них, представляющемуся достаточно существенным, несколько лет назад нами была посвящена специальная статья [1]. В ней в соответствии с фактическими данными литературной истории говорилось о том, что в разные исторические периоды в большей или меньшей степени активной может быть каждая из взаимодействующих литератур, что литературные связи обуславливаются не каким-то одним решающим фактором, а множеством самых различных факторов, соотношение которых и интенсивность действия в ходе литературного развития изменяются.

В прямой связи с характером и природой обусловленности литературных связей находится вопрос об их периодизации. В канун IX Международного съезда славистов, на котором, как и на всех предыдущих, несомненно будут затронуты проблемы литературных взаимоотношений, представляется целесообразным хотя бы коротко поделиться некоторыми мыслями об их периодизации.

До сих пор единства мнений о целесообразности и даже самой возможности периодизации литературных связей в науке нет. По этому вопросу существует два мнения. Одно из них еще в 1958 г. было сформулировано чешским литературоведом Франком Вольманом, который писал: «Периодизация отношений и влияний в межславянских рамках вытекает прежде всего из бинарных задач и бинарной периодизации. При этом следует иметь в виду, что важное и существенное для отношения двух или нескольких славянских литератур не обязательно должно быть важно и существенно для каждой славянской литературы» [2, с. 215].

Как следует из сказанного, Ф. Вольман утверждал правомерность и возможность периодизации не только двух, но и нескольких взаимодействующих литератур. При этом он обращал внимание на необходимость учета особенностей двух взаимодействующих сторон. Позиция Ф. Вольмана в этом отношении была отчетливо определена и в другой его работе, где сказано: «Заимствования и различные влияния нужно изучать в зависимости от национальных условий литературы дающей и принимающей» [3, с. 20—21]. Приведем еще одно высказывание чешского ученого о периодизации межлитературных отношений: «Самой трудной проблемой является проблема периодизации межславянских литературных отношений. Она будет решаться в процессе дальнейшего исследования собранных фактов...» [4, с. 238]. Итак, Ф. Вольман считал периодизацию литератур-

ных связей возможной и нужной, хотя и отдавал себе отчет в сложности этой задачи для литературоведов.

Другой, по сути противоположный взгляд на периодизацию литературных связей был высказан в 60-е годы словацким ученым Миколашем Бакошем в специальной статье «К проблеме периодизации межлитературных связей». Исходя из того, что, по его мнению, «внутренние условия развития, а значит, и конкретная историческая ситуация принимающей литературы являются решающими для реализации связей двух литератур», что «во взаимоотношениях двух литератур определяющими являются внутренние, структурные условия развития принимающей литературы», М. Бакош пришел к следующему заключению: «Если существует объективная общая закономерность, по которой внешние импульсы, проникая в литературу, в первую очередь подчиняются действию внутренней динамики этой литературы, то и членение процесса межлитературных связей также должно подчиняться ей, являться составной частью периодизации каждой национальной литературы. Из этого следует, что не существует самостоятельной периодизации межлитературных связей (двухсторонних или многосторонних), которая бы не зависела от динамики национальной литературы» [5, с. 36, 38]. Далее в статье говорится о том, что «нельзя считать достаточно обоснованным обособление периодизации межлитературных связей от периодизации развития национальной литературы», что «особая периодизация межлитературных связей» является «необоснованной» [5, с. 39]. Существенно, что отрицая правомерность создания особой периодизации связей и даже самую возможность ее существования, М. Бакош опирался на свое суждение о том, что решающими и определяющими для развития связей двух литератур являются «внутренние условия» принимающей литературы. Свойства и особенности второй стороны, участвующей в литературных связях, при этом не учитывались.

Как первая, так и вторая позиции имеют своих сторонников (см. [6, с. 314; 7, с. 219]). Более логичной и плодотворной представляется первая, о которой нам уже приходилось высказываться [8, с. 83—84; 9, с. 7—8]. И вот почему.

Не следует забывать, что периодизация — расчленение или разделение на определенные отрезки какого-то происходящего во времени процесса — нужна для четкого и ясного представления об истории развития тех или иных процессов, для более систематичного, последовательного их освещения и одновременно организации и членения исторического материала. Сама по себе, вне научной деятельности человека, периодизация не существует. Она — лишь эвристическая схема, помогающая систематизировать и осмыслить историю, выявить в ней границы периодов, в пределах которых действуют те или иные закономерности, лишь необходимый для этого научный инструмент, методический прием. Объективно существуют только периоды, в нашем случае наполненные литературными событиями.

Как показывает история науки, периодизация одних и тех же явлений и процессов, происходящих в разных сферах общественного и культурного развития, что относится и к литературной жизни, порой бывала различной. Причины этого коренились, с одной стороны, в том, какие именно из многочисленных признаков и особенностей выделяемых периодов брались за основу периодизации, с другой — в том, насколько ученым удавалось найти среди множества признаков самые главные, существенные, характерные. Иными словами, речь идет о назначении и критериях той или иной периодизации, которые в свою очередь определяются и уровнем накопленных знаний и конкретными научными задачами. Степень правомерности и полезности всякой периодизации, следовательно, определяется целью ее создания, логичностью и научно-аргументированной обоснованностью выделения объективно отличных друг от друга периодов в цепи исторического развития исследуемых процессов и явлений, соответствием критериев периодизации решению возникающих перед исследователем научных проблем, которые могут быть и более общими и более частными.

Считая правомерной и полезной общую историческую периодизацию двух взаимодействующих литератур, мы тем самым не исключаем возможности иных периодизаций, нужных для раскрытия других аспектов связей, более узких или же, может быть, более широких. Поэтому, на наш взгляд, несомненно оправданны те большие или меньшие элементы периодизации, предложенные в книге Ю. Доланского [10] или в работе И. Конева о болгарско-балканских литературных отношениях [11]. Целесообразным представляются и такие периодизации, которые помогают более ясно, в хронологической последовательности представить себе общую картину восприятия какого-то крупного писателя в отдельно взятой стране, в частности Пушкина в Чехии, Горького в Словакии, Гете в России, Достоевского в Хорватии [12—15] и т. д. Однако все это никак не снимает вопроса о возможности и научной целесообразности периодизации бинарных литературных связей.

В вопросе о периодизации литературных связей двух взаимодействующих литератур и ее сторонники, и ее противники в той или иной форме говорят о процессе развития литературных связей и в этом согласны между собой. Расхождения начинаются при выяснении, одна ли из находящихся в связи сторон играет решающую роль в процессе литературных связей, или же его характер и сущность определяют обе стороны — и так называемая «принимающая» и так называемая «дающая» (такие определения, конечно, условны, так как нередко обе стороны одновременно и что-то воспринимают, и что-то отдают).

Если согласиться с тем, что при взаимодействии двух литератур обе они по-своему могут быть активны и в разное время играть большую или меньшую роль в этом взаимодействии, а именно это мы и стремились показать в названной выше статье [1], то станет очевидным, что с периодизацией «воспринимающей» литературы, как, впрочем, и «воспринимаемой», особенно в тех случаях, когда уровень развития взаимодействующих литератур достаточно различен, периодизация связей совпасть не может. Поэтому она как одно из средств их более глубокого и полного познания представляется и желательной, и полезной.

Конечно, создание периодизации истории связей даже двух литератур — дело необычайно трудное, возможно, в чем-то даже более сложное, чем периодизация одной отдельно взятой национальной литературы. Ведь при создании такой периодизации постоянно должны быть в поле зрения две литературы, со всеми им присущими особенностями, и не только они сами, но также и общественная и культурная жизнь стран и народов, отраженная в них. Поэтому здесь будут недостаточны только литературные или общественно-исторические критерии, взятые в отдельности. Для периодизации связей нужны и те и другие в их диалектической неразделимости, поскольку литература — неотъемлемая часть культуры и истории. Ведь если все более и более настоятельными становятся усилия литературоведов ввести литературу в общекультурный контекст, показать ее связь со всеми видами искусств и разными областями духовной деятельности, открыть таким путем новые ее свойства, то к литературным связям, в частности к выбору критериев их периодизации, это имеет самое непосредственное отношение. Изучение международных литературных отношений в изоляции от многообразных и многоплановых процессов внутринационального и межнационального культурного и общественного развития в настоящее время нельзя себе представить. Разве можно, например, серьезно говорить о чешско-русских литературных связях первой половины XIX в., вычлняя их из всей культурно-исторической атмосферы эпохи, забывая о 1812, 1830, 1848 гг., о тех огромных, до того времени скрытых культуротворных силах, которые изменили духовную жизнь и все виды художественного творчества Чехии и России, да и не только их. Говоря о возможных критериях периодизации, заметим еще, что одним из таких критериев, как это ни покажется странным, может быть наличие и отсутствие литературных связей¹. Показатели высокой

¹ В сущности, односторонними и опосредствованными были чешско-русские литературные связи на протяжении длительного времени в XVII и XVIII вв. (после битвы

и низкой интенсивности связей, по всей видимости, могут учитываться как дополнительное основание для выделения определенных периодов в их истории.

Периодизация литературных связей будет тем точнее и совершеннее, тем полезнее и продуктивнее в научном отношении, чем глубже, полнее и шире будет изучен весь относящийся к их истории материал. И хотя процесс познания бесконечен, без определенной необходимой суммы основных знаний о связях приступать к их периодизации, равно как и к написанию их истории, было бы преждевременно. В этом также таится одна из трудностей, стоящих перед исследователями.

Существующий уровень знаний о чешско-русских литературных связях позволил, например, уже теперь наметить отдельные общие периоды их истории (IX—XI вв., конец XI—XIV в., XV—XVI вв., конец XVI — начало XVII в., XVII—XVIII вв., конец XVIII — 1848 г., 1848 г. — начало XX в.), что и нашло свое практическое отражение в наших статьях, посвященных этой проблематике [17; 18]. В основу этой рабочей, вспомогательной периодизации легли критерии как литературные, так и общественно-культурные, исторические. Она во многом не совпадает с периодизацией историй чешской и русской литератур. Возможно, в будущем намеченная периодизация потребует каких-то дополнений, корректив и уточнений. Однако она уже служит свою службу теперь, без нее было бы трудно представить общую картину истории чешско-русских литературных отношений даже в самых общих чертах. Как представляется, уже это оправдывает попытку периодизации чешско-русских литературных связей.

Веським, на наш взгляд, доводом в пользу создания периодизации литературных связей является не только объективная потребность литературоведения в них, но и сама повседневная научная практика, фактическое наличие таких периодизаций вопреки утверждениям о невозможности их существования.

В этой связи показателен и поучителен опыт польских ученых. Вопросам периодизации польско-русских литературных связей посвящена специальная работа [19], в которой выделяются следующие периоды: I (XI в. — 1569 г.), II (1569 г. — конец 70-х годов XVIII в.), III (70-е годы XVIII в. — 1830 г.), IV (1830 г. — 1863 г.), V (1863 г. — 1895 г.), VI (1895 г. — 1814 г.), VII (межвоенные десятилетия), VIII (1939 г. — 1945 г.), IX (1945 г. — 1956 и последующие годы).

Не станем вдаваться в характеристику и мотивировку выделенных периодов — они содержатся в статье. Подчеркнем только, что в основу периодизации польско-русских связей положены и литературные, и историко-культурные, и общественные критерии, что в ней учитывается своеобразие развития не только польской, но и русской литературы. Об этом свидетельствуют, например, выделение таких периодов, как второй, начальной датой которого является 1569 г., год провозглашения Люблинской унии, как шестой, прошедший под знаком деятельности молодой Польши и новых явлений в русской литературе, когда в Польше достигла своего «апогея слава Толстого и Достоевского», а в театрах шли пьесы Чехова и Горького, когда в России возрос интерес к польской романтической литературе, как, наконец, девятый период, открывающийся 1945 годом.

у Белой горы соприкосновение с русской литературой в Чехии почти прекратилось, в Россию же чешские произведения проникали, но не прямо, а, в основном, через Польшу), и именно это позволяет выделить особый период в их истории. Нечто подобное наблюдалось и в истории испано-русских литературных отношений, которые, как писал М. П. Алексеев, — «продолжались несколько столетий, возникая и развиваясь, то ослабевая, то возрождаясь вновь в разные эпохи существования испанского и русского государства». Испанскую литературу в России «долгое время знали по французским, немецким, английским переводам и критическим пособиям, а русскую в Испании — по латинским, польским, французским источникам» [16, с. 3, 4]. В данном случае связи были не односторонними, но также опосредствованными, что характерно для целого периода их развития.

При работе над периодизацией истории связей между польской и русской литературами был принят во внимание обширный ряд явлений и фактов, характеризующий обе участвующие в процессе взаимоотношений литературные стороны: восприятие русской литературы в Польше и польской — в России; двусторонние переводы; польские критические работы о русской литературе и русские — о польской; соединяющие обе литературы генетические контакты; взаимная информация; документация, характеризующая личные связи деятелей обеих литератур, их суждения и т. д. «Проблематика изучения двусторонних польско-русских литературных отношений, — говорится в статье, — одновременно охватывает выявление факторов общественно-политических и литературных, благоприятствовавших или затруднявших проникновение литературы русской в польское общество и польской — в русское общество» [19, s. 133]. Думается, что основные исходные методические позиции были здесь правомерны, и это обусловило позитивный в целом результат проделанной работы, в отдельных моментах в чем-то может быть и спорной.

Создание и разработка разного рода периодизации литературных отношений, как уже отмечалось, дело длительное, трудоемкое и сложное. И в этом также позволяет убедиться упоминаемая статья, аппарат которой показывает, какая большая работа предшествовала этой обобщенной периодизации польско-русских связей. С довольно четко обозначенной периодизацией, учитывающей особенности и своеобразие каждой из двух взаимодействующих литератур, мы встречаемся в работе Н. Крутиковой, посвященной рассмотрению многовековых русско-украинских литературных связей [20]. В ней, в частности, намечены следующие периоды: XI—XIII вв. (единые русско-украинско-белорусские сказания, легенды, летописи, ораторская проза); XIII—XVI вв. (великорусские былины, украинский фольклор); XVI—XVII вв. (полемика с униатами и католиками с привлечением русских авторов, распространение на Украине «Сказания о Мамаевом побоище»); XVIII в. (украинские писатели принимают активное участие в русской культуре, принимают и распространяют ее передовые идеи); XIX в. — начало XX в. (мощное влияние русской литературы, совместная борьба прогрессивных сил); XX в. (новый этап от Великой Октябрьской революции).

Нетрудно заметить, что эта периодизация не совпадает с периодизациями русской и украинской литератур. И это понятно, так как выделенные периоды характеризуют не отдельно взятые временные отрезки бытия той или иной из взаимодействующих литератур, а именно — этапы процесса связей, обусловленные историческими путями развития как украинской, так и русской литературы. Не станем утверждать, что первый опыт периодизации русско-украинских литературных связей не требует в будущем никаких уточнений, дополнений или корректив. Но общий принцип, положенный в его основу, представляется верным и оправданным хотя бы потому, что на его основе история русско-украинских связей предстает как систематизированный процесс, а не эмпирическое нагромождение фактов.

Объективные условия для создания периодизаций и последующего их совершенствования возникают по мере накопления и систематизации знаний. Поэтому вполне естественно, что до более полных, достаточно тщательно разработанных периодизаций литературных отношений и других их модификаций могут возникать и менее совершенные, общие или частные, как бы предварительные наброски таких периодизаций. В этой связи, как нам кажется, не заслуживает безоговорочной критики и такая периодизация украинско-чешских литературных связей XIX в., с которой мы встречаемся, например, у П. Гондаря, выделившего в их истории три периода: украинско-чешские литературные связи в первой половине XIX в. (дошевченковский период), Шевченко и чешская литература XIX в., Франко и чешская литература [21]. Можно сказать, что такая периодизация не отражает всех особенностей развития и всего материала чешско-украинских литературных связей в XIX в., в какой-то мере страдает односторонностью их освещения. Вероятно было бы лучше на-

зывать периоды не по именам писателей, хотя каждое из этих имен и знаменует определенный этап в жизни украинской литературы, а с помощью более точных историко-литературных определений, учитывающих и то, что происходило в Чехии. Но и такая начальная периодизация все же помогла как-то организовать материал и явилась первым шагом к более полной и совершенной периодизации в будущем, в большей степени учитывающей двусторонний характер связей.

Приведем еще один пример самостоятельной периодизации литературных связей как слагаемого культурных отношений, предлагаемой чешским литературоведом Эд. Урбаном в книге «Чехи и болгары» [22]: 1) начало чешско-болгарских культурных связей; 2) чешско-болгарские связи времени борьбы за освобождение Болгарии от османского ига; 3) чешско-болгарские культурные связи после освобождения Болгарии; 4) чешско-болгарские культурные связи 1918—1945 гг.; 5) чешско-болгарские культурные связи и социалистическое настоящее. Эта периодизация по-своему также интересна, поскольку, говоря о культурных связях, чешский исследователь использует литературный материал. В основу членения процесса связей им положены прежде всего общественно-исторические критерии. При таком подходе к периодизации оказалась недостаточно учтена собственно литературная специфика связей. Однако и подобная первичная попытка их периодизации выполняет свою службу при освещении взаимоотношения чешской и болгарской литератур. Для нас же в данном случае существенно подчеркнуть, что она была практически необходима и в определенной мере отразила особенности не только болгарского, но и чешского культурного и литературного развития.

Примеры разного рода современных периодизаций литературных отношений в повседневной литературоведческой практике можно было бы продолжать, но их обзор не входит в нашу задачу². Важно, что вопреки некоторым отрицающим их правомерность отвлеченно теоретическим суждениям, такие периодизации, отражающие разные стадии и аспекты их разработки, уже есть и приносят пользу, а потому — научно целесообразны.

Последнее, на что хотелось бы обратить внимание в связи с вопросом о периодизации литературных отношений, это то, что без подобных периодизаций трудно себе представить появление обобщающих трудов по истории их развития, а также и других широких синтетических работ, посвященных развитию ряда тесно взаимосвязанных литератур, в частности славянских. А между тем к созданию именно таких трудов устремлена современная литературоведческая мысль³.

Мы поделились некоторыми мыслями о путях и возможностях периодизации литературных связей, в основе которых лежит мотивированное, как нам кажется, представление об их двусторонней причинной обусловленности, о том, что общий характер связей определяется свойствами не одной, а обеих взаимодействующих сторон. В чем-то может быть высказанные соображения и не бесспорны. Несомненным представляется, однако, то, что периодизации литературных связей существуют, что они не только возможны, причем в разных модификациях, но и практически целесообразны, поскольку способствуют познанию одной из существенных сторон литературного развития. Разработка более совершенной и

² Отметим только, что в 1968 г. Д. С. Лихачев в докладе на VI съезде славистов констатировал: «В последние годы появилось довольно много работ, характеризующих переводную литературу Древней Руси, литературные взаимоотношения Руси с славянскими странами, *устанавливающие периодизацию византийского и южнославянского влияния в древней Руси*» [23, с. 7] (выделено мной — Л. К.). В том же докладе назван целый ряд таких работ, в том числе специальная статья В. А. Мошина [24].

³ Мысли о необходимости создания обобщающих трудов по межславянским литературным отношениям были высказаны, например, еще участниками IV съезда славистов, в частности Э. Георгиевым, П. Н. Берковым, М. Пишутом [3, с. 43, 187; 4, с. 254]. За сравнительное изучение славянских литератур, создание соответствующих обобщений сравнительной истории славянских литератур на этом съезде выступили Э. Георгиев, К. Горалек, Л. Лантова, М. Носек, С. В. Никольский и др. [4, с. 245, 246, 250, 251]. Идею создания единой истории древнеславянских литератур на VI съезде славистов выдвинул Д. С. Лихачев [23].

научно обоснованной методики периодизации литературных связей относятся к числу насущных задач, стоящих перед их исследователями. В ее решении видится один из залогов продвижения вперед в области изучения литературных связей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кишкин Л. С.* О факторах, обуславливающих литературные связи.—Советское славяноведение, 1978, № 4.
2. *Wollman F.* Hlavní úkoly historickosrovnávacího zkoumání slovanských literatur. — In: *Slavia*, 1958, ses 2.
3. IV Международный съезд славистов. Т. I. М., 1962.
4. Сборник ответов на вопросы по литературоведению. М., 1958.
5. *Бакош М.* К проблеме периодизации межлитературных связей.— В кн.: Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения. М., 1968.
6. *Николеску Т.* Место русско-румынских литературных связей в истории русско-европейских литературных отношений XIX и XX вв.— *Romanoslavica*, 1968, XVI.
7. *Дюришин Д.* Теория сравнительного изучения литератур. М., 1979.
8. *Кишкин Л. С.* Заметки об изучении чешско-русских и словацко-русских литературных связей.— В кн.: Литература славянских народов. М., 1963, вып. 8.
9. Славянская филология. Т. II. София, 1963.
10. *Dolanský J.* Místři ruského realismu u nas. Praha, 1960.
11. *Копев И.* Литературни взаимоотношения и литературен процес. София, 1974.
12. *Procházková H.* Po stopách Puškinových do let sedesátých.— In: *Puškin u nas.*— Praha, 1949.
13. *Lesňáková S.* Maxim Gorkij v slovenskej kultúre. Bratislava, 1969.
14. *Жирмунский В.* Гете в русской литературе. Л., 1937.
15. *Бодалич Й.* Русские писатели в Югославии. М., 1966.
16. *Алексеев М. П.* Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI—XIX вв. Л., 1964.
17. *Кишкин Л. С.* Чешско-русские литературные связи (от древних времен до середины XIX века).— Советское славяноведение, 1979, № 5.
18. *Кишкин Л. С.* Чешско-русские литературные связи (вторая половина XIX века).— Советское славяноведение, 1981, № 6.
19. *Stosunki literackie polsko-rosyjskie. Próba periodyzacji dziejów.*— In: *Slavia orientalis*, 1968, № 2.
20. *Крутікова Н. Е.* Еднання двох братніх літератур.— Російськоукраїнське літературне еднання. Київ, 1958.
21. *Гонтарь П.* Украинско-чешские литературные связи. Львов, 1954.
22. *Урбан Зд.* Чехи и болгары. София, 1981.
23. *Лихачев Д. С.* Древнеславянские литературы как система.— Славянские литературы. М., 1968.
24. *Мошин В. А.* О периодизации русско-южнославянских литературных связей в X—XV вв.— В кн.: Труды Отд. древнерусской литературы Пушкинского дома. Т. XIX. Л., 1963.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ ФОМЫ СПЛИТСКОГО

Хроника сплитского архидиакона Фомы (1200—1268) «История архиепископов Салоны и Сплита» является первым крупным историческим произведением, охватывающим широкий круг вопросов по истории Далмации и соседних с ней областей с первых лет нашей эры до середины XIII в. За много лет ее изучения в литературе сложились определенные стереотипы в оценке особенностей мировоззрения ее автора, в частности, традиционно считается, что Фома, выражая интересы романского населения Сплита, глубоко враждебно относился к хорватам и это якобы отразилось на его интерпретации хорватской истории [1, s. 304; 2; 3, s. 23 и др.]. Чтобы выяснить, насколько оправдана такая точка зрения, мы намерены, не углубляясь в подробности социально-экономической истории Далматинской Хорватии, не раз становившейся предметом детальных исследований, обратить внимание на некоторые моменты в контактах хорватов и романцев XII—XIII вв., в которых мог бы проявиться характер их взаимоотношений, и затем, исходя из полученных результатов, рассмотреть сообщения Фомы о хорватах.

Романское и романизованное население приморских городов византийской провинции Далмации во время нашествия авар и славян в начале VII в. нашло убежище на близлежащих островах. Впоследствии романцы вернулись в некоторые из этих городов, оформив отношения со славянами заключением мирных соглашений [4, с. 43]. К XIII в. славяне уже занимали в них прочное место, соседствуя с романским элементом. Города северной Далмации (крупнейшие из них — Сплит, Трогир и Задар) в конце XI в. были подчинены хорватским государством и в его составе в начале XII в. попали под власть венгерской короны. Однако их особое политическое и социально-экономическое развитие привело к тому, что жителями самой Далмации и соседних земель эти города традиционно противопоставлялись хорватской территории, а их население, несмотря на этническую неоднородность, рассматривалось как единое «латинское» (либо «далматинское» с вариантами «сплитское», «задарское» и т. п.) в противоположность проживавшим за пределами городской территории хорватам («славянам» в терминологии источников). Это видно из перечня свидетелей в грамотах, удостоверявших введение горожан или городских церквей во владение землями, расположенными в славянских областях. Свидетели подписывались *Scilavi* («славяне»), если они были сельскими жителями, и *Latini* («латины»), если были горожанами, даже тогда, когда среди их подписей встречаются славянские имена [5, v. II, p. 218, 268, 296—297; v. IV, p. 117]¹. Фома также не различает жителей Сплита

¹ Папой Гонорием III на борьбу с пиратами призывались жители Далмации — *Scilavi et Dalmatini* [5, v. III, p. 192]. Ср. [6, s. 32].

по этническому признаку, употреблѣния наименования «латины» (для жителей других далматинских городов — «далматинцы»), «сплитчане», «наши», а его враждебные выпады против жителей Сплита в тех случаях, когда их действия ущемляли интересы хрониста, не имеют этнического адресата. Хорваты, становясь горожанами, видимо, автоматически переходили в категорию «латинян», хотя использование этого термина не свидетельствовало ни о подчиненном положении славянского элемента в городах, ни о его романизации, ни тем более о его малочисленности. Общеизвестно, что процент славян в составе городского населения в рассматриваемый период был достаточно высок [7, с. 361]. Показательным является словословие на хорватском языке, адресованное жителями Задара папе Александру III в 1177 г. [8]. Точные цифры, однако, назвать трудно из-за недостатка источников и потому, что славянские жители наряду со славянскими носили также общехристианские имена. В связи с этим во избежание невольных ошибок мы будем рассматривать только сюжеты, в которых действующие лица носят определенно славянские имена.

Славяне встречаются во всех социальных группах городского населения². Для XII—XIII вв. характерен большой процент славян среди нобилитета, причем они выдвигались на все коммунальные выборные должности вплоть до высших — ректоров, судей, экзаменаторов (лиц, осуществлявших проверку городских актов) и др.³ Такие фигуры, как консул Рагузы Петр Баллислав, судья Задара Богдан Злорадо, экзаменатор Сплита Петр Словинья, в этом смысле типичны. В городских монастырях, обладавших чрезвычайно высоким политическим и экономическим влиянием [13], лица со славянскими именами нередки [5, v. II, p. 211; v. III, p. 309; v. IV, p. 271, 417, etc.], как и среди городских священников [5, v. II, p. 120, v. IV, p. 144, 300, 317, etc.]. По документам прослеживается достаточно высокий экономический потенциал славянских жителей городов, даже в среде простых жителей [5, v. IV, p. 390, 394; v. V, p. 90, etc.].

В повседневной жизни городов славяне и потомки романского населения Далмации находились в постоянном общении. Это подтверждают, например, имена свидетелей при оформлении грамот. Среди лиц, избранных от четырех кварталов Сплита в 1312 г., которым вменялось в обязанность следить за выполнением решений Статута, были славяне — Яков сын Добра, Дойм сын Первослава, Миха сын Добра [12, lib. II, 37]. Сам хронист Фома, как это следует из текста грамоты 1257 г., должен был вступить в деловые отношения со сплитчанином Грубешей и его братом Проданом по деликатному вопросу — закладу архиепископом Рогерием некоторых ценных вещей Фоме [5, v. V, p. 49].

Таким образом, этнической оппозиции «славяне — романцы» в далматинских городах, очевидно, не существовало, по крайней мере она явно себя не обнаруживала, и документы не случайно не дают ни одного примера проявления этнической розни. В этом смысле использование термина «латины» может рассматриваться как проявление городской сплоченности.

Вопреки традиции противопоставления населения старых романских городов хорватскому населению Далмации в исследуемый период намечается тенденция к их отождествлению (видимо, не без влияния городского славянского элемента). Достаточно рассмотреть употребление названий «Далмация», «Хорватия», «Склавония» у Фомы и его современников. По мнению хрониста, хорваты — автохтонное население. Их историю Фома возводит к античной эпохе и считает их потомками куретов, соответственно область обитания куретов — Куреция и есть территория Хорватии [14, p. 27]. Фома, очевидно, полагал, что романское население

² Процесс проникновения славянского элемента в города исследован в югославской литературе на примере Задара [8; 9]. О славянах среди ремесленников Трогира и Дубровника см. [10; 11].

³ Согласно оформленным позднее городским установлениям, на эти должности избирались представители только патрицианского населения [12, lib. II, 37].

Далмация всегда заселялась лишь прибрежную полосу: говоря о размерах Далмации, хронист замечает, что Далмацией некогда называли обширную территорию, так как ее считали «вместе с Хорватией» одной провинцией. Далмация в современном ему понимании — это территория византийской провинции после варварских вторжений, занимаемая несколькими далматинскими городами. Императору Мануилу I, пишет Фома, принадлежала «вся Далмация и почти вся Хорватия» и ниже уточняет «приморские города и большая часть Хорватии» [14, р. 73]⁴. Имеется, однако, несколько примеров использования названия «Склавония» (как синонима «Хорватии») для обозначения либо всего далматинско-хорватского региона, либо Далмации как части Хорватии. Так, указывая на церковно-административное деление этих земель, Фома пишет, что помимо (preter) епископов Далмации, в Склавонии были учреждены иные епископии (он их перечисляет), в том числе епископство дельмийское с центром в городе Дельминиум, от названия которого и произошло наименование «Далмация» [14, р. 35]. В период венгерских завоеваний конца XI — начала XII в. венгерский король Ласло «не дошел до приморских областей» [14, р. 57], Кальман же, стремясь подчинить «все земли до самого Далматского моря», овладел «остальной (ceteram) частью Склавонии» [14, р. 58]; далее сообщается о завоевании Кальманом Сплита, Задара и Трогира.

Показательно в этом отношении и употребление наименований «Склавония» и «Далмация» в Житии епископа Иоанна (1063—1110), написанном в 1203 г. трогирским епископом Трегуаном: Иоанн, посланный из Рима «в области Склавонии, прошел через Далмацию в адриатические города» [16, р. 449]. Географический смысл названия Далмации меняется и у иностранных авторов. Если для Эйнхарда в IX в. территория Далмации определяется ее римскими границами и хорватский князь Борна для него — *dux Dalmatiae*; *dux Dalmatiae atque Liburniae* («князь Далмации») [17, р. 76, 80], то во второй половине XII в. для географа Идриси, писавшего свой труд при дворе сицилийского короля, приморские области Далмации являются хорватскими территориями. От винодолского Бакра, пишет Идриси, начинаются хорватские земли, которые получили название Далмация. За аквилейскими землями следуют хорватские, сообщает он в другом месте, которые также называются Далмацией [18, с. 3, 100]. Автор сочинения XIII в. «История венецианских дождей» определенно представляет Далмацию частью Склавонии [19, р. 74].

Распространенное среди жителей Далмации и за ее пределами обозначение Далмации славянским наименованием свидетельствует, по всей видимости, о начале процесса угасания старого этнического самосознания романского населения этой территории. Очевидно, вследствие этого в хронике не обнаруживается территориальных претензий автора к хорватам относительно далматинского хинтерланда, легко мирится Фома и с наследственным правом хорватов на владения землями и Хорватии и Далмации [14, р. 38—39]. Здесь уместно напомнить, что, отстаивая свое право на какую-либо территорию, город, епископия или частное лицо Далмации подтверждали это право в основном ссылками на волю старых хорватских правителей — Трпимира, Крешимира, Звонимира и других, от имени которых составлялись и дарственные грамоты.

Характер отношений горожан и их хорватского окружения не позволяет определить их как враждебные. В этом смысле красноречиво такое сообщение Фомы: когда татары спускались с гор к Сплиту, горожане не выступали против них, полагая, что это хорваты [14, р. 174]. Горожан и хорватов окружи связывали тесные и разнообразные контакты. В результате постоянной купли-продажи земли этнический состав землевладельцев в Далматинской Хорватии был неоднородным, и владения хорватов сельской округи соседствовали с поместьями горожан и город-

⁴ Константин Багрянородный перечисляет следующие далматинские города, жители которых и теперь называются римлянами (*Ромѣяνοι*) — Декатера (Котор), Раусий (Дубровник), Аспалаф (Сплит), Тетрангурия (Трогир), Диадора (Задар), Арви (Раб), Векла (Крк), Опсара (Црес) [15, р. 124].

ских монастырей [5, v. II, p. 276; v. III, p. 54, v. IV, p. 46, 340, 390; v. V, p. 90, etc.]⁵. Имелись и совместные владения. Так, задарский житель Мальденарий и омишский князь Тольен Качич являлись держателями одного поместья [10, v. II, p. 296—297]⁶.

Хорваты принимали активное участие в церковной жизни городов. Основа земельного фонда городских монастырей и церквей была заложена славянами, и в рассматриваемый период мы встречаемся с многочисленными примерами хорватских дарений и земельных завещаний, а также продажи хорватами земельных участков монастырям и церквям [5, v. II, p. 140, 143—144, 187, 268, 296, 326; v. IV, p. 46, 340; v. V, p. 22, 130, etc.]. Интересен документ, касающийся решения сугубо внутреннего церковного вопроса между сплитскими монастырями св. Стефана и церковью св. Домния о предоставлении обеда в пасхальное утро; свидетелями при подписании соглашения выступили цетинский жупан и другие «славяне» [5, v. II, p. 60].

Документы фиксируют большое количество земельных тяжб, в том числе между горожанами и хорватами [5, v. II, p. 218, 221, 318—319; v. III, p. 55; v. V, p. 296, etc.]. Характер общий при разрешении земельных споров иллюстрирует история сплитского горожанина Дуима, земли которого (находившиеся за пределами сплитской территории) захватили люди из хорватской знатной фамилии Кукаричей. Это дело отличают полюбовное урегулирование конфликта, разбиравшегося «по славянскому закону», активное участие в решении спора в пользу сплитского жителя знатных хорватов, уважительное отношение к ним пострадавшего [5, v. II, p. 156—157, 217].

Обычность конфликтных ситуаций может объясняться только тесными контактами между хорватами сельской округи и горожанами. В текст присяги дубровницкого нотариуса входило обязательство не предоставлять документов «славянину» в случае его спора с дубровницким жителем «за пределами нашего города» [5, v. III, p. 279]. Так что, если конфликт происходил внутри города или только между «славянами», они имели право составлять в городах интересующие их деловые грамоты [5, v. III, p. 381]. Помимо хорватов, временно находившихся в городе для оформления документов, с целью купли-продажи, для свидетельствования в различных делах, были также хорваты, в основном знатного происхождения, проживавшие в городе в течение длительного срока и даже исполнявшие в нем определенные общественные функции. Так, Борислав, сын Николая Качича, с 1188 по 1200 г. упоминается в сплитских документах и как свидетель в городских делах, и как защитник интересов сплитского монастыря св. Бенедикта [5, v. II, p. 221, 349], причем он именуется «знатным мужем адвокатом». Комендант находящейся в ведении Сплита в 20-е годы XIII в. крепости Клис Петр, сын жупана Десы, считал себя также сплитским гражданином [5, v. III, p. 265]. Хорватские феодалы владели домами в далматинских городах [5, v. III, p. 165].

Такое тесное переплетение жизни города и его хорватского окружения указывает в целом на отсутствие сколько-нибудь длительной и глубокой этнической враждебности. Разногласия или дружеские отношения городов с теми или иными хорватскими феодалами каждый раз определялись политическими мотивами и во многом зависели от их претензий на политическое главенство в хорватско-далматинском регионе. Существование в городах группировок, поддерживавших какого-либо феодала и влиявших на выбор его в качестве городского главы, ярко прослеживается на материале хроники. В конкретных ситуациях, когда велась борьба между городами либо городами и областями, в войске городов оказывались

⁵ О задарском монастыре Козьмы и Демьяна, например, говорится, что он имел владения «в различных местах Хорватии» [5, v. II, p. 293]. Фоме также принадлежала земля в местности Баде [5, v. V, p. 343]. Из более ранней грамоты известно, что в этой местности находились земельные владения жителей хорватского Клиса [5, v. II, p. 292].

⁶ В двух других грамотах упоминается о незаконном захвате этими лицами другого земельного участка [5, v. IV, p. 91, 92].

славяне из области, подвластной городскому комиту славянского происхождения, или вообще из областей, заинтересованных в победе города.

Наличие полноправного славянского элемента в городах, тесное взаимоотношение горожан с хорватской округой явились теми позитивными моментами, которые должны были определить представления современного Фоме населения далматинских городов об истории местных славян и нашли отражение в хронике. Материал хроники, касающийся ранней истории Хорватии, достаточно явно демонстрирует отсутствие у Фомы этнической неприязни к славянскому населению.

Даже главы сочинения Фомы о разорении Салоны варварами, где антиславянские тенденции, основанные на давних романских преданиях, не могли не проявиться со всей откровенностью, не служат примером его враждебности по отношению к славянам. Хотя, согласно рассказу Фомы, Салону захватили ассимилировавшиеся (*facti sunt gens una*) племена куретов, пришлых лингонов (славянских племен, в представлении хрониста) и готов, видимо, основная роль в разорении города отводилась автором не славянам, а готам. Салона пала, пишет он, во время нашествия готов и руководил нападением готский предводитель [14, р. 24, 26]. При описании бесчинств захватчиков их этническая принадлежность Фомой не оговаривается. Очевидно, не без влияния какого-то местного предания о ранней христианизации хорватов хронист несколько смягчает впечатление от буйства завоевателей: «сколько ни порочны и необузданны они были, все же они были христианами, хотя и крайне невежественными ... зараженными арианской ересью» [14, р. 26]. Показательно, что после сообщения об избавлении готских и хорватских вождей от арианской ереси пренебрежительные выражения по адресу хорватов в тексте более не встречаются, а хорватские князья, напротив, характеризуются весьма положительно.

В пассажах хроники, относящихся к событиям конца XII—XIII вв., имеются откровенные выпады автора против славянских политических деятелей. Эти выпады, в основном, и снискали Фоме в историографии репутацию славянофоба. Необходимо, однако, понять мотивы этого недоброжелательства в каждом конкретном случае. Начнем анализ с рассказов Фомы о сплитско-омишских отношениях. Первый из них относится к 1180 г. Фома сообщает, как архиепископ Райнерий, «муж весьма решительный и бесстрашный», не допуская ущемления церкви в правах и имуществе, размежевал земли в Мосоре (Полица), принадлежавшие, по его словам, сплитской церкви⁷, но захваченные хорватами («неким Николаем с братьями и родней из фамилии Качичей» [14, р. 74]) со ссылкой на свое наследственное право на владение этой территорией. В результате бурного спора хорваты забросали камнями архиепископа. «Убийцы Райнерия, — пишет Фома, — жестоко поплатились за свое злодеяние — те из них, кого сплитчанам удалось поймать, были повешены, а другие через некоторое время по божьей воле были уничтожены кто голодом, кто мечом, кто чумой» [14, р. 75]. Тенденциозность хрониста очевидна. Качичи не погибли ужасной смертью; напротив, среди сплитских жителей они пользовались доверием. Иначе сын Николая Качича вряд ли смог бы защищать перед лицом сплитского князя интересы монахинь сплитского монастыря св. Бенедикта в 1188 г. [5, в. II, р. 221]. Можно полагать, что позиция сплитчан в данном инциденте была нейтральной, и инициатива полностью принадлежала высшему клиру города, стремившемуся увеличить владения церкви. Активность Райнерия в этом направлении в последние месяцы жизни подтверждается письмом императора Мануила I своему наместнику в Далмации и Хорватии Рогерию от марта 1180 г. Из письма следует, что Райнерий направлял запросы в Константинополь по поводу захвата земель сплитской церкви в Сринине (Полица) Качичами. Мануил повелел Рогерию учинить разбирательство в присутствии архиепископа, местных жителей, обрабатывающих эту землю, и

⁷ В фальсификате, подтверждающем права сплитской церкви от имени Кальмана, за сплитской архиепископией закреплялась земля Мосор [5, в. II, р. 11].

Качичей. В случае, если составителя архиепископа относительно прав церкви подтвердятся привилегиями, зафиксированными *in chartula* («в документах»), Рогерий обязывался изгнать захватчиков и наложить на них интердикт [5, v. II, p. 165]. Н. Клаич не без основания полагает, что именно в этот момент по инициативе Райнерия для подтверждения владельческих прав сплитской церкви составляется ряд фальшивых грамот, оправдывавших претензии высшего клира города на некоторые соседние территории [20, s. 52—72]⁸. Со своей стороны, в подтверждение этого укажем на сравнительно длительный промежуток времени между получением императорского распоряжения (март) и введением архиепископа во владение (август): этот период, очевидно, и был использован для документального оформления претензий Райнерия⁹ при благосклонном к нему отношении византийской власти. Видимо, осознавая шаткость своих претензий, Райнерий стремился обезопасить себя от ожидаемого возмущения хорватов. При оформлении права (всего вероятнее, сомнительного) на владение некоторыми землями церкви св. Варфоломея с ведома присутствовавшего при этом Рогерия Райнерий не удержался от угроз в адрес «славян» [5, v. II, p. 167].

Жители Сплита понимали обоснованность требований Райнерия, именно поэтому убийство архиепископа не повлекло за собой репрессий. И хотя сплитский собор 1185 г. постановил, что сплитская церковь должна владеть всем Мосором [5, v. II, p. 193], спорные территории остались за омишскими князьями¹⁰. Подоплеку рассказа Фомы следует искать в событиях середины XIII в., когда сплитская церковь во главе с архиепископом Рогерием возобновила притязания на землю Мосор. Былое могущество омишских князей к этому времени ослабло, фальшивые грамоты Райнерия могли восприниматься как подлинные документы, и сплитский суд в 1251 г. решил тяжбу в пользу архиепископа, апеллируя при этом к действиям Райнерия [5, v. IV, p. 453].

Неоднозначная позиция по отношению к омишанам хрониста и сплитских жителей, выявляемая в предыдущем рассказе при сопоставлении известий хроники с документальным материалом, в дальнейшем легко прослеживается по тексту самой хроники. Сообщение Фомы о борьбе подеста Сплита Гаргана из Авконы в 1240 г. с омишскими пиратами дает в этом смысле наглядный материал. Рассказ позволяет сделать заключение о наличии в Сплите оппозиции Гаргану в его стремлении «обуздать свирепую жестокость пиратов» [14, p. 125]. Приведем перечень цитат, подтверждающих этот факт: «[подеста] видел, что некоторые колеблются, не зная, как им поступить (т. е. начинать ли войну с пиратами. — О. А.) и не выражают от всей души своего согласия»: «многим казалось, что [подеста] поступил недостаточно осмотрительно, начав войну» [14, p. 125]; «особенно сокрушало подесту нежелание граждан взяться за оружие против врагов, он с большим трудом заставил их сесть на суда» [14, p. 127]. В связи с другими событиями Фома еще раз упомянул об этой войне: «та недавняя борьба с пиратами, которая никому не была желательна (*nulli rene placuit*), закончилась радостной победой» [14, p. 194]. Настойчиво подчеркиваемое нежелание граждан Сплита воевать против Качичей было вызвано, на наш взгляд, несколькими причинами, главная из которых — особое положение Омишского княжества на Далматинском побережье. Омишский князь впервые признал венгерского короля своим господином только в 1245 г. До этого времени княжество составляло самостоятельную единицу со столицей в Омише, власть была

⁸ В частности, тогда была составлена грамота, помеченная 1158 г., в которой, от имени венгерского короля Гезы III подтверждалось дарение сплитской церкви земель в Сригине хорватским князем Бранимиром [5, v. II, p. 86—87].

⁹ В июне 1180 г., видимо, неприязнь еще явно не обнаруживалась, и князь Николай выступил свидетелем при введении Райнерия во владение землями церкви св. Варфоломея [5, v. II, p. 167].

¹⁰ В 1240 г. сплитский подеста Гарган предпринял строительство укрепленного пункта, закрывающего проход на сплитскую территорию «грабителям» из Мосора [14, p. 124].

сосредоточена в руках семьи Качичей. Основной статьей дохода жителящей княжества было пиратство; сильный флот обеспечивал им господствующее положение на море, и омишане собирали дань с судов обоих берегов Адриатики. Взимание дани оговаривалось в пунктах мирных договоров омишан с далматинскими городами и, по-видимому, не квалифицировалось последними как грабеж [5, v. II, p. 116; v. III, p. 434; v. IV, p. 62, 263, etc.]. По сведениям хроники, Сплит имел худший флот, и его жители, очевидно, полагали разумным остерегаться могущественного соседа. Отметим также, что нападения омишан на сплитскую территорию не рассматривались сплитскими жителями как чрезвычайное обстоятельство: грабеж соседних территорий — обычное явление для Далмации XIII в., когда отсутствовала сильная центральная власть, а отдельные хорватские феодалы соперничали в стремлении занять ведущее положение в далматинском регионе. Сплитчане тоже не особенно выбирали средства при набегах на соседние территории [14, p. 104, 114, 127, etc.].

Возвращаясь к экспедиции Гаргана против омишан, интересно отметить, как хронист освещает повод к войне, выдвинутый подестой. По свидетельству хроники, Гарган «решил воспользоваться подходящим случаем, когда некий Толъен, внук Мальдука, захватил добычу на сплитских полях и стал открыто готовиться к войне» [14, p. 124]. Желание Фомы показать быструю реакцию подесты на недавний грабеж приходит в противоречие с реальной ситуацией, описанной в договоре Брача со Сплитом 1240 г. В нем сказано, что Гарган начал военные действия после того, как омишский князь Осор отказался дать «гарантии... сплитской коммуне относительно возмещения ущерба в скоте, который Толъен... когда-то (quondam) похитил на поле Сплита» [5, v. IV, p. 112].

Не исключено, что того Толъена, который «когда-то» угнал скот, к моменту сплитско-омишской войны уже не было в живых. Во всяком случае подеста требовал возмещения ущерба не от него, а от Осора Качича и грабил территорию, принадлежащую Осору. Фома же намеренно или невольно совместил два разновременных эпизода. Гарган, стремившийся, видимо, любыми путями найти предлог для войны, мог это сделать, только обратившись к событиям многолетней давности, поэтому с точки зрения сплитского населения стремление Гаргана отомстить Качичам было бессмысленным, отсюда и нежелание сплитчан идти против омишан.

Знаменательно, что на активные действия против омишан осмеливались, как правило, не далматинцы: Райнерий, папский легат Аконций, Гарган из Триеста. Все они плохо знали местные условия и не соразмеряли своих возможностей с силой Качичей. В борьбе с омишанами они преследовали, обычно, свои собственные интересы. Так, Аконцию необходимо было обеспечить безопасность крестоносцев [5, v. III, p. 191], а Гарган, безусловно, действовал в интересах Венеции, Анконы и Апулийского королевства [14, p. 132]. Фома же всякий раз предпочитал позицию активных противников омишан осторожности своих соотечественников, преувеличивая значение одержанных побед. Рассказывая об энергичных мерах против омишан папского легата Аконция в 1220 г., Фома пишет, что разгромленные омишане «потеряли всякую надежду на возможность дальнейшего сопротивления», «легат принудил их сжечь пиратские корабли и поклясться, что они прекратят враждебные вылазки против христиан» [14, p. 96]. В действительности успехи Аконция, несмотря на поддержку венгерского короля [5, v. III, p. 187], были более чем скромными и кратковременными. Уже в 1221 г. Аконций обратился к сплитскому капитулу и клиру с просьбой предоставить ему корабль до Задара, так как боялся «нечестивых» Качичей, которые «могут устроить засаду, чтобы навредить нам» [5, v. III, p. 205]. Сплитчане в бой не рвались, и папа Гонорий III был вынужден напомнить им о необходимости борьбы с пиратами в связи с новыми акциями Качичей [5, v. III, p. 191—192]. Омишские князья не прекращали своих вылазок и в дальнейшем, о чем сплитский архиепископ сообщал в письме к Гонорию [5, v. III, p. 256]. Источники показывают, что на отвоеванных Аконцием островах Качичи вновь обосновались к середине 20-х годов XIII в. Об их силе в 30-е годы

свидетельствует осознание омишской опасности Венецией, проявившееся в ее договоре с Дубровником 1236 г.: венецианцы требовали от Рагузы не принимать омишан ни в городе, ни в дистрикте, не снабжать их съестными припасами и выступать против них на стороне Венеции в случае войны [5, v. IV, p. 10].

Описанный Фомой успех Гаргана в действительности тоже не был столь значительным. Хронист не упоминает о неудачной попытке Гаргана захватить город Омиш [5, v. IV, p. 112], сразу перейдя к рассказу о подчинении о. Брач. Брач был выбран Гарганом не случайно: это ближайший от Сплита остров и к тому же плохо охраняемый. Характерно, что когда Брач признал уже сплитскую власть, Осор, в управлении которого находился остров, ничего не знал, как передает Фома, о начатой войне. Не подтверждаются документально и описанные Фомой катастрофические последствия операции Гаргана для омишского флота. В 1244 г. омишане уже совершали нападения на суда Апулии [5, v. IV, p. 217], а в 1245 г. обновили договор с Дубровником [5, v. IV, p. 267—268]. В конце 60-х годов омишский флот все еще представлял реальную опасность для венецианских судов [5, v. V, p. 420, 456].

По официальному мнению папской курии, борьба с омишанами вызывалась необходимостью защиты церкви от еретиков — в папских документах те и другие не различаются. В этом кроется основная причина желательности для Фомы борьбы с Качичами. «Разве вы не знаете, что у нас есть законное основание для войны? Разве все христиане не предали их анафеме и не прокляли их?» — приводит хронист слова предводителя сплитского военного отряда перед решающими действиями против омишан в 1240 г. [14, p. 129]. Вторую причину следует искать в противоречии между независимым положением Омишского княжества и стремлением сплитской церкви включить его территории в диоцез своей архиепископии [5, v. II, p. 11, 251, etc.]. Обе причины, таким образом, относятся к конфессионально-политической сфере. Материала, который бы объяснял раздражение Фомы против омишан этнической неприязнью, в нашем распоряжении не оказалось. Сплитской коммуне, стремившейся ограничить в городе позиции архиепископии, антиомишские устремления были свойственны, как видно, в меньшей степени.

В Далматинской Хорватии венгерская власть не могла соперничать с силой и влиянием местных феодалов, которые до середины XIII в. оставались, в сущности, хозяевами на своей территории. Особое положение Хорватии в составе Венгерского королевства привело к возвышению нескольких феодальных родов, боровшихся между собой за главенствующее положение и стремившихся укрепиться в далматинских городах путем получения места комита. Избрание далматинскими коммунами своим правителем того или иного феодала всякий раз отражало конкретное соотношение сил в Далматинской Хорватии и зависело от преобладания в данный момент определенной политической тенденции в городах. В повествовании Фомы о хорватских комитах мы не найдем характеристик, порочащих их как представителей иной, чуждой ему этнической группы. Для хрониста, как политического и церковного деятеля, было прежде всего важно, насколько действия комита способствовали или препятствовали проведению того или иного политического курса. В этом смысле в условиях постоянных распрей в Хорватии никто из комитов не мог рассчитывать на положительную оценку Фомы, стремившегося к введению нейтрального правления ученого иностранца-«латинянина», не зависимого от городских группировок и действующего не ради своей корысти. Вместе с тем, в этой общей негативной тенденции удастся выявить, чем конкретно определенный городской правитель не удовлетворял Фому.

Домальд — наиболее влиятельный из феодалов Хорватии первой четверти XIII в. Происхождение его неясно¹¹, неизвестна и история его выдвижения. К 1200 г. положение его уже настолько прочно, что он

¹¹ Существует мнение, что Домальд был выходцем из жупанской фамилии Сидраги, выдвинувшейся в Шибенике в XII в. [21, s. 22, 409].

приближен к Эндрю IV, тогда венгерскому герцогу [5, v. II, p. 357], который не раз прибегал к его услугам. Так, в 1202 г. Домальд действовал на стороне Задара против осаждавших город венецианцев и крестоносцев [5, v. III, p. 44], в 1210 г. он расправился с какими-то соперниками Эндрю [5, v. III, p. 101], за что Эндрю расплатился с ним цетинской жупанией с селением Триль¹². В это время он был избран комитом ряда городов — Задара, Шибеника, Сплита (первый раз в 1207—1211, второй — в 1214—1221 гг.). Сила авторитета Домальда заставила Эндрю изменить тактику. Некоторые его акции в пользу Трогира в 1217 г. против Домальда связаны со стремлением последнего распространить свое влияние на Трогир и обложить его данью [5, v. III, p. 162, 165]. Посягательства Домальда на крепость Клис, имевшую важное стратегическое значение, также натолкнулось на противодействие Эндрю, который передал ее в ведение ордена тамплиеров во главе с магистром Понцием, представлявшим интересы короля в Хорватии и Далмации. Против Домальда сформировалась коалиция из тамплиеров Клиса, Трогира и брибирских князей, политических конкурентов Домальда. Домальду не удалось одолеть своих противников в 1223 г. при попытке завладеть Клисом, и благодарный Эндрю наградил брибирских князей Григория Шубича и Стефана (Степко), в то время трогирского комита, принадлежавшими Домальду приморскими землями от реки Крки до Задара «ввиду предательства... которое он совершил против королевской короны» [5, v. III, p. 231]. С этого момента началось возвышение брибирских князей, однако Домальд не сложил оружия и продолжил свою политическую деятельность. В 1229 г., несмотря на призыв венгерского герцога Кальмана дать отпор Домальду [5, v. III, p. 326], сплитчане выбрали его своим князем: еще раз он занял место правителя города в 1235 г. Насколько опасным считали его венгры, видно из документа 1249 г., в котором, перечисляя заслуги заладского жупана, король Бела поставил на одну доску его успехи в борьбе с татарами и Домальдом [5, v. IV, p. 383].

Судя по тексту хроники, предвзятость Фомы к Домальду отличалась постоянством — может быть, потому, что хроника составлялась в то время, когда события прошлого уже получили однозначную оценку автора. Однако эта позиция не отражала отношения к Домальду в городской среде. В Сплите существовала партия, поддерживавшая Домальда и противостоявшая другим группировкам¹³, периоды недоверия которых к Домальду сменялись периодами расположения. В пристрастном описании Фомой фактов биографии Домальда проявляется определенная политическая тенденция — показать, что альянс горожан с сильными местными правителями ведет в конечном счете к невосполнимым потерям. Поэтому Фома исключает из повествования те факты биографии Домальда, которые противоречат упомянутой тенденции. Так, умалчивается роль Домальда в защите Задара, хотя отмечается приглашение сплитским архиепископом Бернардом на помощь Задару гаэтанцев. О многолетнем правлении Домальда в качестве сплитского комита читатель хроники не узнает ничего, кроме его отрицательного высказывания об архиепископе Гунцеле, приведенного Фомой как лишнее доказательство непригодности Гунцела для исполнения своих обязанностей. Домальду посвящен лишь один эпизод, рассказывающий о его борьбе за Клис. Однако эта история представлена как конфликт Домальда со Сплитом: сначала с помощью жителей Сплита, добивавшихся ухода из Клиса тамплиеров, Домальд занял Клис¹⁴, но позднее, мстя сплитчанам за свое

¹² Н. Клаич считает это владение номинальным [21, s. 364; 22, s. 9—10]. Между тем, Цетине действительно находилось в то время в ведении Домальда. Об этом свидетельствуют нападения цетинцев на сплитские земли сразу после изгнания Домальда из города [14, p. 99].

¹³ В Трогире также имелась такая группировка. Так, «судьи, советники и вся коммуна Трогира» запрещали поддерживать Домальда или кого-либо *pro parte Domaldi* («из сторонников Домальда») [5, v. IV, p. 80].

¹⁴ «Надо быть слабоумным и слепым, чтобы пренебречь безоружным орденом и посадить себе на шею вооруженного неприятеля!» — восклицает Фома [14, p. 106]. Однако его негодование притворно: в крепости находился вооруженный отряд тамплие-

удаление с поста комита в 1221 г., он напал на городские угодья, увел в крепость «многих знатных и богатых граждан» [5, в. IV, р. 383] и, измучив их голодом, вынудил откупиться крупной суммой денег [14, р. 105—107]. В описании Фомы важен не только политический, но и церковный аспект. Сплитчане поплатились, по мнению хрониста, за совместные с Домальдом «преступления против бога». Имеется в виду изгнание из Клиса тамплиеров, которое Фома пытается представить как событие, способствовавшее «распущенности» сплитчан по отношению к церкви. Тут же Фома приводит сообщение о непочтительном обращении сплитского нобиля со священником [14, р. 106].

Активизация политической оппозиции Домальду в Сплите привела к избранию в 1221 г. городским комитом хорватского феодала Вишена, «знатного мужа из Луки» [14, р. 99]. Правление его было кратковременным — Фома описывает драматическое убийство Вишена его злостным противником Григорием Брибирским. Княжение Вишена отмечено Фомой рассказом о победе над цетинскими жупанами, одержанной совместными силами сплитчан и отрядом, оставленном в городе Вишеном, причем отвага и самообладание предводителя княжеского отряда во многом определили положительный для сплитчан исход боя. Разочаровавшись в правлении хорватских феодалов, сплитчане после Вишена поставили комитом хумского князя Петра. Из деяний его пятилетнего правления Фома описывает, очевидно, наиболее значительное — победу над хорватами, союзниками Трогира, захватившими селение Острог, предмет многолетнего спора Сплита и Трогира. В отличие от Вишена, Петр лично поспешил на помощь вверенному ему городу «в сопровождении многих всадников» [14, р. 104]. Судя по рассказу хрониста, сплитчане были обязаны победой умелому тактическому руководству хумского князя. Позиции Петра в городе были, по-видимому, прочными, поскольку Григорий Брибирский смог добиться сплитского княжения только после его смерти в 1226 г. [5, в. III, р. 259]. Благодаря военному покровительству Григория сплитчане, пишет Фома, «в течение некоторого времени довольно спокойно обрабатывали свои земли и пасли стада» [14, р. 116].

В отношении хрониста к вышеуказанным правителям наблюдается смешение общекоммунальных и индивидуальных оценок. То позитивное в их деятельности, что безусловно признается Фомой, относится к сфере их военных успехов и восходит, очевидно, к сложившейся в городской среде интерпретации военных действий сплитчан. Влияние городской традиции обнаруживается и в литературной форме повествования — употреблении прямой речи, в частности, обращений к городскому ополчению командира отряда Вишена и князя Петра. Стереотипная характеристика славянских правителей как знатных и могущественных политических деятелей имела, очевидно, своим источником обычную форму, в которой граждане обосновывали поддержку определенной кандидатуры: Вишен — *vir nobilis, dives et potens* («муж знатный, богатый и могущественный») [14, р. 102], Петр — *vir potens et bellicorus* («муж могущественный и воинственный») [14, р. 103], Григорий — *potens et dives* («могущественный и богатый») [14, р. 113]. Знатность и военный потенциал князей при отсутствии стабильных отношений между отдельными славянскими областями и далматинскими городами рассматривались как залог нормальной хозяйственной жизни города и предместья. Однако каждый из этих правителей в целом не соответствовал выдвигаемому Фомой идеалу городского главы, что порождало двойственность и предвзятость авторских характеристик. Недовольство комитами во многом определялось и религиозными причинами. Фома сообщает, что Вишен был покровителем еретиков, Петр сам «допустил опозорить себя еретической скверной» [14, р. 103], и избрание его сплитчанами навлекло на город интердикт Аконция. «Порочность» мировоззрения этих комитов сочеталась, в представлении Фомы, с игнорированием ими своих прямых обязанностей по

ров. Ответственный за ее охрану Понций назван в документах «магистром войска тамплиеров в Венгрии и Славонии» [5, в. III, р. 162, 165].

городскому управлению. Вишен сразу после избрания вернулся на родину в Звониград [14, р. 100], а Григорий, вопреки вышеприведенной характеристике, навещался в Сплит лишь за причитавшейся ему частью городских доходов [14, р. 113]. Фома ставит в прямую зависимость от превращения должности комита в синекуру политическую нестабильность в городе, борьбу политических группировок, анархию во всех областях городской жизни [14, р. 99, 117].

Соперничество хорватских феодалов в первой половине XIII в., названное современниками «схизмой», вело к разграблению земель, принадлежавших церкви. Задарский монастырь св. Дмитрия должен был перейти под опеку монастыря св. Демьяна «из-за настоящей схизмы, разгоревшейся между нобилиями Склавонии», ввергнувшей в нужду «христовых» сестер [5, v. III, р. 79], а папа Григорий IX в 1240 г. писал, что, по поступившим к нему сведениям, «сплитская церковь из-за частых злодейских набегов впала в бедность», и ее архиепископ заявил о своем «нищенском позоре» [5, v. IV, р. 114].

Имелась и еще одна веская причина враждебности Фомы к славянским правителям. Устремления бывшего студента Болонского университета, направленные на введение в городе «латинского» типа управления и кодификацию регламентаций коммунальной жизни, восходивших к правилам, закрепленным в статутах итальянских городов, приходили в противоречие со славянскими законами, которыми, при всем уважении к городским порядкам, очевидно, пользовались славянские комиты [5, v. IV, р. 461].

После трехлетнего правления в Сплите подесты Гаргана из Анконы (1239—1242) в городе в течение некоторого времени еще сохранялся установленный им «латинский» тип руководства — при избранных на пост подесты юном хорватском князе из рода Крка Иоанне в 1242—1243 гг. и Бернаде из Триеста в 1243 г. Негативная характеристика обоих в хронике свидетельствует о принципиальном значении для Фомы не их этнической принадлежности, а наличия у них соответствующих представлениям автора способностей административных руководителей. Ни Иоанн, ни Бернард не пресекали борьбу политических группировок в городе, вмешивались в церковные дела. Иоанн поддержал выступление горожан (инспирированное, видимо, теми нобилиями, влияние которых было ущемлено при Гаргане), протестовавших против выборов клириками во главе с Фомой аббата монастыря св. Стефана [14, р. 180—182], а Бернард разделял недовольство сплитчан по поводу выборов Фомы на пост архиепископа [14, р. 187—190]. Иоанна «легко было повернуть в любую сторону из-за его неопытности» [14, р. 178]; Бернард в отличие от него — «муж зрелый годами», но «медлительный и осторожный в делах гражданского управления» [14, р. 183]. К этому следует добавить, что Иоанн был, очевидно, поставлен чуждой Фоме провенгерской партией в угоду венгерскому королю, который выказывал городу нерасположение вследствие его сепаратистских тенденций при Гаргане. Влияние князей Крка в Хорватии после оказанной ими помощи королю Беле IV во время татарского нашествия [21, s. 370—383] возросло, и они пользовались благосклонностью короля¹⁵.

История о неудачной попытке Хрели (Reles), «князя хорватов», встать во главе Сплита, натолкнувшейся на противодействие сплитчан, «не допускающих даже мысли о правлении мужа, славянина родом» (*viri Sclavigene*) [14, р. 69], только на первый взгляд могла бы оправдать представление об антиславянской направленности мировоззрения Фомы. Этот эпизод требует дополнительных пояснений. В 1164 г. византийскому императору Мануилу удалось на время (до 1180 г.) вернуть Византии практически всю территорию Далмации в границах римской провинции

¹⁵ В марте 1242 г., находясь в Трогире, Бела IV даровал новые и подтвердил старые привилегии сыновьям Буго, князя Крка, среди которых назван и Иоанн [5, v. IV, р. 144]. Первое упоминание Иоанна в качестве сплитского князя относится к июню этого года [5, v. IV, р. 155].

(кроме Задара, остававшегося в руках венецианцев). Завоеванные земли были поделены на две области. Первую составляли Хорватия и города Северной Далмации, вторую — Дукля и южнодалматинские города. Сплит стал главным городом первой из них и резиденцией императорского наместника [7, с. 95—96]. Новое политическое положение Сплита, выделение императором дотаций его гражданам, экономический подъем — должны были обеспечить византийской власти поддержку города. Поэтому, когда венгерский король с помощью верных хорватских вассалов возвратил себе на короткий срок в конце 60-х годов XI в. Хорватию и стремился вновь подчинить далматинские города, сплитчане сопротивлялись его домогательствам. Именно к этому времени относится описанная Фомой история нападения Хрели на Сплит. Отвага и храбрость, проявленные сплитчанами в этом столкновении, очевидно, вошли в круг городских преданий. Введение Фомой в повествование прямой речи, эпически возвышенный стиль повествования указывают на устный источник хрониста. Выраженное в рассказе Фомы нежелание жителей города иметь правителя «*Sclavigene*», видимо, восходит именно к местному преданию и может быть понято только в контексте политической обстановки 60-х годов XII в. Слово *Sclavigenus* обозначает не славянина вообще, а жителя хорватских областей, в отличие от граждан далматинских городов, приверженных к Византии. Скорее всего смысл рассказа не в демонстрации неприязни к славянам, а в похвале столь желаемому для Фомы и так редко, с его точки зрения, выказываемому единодушию и солидарности сплитских жителей.

Не может служить доказательством антиславянской направленности хроники и отрицательное отношение Фомы к борьбе хорватов за право богослужения на славянском языке, проявившееся, в основном, при описании событий второй половины XI в. Естественно, позиция Фомы по этому вопросу находилась в соответствии с политикой папства в отношении Хорватии после разделения церквей в 1054 г. Рим стремился к искоренению в этой стране, пограничной с восточно-христианскими землями, норм и обычаев, принятых в византийской церкви, что выразилось, прежде всего, в отрицании права ведения служб на славянском языке. Нежелание Фомы признать это право не следует отождествлять с неприязнью к добивавшимся этого права хорватам. В этом смысле показатель рассказ о стараниях некоего священника Ульфуса восстановить в Далмации и Хорватии богослужение на славянском языке. Цель автора здесь — не демонстрация неприязни к хорватам, а пародийное изображение поборников церковной службы на понятном народу языке. Основная масса хорватов вызывает сочувствие хрониста. Хорваты представлены в эпизоде «несчастливыми душами» (*animas infelices*) [14, р. 52], одураченными коварным Ульфусом и его приспешниками.

Одним из основных аргументов, обычно приводимых в доказательство недоброжелательства хрониста к хорватам, является использование Фомой в отношении отдельных групп хорватского населения и хорватских политических деятелей негативной лексики. Однако нетрудно заметить что подобная лексика употребляется не только по отношению к хорватам, но и в адрес различных социальных групп сограждан Фомы и целого ряда неславянских церковных и политических деятелей. Рассмотрим наиболее резкие из выражений Фомы. Рассказывая об убийстве омишанами архиепископа Райнерия, хронист отмечает их «ярость», «неистовство» (*furor, rabies*) [14, р. 74]. Слово *furor* и производные от него, а также его синонимы (*vecordia, insania, iracundia*) используются и в отношении граждан, выступавших против архидиакона во время его столкновения с архиепископом Гунцелом [14, р. 110], противившихся участию Фомы в выборах аббата городского монастыря св. Стефана [14, р. 181, 182], протестовавших против выдвижения кандидатуры Фомы в архиепископы [14, р. 189, 190]. Словом *ferox* в значении «воинственный», «необузданный» хронист характеризует не только хорватского предводителя Хрелю [14, р. 69] и цетинских журанов Будимира с братьями, напавших на сплитскую территорию [14, р. 99]. Подеста Бернанд из Триеста также обладает

«неукротимым духом» (*ferocis animis*) [14, p. 191]. *Nequitia* (беспутство) — черта, якобы присущая Хреле [14, p. 70], цетинским жупанам [14, p. 100] и пиратам Омиша [14, p. 125, 130], свойственна также жителям Салоны [14, p. 23] и Задара [14, p. 83], гражданам Сплита — противникам правления Гаргана [14, p. 124] и злопыхателям Фомы [14, p. 200]. *Temeritas* (безрассудство) приписывается не только омишанам, но и архиепископу Гунцелу [14, p. 96, 97], вообще мирянам [14, p. 103], гражданам, выступавшим против архидиакона [14, p. 181, 190], а *superbia* (высокомерие, гордыня) присуща не только Хреле [14, p. 69], но и подесте Бернарду [14, p. 191], жителям Салоны [14, p. 23], Задара [14, p. 83], гражданам Сплита [14, p. 121], в частности его ректорам и консулам [14, p. 114]. Высокомерны, дерзки (*insolentus*) в хронике омишский князь Осор [14, p. 127], архиепископы Гунцел [14, p. 97] и Хугрин [14, p. 197], представители высших институтов городского магистрата, не желавшие вводить иностранное «латинское» управление [14, p. 124]. Как злоумышленники (*perverse mentis homines*) порицаются в хронике Хреля [14, p. 69] и омишане [14, p. 131]; однако и к гражданам Сплита, выступавшим против Фомы, хронист применяет определение «*perversus*» [5, p. 181, 182, 194]. Сравнение цетинских жупанов с алчными волками (*garases lupi*), а людей хорватского феодала Домальда, напавших на Сплит, с грабителями, разбойниками (*praedones*) перекликается с уподоблением сплитских граждан, вмешавшихся в выборы аббата монастыря св. Стефана, «полчищу свирепых разбойников» (*praedonum aties violenta*) [14, p. 181]. Эти аналогии могут быть продолжены.

Использование Фомой негативной лексики убеждает в наличии в каждом конкретном случае политической и конфессиональной (но не этнической) подоплеки и не противоречит приведенной интерпретации хорватских сюжетов хроники.

Рассмотренный материал заставляет воздерживаться от категорической оценки этнического мировоззрения Фомы Сплитского как враждебного славянам, в первую очередь хорватам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Klaić V. Povijest Hrvata od najstarijih vremena do svršetka XIX st.* Zagreb, 1899, sv. 1.
2. *Strohal I. Romanstvo starih Splječana i Toma Arcidakon.*—Ljetopis Jugoslovenske Akademije. Zagreb, 1916, sv. 31.
3. *Klaić N. Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku.* Zagreb, 1971.
4. *Ферлуца J.* Византиска управа у Далмацији. Београд, 1957.
5. *Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Sclavoniae, vol. II—V. Zagrabiae, 1904—1907.*
6. *Segvić K. Toma Spličanin, državnik i pisac.* Zagreb, 1927.
7. *Novak G. Povijest Splita, t. I.* Split, 1978.
8. *Strgačić A. Papa Aleksandar III u Zadru.*—Radovi instituta JAZU u Zadru. Zadar, 1954, sv. 1, s. 153—187.
9. *Cestarić V. Etnički odnosi u srednjovjekovnom Zadru prema analizi osobnih imena.*—Radovi Instituta JAZU u Zadru. Zadar, 1972, sv. 19.
10. *Bezić-Božanić N. Arhivske vijesti o trogirskim zanatlijama u XIII st.*—Mogućnosti, 1980, № 10—11, s. 1009—1025.
11. *Lucić J. Obrti i usluge u Dubrovniku do početka XIV st.* Zagreb, 1979.
12. *Statuta et leges civitatis Spalati.* Zagrabiae, 1878.
13. *Фрејденберг М. М.* Монастырь в структуре средневекового далматинского города.— В кн.: Общество и государство на Балканах в Средние века. Калинин, 1980, с. 64—86.
14. *Thomas Archidiaconus. Historia Salonitana.* Zagrabiae, 1894.
15. *Constantine Porphyrogenitus De administrando imperio.* Budapest, 1949.
16. *Documenta historiae Croatiae periodum antiquum.* Zagreb, 1879.
17. *Einhardi Annales. Hannoverae, 1845.*
18. *Неджов Б.* България и съседните ѝ земи през XII век според «Географията» на Идриск. София, 1960.
19. *Historia ducum Venetorum.*—In: Monumenta Germaniae historica. Scriptorum.. T. 14. Hannoverae, 1883, p. 72—89.
20. *Klaić N. Još jednom o tzv. privilegijama tipa trogirskog.*—Istorijski časopis, 1973, sv. 20.
21. *Klaić N. Povijest Hrvata u razvijenom srednjem vijeku.* Zagreb, 1976.
22. *Švob D. Comes Domald.*—Naučna misao, 1955, № 3—4.

ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРИМИТИВА НА ПОЛЬСКОЙ СЦЕНЕ XVII—XVIII веков

В каждую эпоху существует самостоятельная группа художественных текстов, к которым не приложимы общие меры и которые не подчиняются законам искусства своего времени. Но несмотря на непохожесть и изолированность они имеют черты, объединяющие их с нормативными произведениями. Только эти черты в них трансформированы, иначе распределены и свободно соотносятся с такими чертами, которые в нормативных произведениях не допустимы, что и создает их своеобразие, выталкивает из общей системы текстов. Обычно эти произведения называют примитивом. Создатели этих текстов часто — непрофессионалы, они владеют техникой, передающейся по традиции, и не знакомы с теорией искусства. Обычно они не дифференцируют различные его уровни, легко их смешивают, что и создает особенности их художественного языка. Их произведения предназначены для публики, не имеющей высокого культурного уровня, чьи эстетические требования еще не выкристаллизовались. Примитив живет по особым законам, он организован иначе, чем нормативное произведение, и только подход к нему как к целостному единству позволяет вскрыть его сущность, понять особенности и отличия от того художественного фона, на котором он существует, выяснить его место в общей системе искусства.

Не ставя перед собой задачу полностью описать причины возникновения и принципы художественной организации примитива, отметим только некоторые из них. Основа существования примитива — соотнесенность с нормативными произведениями (бессознательная и сознательная). Примитив непременно должен иметь образец, соотнесенность с которым может выражаться в подражании, отталкивании или пародировании. Произведениям, относящимся к группе примитивов, свойственны связи с таким пластом культуры как миф. Для них типична тенденция сделать своим содержанием «вечные истины» или создать соответствие содержания произведения с общепринятой системой ценностей [1, с. 290]. В этих текстах иначе, чем в нормативных, соотносятся эстетическая и прагматическая функции. Совершенно необязательно, что на первый план выдвигается эстетическая функция — она может сосуществовать с прагматической, если вообще не подавляться ею [1, с. 248]. Потому произведения этой группы часто находятся на стыке искусства и жизни, имея, с одной стороны, развитые бытовые функции, с другой — явно входя в ряд явлений искусства. В границах искусства они часто занимают положение между его областями, например, между искусством слова и живописи, или находятся на грани народного и профессионального искусства, смыкаясь, с одной стороны, с фольклорными текстами, с другой — используя приемы «высокого» искусства и не принадлежа ни тому, ни другому

[2, с. 132—133]. Одной из главных характеристик примитива оказывается его пограничное положение.

Очевидно, что примитивы способны возникать в любом художественном контексте, но особенно благоприятной почвой для их существования в новое время является барокко. Поэтика барокко, основанная на принципе антитезы, предполагающая сближение и слияние полярных противоположностей любых уровней, открывает для примитива большие возможности. Одна из основных — это антитеза поэтических норм и разрешенной свободы автора. Между этими полюсами легко развивается примитив. Другая — это антитеза комического и трагического. Взаимодействие ее противопоставленных членов также может породить явления примитивного искусства. Сложность и относительная простота формы, многозначность и однозначность, зияния между их полюсами также оказались условиями для развития художественного примитива. Не менее важными для примитива эпохи барокко были столь характерные для того времени колебания между искусством и действительностью, тенденция к разрушению границы между ними, что сказалось в различных формах окказионального искусства: в паратеатральных формах, в экспансии театра в реальную жизнь. Здесь примитив мог занять свое излюбленное пограничное положение. Эти же возможности представлял для примитива стык различных видов искусств. Барокко стремилось к синтезу различных видов искусств, слиянию их воедино.

Барокко было открытой художественной системой [3, 4], обладало огромными ассимилятивными способностями и поэтому свободно использовало формы народного искусства, сплавляя их с формами искусства профессионального¹. Не только профессиональное искусство испытывало тогда влияние народного, но существовала и обратная связь — народное искусство впитывало в себя элементы «высокой» культуры барокко, своеобразно их трансформируя. П. Г. Богатырев отмечал явное влияние барочного театра на народный и городской театр Чехии и Словакии, влияние барочного стиля на национальный костюм в Моравской Словакии [7, с. 24, 324]. А. А. Морозов указывает на влияние «Символов и Эмблемат», сказавшееся в работах севернорусских косторезов [8]. Аналогичный процесс в словесном народном искусстве выявляет Э. В. Померанцева [9]. В области пересечения народного и профессионального изобразительного искусства, также активно развивался примитив, часто обладающий высокими художественными достоинствами, как например, польский сарматский портрет [2, с. 174—175].

Искусство XVII — первой половины XVIII в. оказалось плодотворной почвой для развития художественного примитива еще и потому, что оно было явно нацелено на адресата, всегда имело в виду читателя, зрителя, которому предназначались произведения. Его создатели прекрасно осознавали, что адресат по своим эстетическим вкусам и образованию различен и стремились заинтересовать как тех, кто входил в интеллектуальную элиту, так и тех, чье художественное сознание формировалось на основе народного искусства и обрывков искусства профессионального, случайно ставших их достоянием. Барокко было эпохой, когда зарождалось массовое демократическое искусство и когда некий слой профессионального искусства принял на себя функции народного [10]. Например, в связи с русской литературой А. Робинсон отмечает: «Только в XVII в. народные представления, настроения и вкусы получили возможность непосредственного выражения в литературе. Появились талантливые писатели из „низов“ общества. Стали популярными демократическая сатира и пародия... возникла бытовая прозаическая и даже стихотворная повесть» [11]. Этот важнейший историко-культурный процесс, свидетельствующий о смене старого типа культуры, привел к расслоению барокко. Хотя до сих пор еще можно встретить утверждения о его элитарности, принадлежности только высшим слоям общества, все более зна-

¹ Важно подчеркнуть, что В. П. Адрианова-Перетц [5] и Д. С. Лихачев [6] отмечали действительную роль фольклора в русской литературе XVII в.

чительной становится идея о сосуществовании его различных уровней. А. А. Морозов развивает в своих работах положение о трех его видах, высоком, среднем и низовом, находя соответствие ему в теории и практике трех стилей. Он пишет: «Так называемая „демократическая“ литература не отвергает достижений книжного барокко, а то и ориентируется на него, использует его художественные средства и сюжетные схемы. В свою очередь так называемая „высокая литература“ обращается к фольклору и народному языку» [12, 13]. Так возникают разные уровни барокко, и на низовом его уровне легко развивается примитив.

Допустив присутствие в искусстве и литературе непрофессионалов, требуя знания правил, но позволяя нарушать их, барокко одновременно вовлекло в искусство множество любителей, писавших, работавших для себя. XVII век, за ним и XVIII, были временем всеобщего увлечения поэзией, сочинительством, писанием дневников, мемуаров. Это было время, когда чрезвычайно распространились любительские — светские и духовные — сцены, оказавшиеся центрами возникновения своеобразных театральных форм, которые можно отнести к разряду примитивов. Они легко нарушают границы между искусством и действительностью, часто являют неожиданный симбиоз различных известных театру способов воспроизведения действительности, занимают срединное положение между искусством профессиональным и народным. Мы попытаемся описать художественную природу этих форм на материале польского театра XVII—XVIII вв., обратившись к таким его видам как рыбалтовский, школьный, массовый религиозный театр и театр магнатский.

Рыбалтовский (совизжальский) театр дал чрезвычайно интересные образцы театрального искусства в Польше в конце XVI — первой половине XVII в. Он был частью совизжальской культуры XVI—XVII вв., массовой культуры того времени, которая находилась в оппозиции к культуре официальной. Ее анонимные создатели, продолжая традиции народной смеховой культуры, строили свои произведения по законам поэтики абсурда, переворачивания мира, провокации, пародии, которая была не столько направлена против чего-либо, сколько на что-либо [14], не столько сознательным уходом от изживающих себя образцов, сколько игрой с ними, гротеском [15, 16]. Эта поэтика не была единственной. Входя в современный им круг литературы, совизжалы создавали и дидактические произведения как «Ссора табака с водкой», «Совизжальская коленда», «Адский сейм», «Женский сейм», пользуясь художественным языком назидательной литературы. Но в этих произведениях они постоянно использовали художественные приемы, не свойственные дидактической литературе и театру. Совизжалы всегда оставались верны бессмыслице: нелепице, гротескному преувеличению, пародии. Совмещая оба направления, дидактическое и смеховое, они создали особый круг произведений, принципиально отличающийся от каждого отдельного направления, с которым он был связан. Многие театральные произведения совизжалов носят как дидактический, так и развлекательный характер, в них смешаны элементы поэтики аутентизма [17], абсурда с назидательными идеями. Так, в «Плебанской кампании» (*Wurgała plebańska*) тема жизни народа во время тяжелой, затяжной войны подана на материале на первый взгляд абсолютно реальном, бытовом, но обработанном таким образом, а каждый его элемент последовательно доведен до такой степени абсурда, что создается сильный комический эффект, динамически взаимодействующий с общей пацифистской настроенностью пьесы. «Новая рыбалтовская комедия» (*Nowa Rybałtowska komedia*) — реальный рассказ в драматической форме о крестьянской нужде, о тяжелой жизни учителей и духовного сословия — сопровождается абстрактными хорами, в которых постоянно упоминаются античные герои и боги. Эта же пьеса использует мотив моралите: бабу-колдунью тащит в ад дьявол. «Путешествие нищих» («*Pereregynacja dziadowiska*») — пьеса, построенная на интересном этнографическом материале, состоящая из монологов-самопредставлений различных попрошак: мошенников, мнимых слепых и глухих, также имеет дидактическую нагрузку: в эпилоге герои осуждаются.

В рыбалтовском театре были также драматические произведения, совмещающие мотивы и композиционные приемы мистерии и моралите с народной интермедией, сталкивающие искусство совизжалов с официальной, ученой литературой нарочито смешивающие и противопоставляющие риторические монологи, построенные по правилам барочной поэтики, с совизжаловской словесной игрой. Как пишет исследовательница этого вида театральной культуры В. В. Мочалова, «талантливые рыбалтовские авторы находились под определенным влиянием часто разнонаправленных тенденций, в результате чего их комедии причудливым образом синтезировали ярмарочно-балаганные принципы комизма и дидактическую направленность, фольклорные и аллегорические мотивы, приемы фарса и мистерии, объединяли в одном действии шутовских, античных и библейских персонажей» [18]. Так, «Трагедия о польском Сцилйорусе» Я. Юрковского (1604) содержит античный мотив: завещание царя. Умирая, он оставляет сыновьям завет жить в мире, и чтобы доказать им пользу согласия, велит переломать пук стрел. Его сыновьями оказываются полонизированные Геракл, Парис, Диоген, связанные со своими античными образцами: Геракл выбирает жизненный путь, соблазняемый Наслаждением и наставляемый Добродетелью (*Hercules in bivio*); Парис присуждает яблоко Венере и берет в жены Елену. Диоген восхваляет науки и, отказываясь от богатства, презирает власть Александра. Положив в основу пьесы сюжет, известный с древних времен, используя реликты других античных сюжетов, Я. Юрковский придает пьесе композиционные признаки мистерии. Отдельные сцены скреплены только родством героев, ведущих самостоятельные линии действия, не сталкиваются друг с другом. Единственное, что их объединяет — появление аллегорической фигуры Славы, которая комментирует их поступки и решения. Входят в эту трагедию и черты моралите: дьяволы утаскивают в ад Париса; героев окружают не реальные друзья и враги, а олицетворения пороков и добродетелей — Наслаждение, Добродетель, Слава; к умирающему Сцилйорусу приходит сама Смерть и хочет увести с собой в карете, за его душу борются ангел и дьявол. Есть в пьесе и мотивы народной комедии *дель арте* — с Парисом выступает Великий Хвостун, сопоставимый с итальянским Капитаном. Это он знакомит его с Еленой, предается с ним забавам и развлечениям, доводя до роковой встречи с чертами.

Сочетанию основных сцен с интермедиями сопутствует многообразие в тематическом плане. Так, в трагедию вплетена и любимая тема совизжаловских драматургов — тема школы — в интермедии о женских хитростях, дублирующей сцену Париса и Елены, Студент жалуется на тяготы жизни домашних учителей. Другие интермедии этой пьесы также косвенно связаны с основным сюжетом. После смерти Сцилйоруса появляются Мать и Кто-то; оснащая свою речь совизжаловскими аргоизмами, они беседуют о его смерти и исчезают, продолжая свой путь с поминок, на которых они были. Присутствует в пьесе и патриотическая тема: именно с общественной точки зрения оценивает Слава героев; Сцилйорус главным делом для своих сыновей считает служение отчизне.

В пьесе сталкиваются не только герои различных театров, польского и итальянского, с античными богами, но и их язык. Часть персонажей говорит барочными сентенциями, применяя сравнение, например, Фортуны с мыльным пузырем, что вызывает темы иллюзорности, игры, переменчивости счастья. Часть же использует типично совизжаловские способы переверачивания смысла (ср. парадоксальное объяснение Орчиковского, что такое свобода). Таким образом, «Трагедия о польском Сцилйорусе» соединяет в себе художественные свойства и идейные моменты «высокого» и народного искусства, являет собой пример произведения, выросшего в пограничной зоне.

Другая совизжаловская пьеса, «Масленица, или Трагикомедия масляничная» (1622) имеет сходные черты драматической структуры. С одной стороны, она близка народным интермедиям: ее герои — это загулявшие гости в корчме, они поют, танцуют, затевают драку, показывают «штуки

пьянства». С другой — она связана с «ученым» театром — среди веселой компании появляются Софист, Пилигрим, повествующий о дальних странах, в том числе об Утопии, в лучших традициях совизжальских календарей и новин. Все они встречаются со своим кумиром Бахусом. Бахус окружен сатирами, рядом с ним — Силен. Так античные мотивы переплетаются с элементами народного театра. Пьяницы имеют речевые характеристики, построенные на таких приемах, как народная этимология, игра со смыслом созвучных слов, неожиданное раскрытие значений. Бахус и его приближенные говорят в манере барочных театральных героев (ср. речь Бахуса о времени). В финале пьеса приобретает элементы моралите — дьяволы пытаются затащить в ад Хватайжбана (Lapikufel), которого друзья изукрасили до неузнаваемости, пристроив ему рога, одев маску, вымазав сажей и проч. В этом эпизоде можно видеть снижение барочной темы — *Theatrum mundi*. Пронизана эта часть пьесы и дидактическим смыслом. Как все пьесы масляничного цикла, светские и школьные, она призывает к воздержанию, напоминает о приближении поста.

Не менее назидательное звучание имеет другая совизжальская пьеса «Придворный сват», подписанная Льстецом. Уже в прологе она названа примером, что типично для школьных моралите. Действительно, главный герой ее, Памфилус — это отрицательный пример для молодежи. Он все время проводит в утехах, гуляньях, окружен легкомысленными друзьями, Танцором, Музыкантом, Галантом, типичными второстепенными героями моралите. Они намереваются весело провести масленицу, но оказывается, что Памфилус тяжело болен. За ним приходят Дьяволы и Смерть. В эту типичную для моралите ситуацию проникают совизжальские нотки. Слуги пытаются поколотить Смерть; Вера, появившаяся, чтобы спасти заблудшего Памфилуса, замахивается на нее крестом. Черти дерутся между собой и чуть не убивают самое Смерть, к которой по всем законам совизжальской логики, призывают Доктора. Вся эта потасовка кончается примирением, пением и танцами. Памфилус спасен вопреки логике моралите, где спасение всегда состоит в том, что ангелы уносят душу героя на небо.

В рыбалтовских пьесах, как в пьесах школьных и придворных, часто сочетаются между собой слово, музыка, танец, используется прием театра в театре. В известной комедии П. Барыки «Мужик-король» (1637) этот прием становится организующим центром сюжета. Пьяного, заснувшего мужика компания гуляк-военных переодевает, заставляя поверить в то, что он — король, разыгрывая из себя его приближенных, но ненадолго. Они кончают мистификацию, что вызывает искренние сожаления героя, поверившего в свое превращение. Так на «низовом» уровне барокко решается тема иллюзорности, преходящести всего земного, тема — *Vanitas*.

Итак, рыбалтовские пьесы были средоточием двух направлений в литературе, дидактического и смехового, высокого и низкого, их живым переплетением, сочетанием различных драматических жанров, противоречащих друг другу художественных приемов. Они представляли ярчайшее в польской культуре проявление низового барокко; рыбалтовский театр был одним из центров формирования национального варианта барокко [19].

Барокко на польской сцене было представлено в школьном театре, который был искусством риторическим, сочетавшим наивный реализм с аллегорическим способом воспроизведения действительности. Его пьесы носили эмблематический характер, выполняя при этом дидактическую функцию. Он стремился к синтезу искусств на сцене, к смешению различных художественных средств, к стяжению воедино комического и трагического, в результате чего на сцене сталкивались не только элементы народной смеховой культуры и абстрактная риторика школьной традиции, но и два вида барокко, высокое и «низовое».

По правилам школьной поэтики все пьесы состояли из так называемых «больших» и «малых» частей. «Большими» были собственно действия,

«малыми» — интермедии, пролог, эпилог, хоры. Интермедии, комические вставные эпизоды, включенные в серьезные драмы, относились к низовому барокко. Многие из них близки по характеру к театральному приимитиву, так как подобно рыбалтовским пьесам сочетали в себе дидактическое и комическое начало. Их близость к рыбалтовскому театру — в сходстве их художественной природы. Иногда бывает трудно отнести интермедию к одному из этих театров [20]. Часто в них встречаются одни и те же сюжеты. Примером может служить группа пьес и интермедий: «Мужик-король» П. Барыки, «Мужик-князь» Я. Гулевича, «Пьяный Мужик» и др.

Интермедии строились на несложной фабуле, заимствованной из фольклорных источников; необязательно из народного театра, но и из словесных жанров, как интермедии Оршанского драматического кодекса. Они могли, не используя традиционных мотивов народного театра, строиться по законам его поэтики. Например, они создавали у зрителей иллюзию действия, происходящего здесь и сейчас, как в интермедиях «Служка, Господин и Слуга», «Комедия о Вавжке до и после школы», «Крестьянин, Жена и Слуга», герои которых обращаются к зрителям с просьбой объяснить, где они находятся. Так нарушалась структура сценического пространства и времени основной драмы, так школьная драма смыкалась с народным театром, правила которого разрешали выход актеров за границу, разделявшую зрительный зал и сцену, контакт зрителя с актером [7, с. 68—69; 21]. Последний вводил зрителя в игру, дразнил, задевал его, предлагал участвовать в действии: задавал вопросы, просил советов, как, например, герои интермедии «Путешествие в Кишков», которые спрашивают у зрителей, как им достичь цели своего путешествия, предлагают купить бороды. Комический эффект достигался в школьных интермедиях теми же способами, что и в народном театре: игрой слов, метатезами, оксюморонными построениями [7, с. 137—153]. (Прекрасные примеры этого словесного юмора мы находим в интермедии «Комедия о Вавжке до и после школы».) Авторы интермедий оснащают их нелепицами рыбалтовского характера (ср. описание пути в Кишков, который идет через Рим, Бургундию, Мальвазию, или жизни в Кишкове, где пьют не пиво, а масло, ходят в змеиных шкурах и проч.), оперируют элементами гротеска и абсурда, вводят фольклорные мотивы счастливой жизни («Крестьянин обвиняет отца Адама»). Их герои, как и герои народного театра, часто разрешают конфликт дракой («Путешествие в Кишков»), обманывают друг друга («Повар, Мальчик и Кашуба»).

В ткань комического действия интермедий элементы дидактики вплелись в виде нравоучений, которые герои читают друг другу (как слуга хозяину в интермедии «Пан Пивоша»), сентенций, непосредственных обращений к зрительному залу, особенно в заключительных монологах. Так, интермедия «Староста и Служка» заканчивается предложением каждому довольствоваться своим положением, не желать большего и учиться смолоду. «Комедия о Вавжке до и после школы» наряду с фарсовыми сценами содержит рассуждения о пользе наук. Иногда почти вся интермедия состоит из дидактических элементов, как интермедия «Служка, Господин и Слуга», в которой Служка в пространных монологах призывает любить добродетель, обличает дворянство; он даже на время обращает Господина на путь истинный.

В интермедиальное действие могли включаться герои некомического плана, как философ Тимон Афинский, к которому в интермедии «Тимон мизантроп» за наукой приходят шляхтич и молодой виленский сапожник. Появлялись в интермедиях и мистериальные персонажи, как Демон и Ангел в интермедии «Крестьянин обвиняет отца Адама», где Демон, как фольклорный герой, хочет поймать решетом солнце и отнести в избу. Могли выступать в интермедиях аллегорические фигуры, как у Д. Нерсесовича в интермедиях, объединенных названием «Мир навыворот». Иногда действие интермедии сплеталось из архаических мотивов народной смеховой культуры (мнимая смерть, пародийное отпевание, рассказ о путешествии на тот свет) и из дидактических выступлений о вреде пьян-

ства. В школьных интермедиях смыкались темы высокого барокко (тема иллюзорности всего сущего, тема Vanitas) и элементы поэтики абсурда, «мира наоборот», как у Д. Нерсевича. Отдельные эпизоды его пьес построены на смене ролей, задаваемых людям жизнью и обществом. На этой же смене ролей основана интермедия «Староста со Служкой»: Служка учится молотить, Староста тщетно пытается выучить латынь.

Постоянные мотивы и ситуации искусства высокого барокко снижались, преобразовывались в художественные средства барокко низового. В «Путешествии в Кишков» таким изменениям подвергается тема мгновенных превращений: нищих разбойники переодевают в богачей — теперь им никто не подаст и они умрут с голоду. Сами нищие оказываются оксюморонными фигурами: нося обличье богатства, они бедны.

Религиозная драма массовой сцены также порождает примитивные формы, сочетая элементы литургической драмы, массового религиозного диалога и народного театра. В этот конгломерат театральных форм вливались мотивы барочного «ученого» театра. Наиболее интересным примером взаимодействия различных видов театральной культуры в пределах одного текста является ставившаяся в костеле литургическая пьеса «Сражение яростно воюющего бога» [22, s. 7—40]. Как множество религиозных диалогов массовой народной сцены или как школьная драма она имеет в основе сюжет страстей Христовых; подобно им она ставилась на псаху. Слияние различных театральных форм произошло здесь на основе мистериального сюжета, в который входят эпизоды моралите, что вообще свойственно мистерии. Пьеса состоит из двух частей, ее вторая часть — моралите — включена в первую — мистерию, а не следует за ней. Главный персонаж моралитетной части — Грешник, собирательный образ человечества, за грехи которого страдает на кресте Иисус Христос. Подобно школьной драме, «Сражение» начинается антипрологом и прологом. Антипролог носит аллегорический характер: фигура Любви в короне и с пылающим сердцем в руках, закалывает Жестокость. Так разыгрывается основной смысл пьесы. За антипрологом, как того требуют школьные поэтики, следует пролог, повествующий о евангельских событиях. Заканчивает пьесу эпилог. Видимо, из школьного театра позаимствован и занавес.

Мистериальный сюжет довольно краток, его каноническая композиция нарушена. Во многом его авторы опираются на апокрифы. Главным персонажем выступает сам Христос, что в «ученых» драмах того времени было невозможно — там его обычно заменял ряд аллегорических фигур, олицетворяющих его атрибуты. В эпизоде в Гефсиманском саду солдаты, посланные Пилатом, даже бьют, толкают Христа, связывают веревками. Его появление на сцене соотносит «Сражение» с народным религиозным диалогом. На «ученой» сцене избегали показывать страсти Христовы, о них чаще всего повествовалось. Если же это делалось, то с помощью волшебного фонаря, «через тени». Существовал и другой, более простой способ, «через занавес», на котором двигались тени актеров, к которому обратились в данном случае авторы драмы. Только живого актера заменила кукла, которую в режиссерских указаниях пьес XVII в. так и называли — Страсть (Pasyja). Ее укрепляли на кресте, а когда снимали, она двигала руками, ногами и головой, что создавало иллюзию человеческого тела. Так в пределах одной пьесы сочетались элементы кукольного театра и театра живого актера. Заканчивается мистерия «Марииным плачем», одной из популярных форм народного религиозного искусства, драматизированным монологом Богородицы у креста.

Моралите так включено в мистерию, что частично его действие симультанно с ее действием. Общепринятый принцип параллельного развития мистериального и моралитетного сюжетов здесь чрезвычайно усилен. Во время пира Грешника происходит бичевание Христа, шествие на Голгофу и другие эпизоды страстей. Тут же разыгрывается обязательная для моралите борьба Ангела и Дьявола со Смертью. В моралитетной части пьесы действуют аллегии Справедливости, Милосердия, Времени, уже упомянутая Смерть, Фортуна, Мир. В первом ее эпизоде реализуется метафора: Мир вербует грешников. Богато наряженный, звеня

цепочками, Мир бьет в барабан и бубен, как при вербовке солдат, и под его знамена шествует Грешник. Разыгрываются и символические сцены: Грешник танцует со слепой Фортуной. Моралите, пожалуй, в большой степени, чем мистериальная часть, испытало влияние народного театра. Это сказалось в столкновениях Грешника с Ангелом. Как типичный герой народного театра, он хочет расправиться с посланцем небес, поколотив его, желает поломать ему ноги, насылает на него слуг. И сам Ангел — не абстрактная фигура, выступающая с риторическими речами, он трогательно жалуется на свои жизненные тяготы, боится Грешника и т. п. То же можно сказать и по поводу других аллегорий: все они наделены характеристиками, мало отличающимися от тех, которые даны безусловным, реальным героям. Их монологи эмоциональны, почти не содержат сентенций, рассуждений о грехе и добродетели. Интересны их костюмы. Для постановщика пьесы важны не только символические аксессуары: меч, пылающее сердце, коса; он постоянно указывает на дороге ткани костюмов, обязательно упоминает чулки (ср.: «Любовь будет сидеть на стуле в шелках, парике и короне, с пылающим сердцем в руках и с крестом, а на ногах чулки»). Подробно объясняется, как сделать костюм Смерти: на ее белых одеждах должны быть нарисованы ребра. Время появляется в таком костюме, что его фигура может быть соотнесена с аналогами в примитивном изобразительном искусстве. Оно несет в одной руке часы, в другой — трубу (чтобы трубить марш, под который Грешник отойдет к смерти), у него огромный парик, длинная борода и крылья, одет он в дорожную «китайку», поет басом. В последнем эпизоде эта фигура обращается к зрителям с тем же предостережением, что и к Грешнику: *Vigilate quia nescite...* (Бдите, ибо не ведаете...). Мистериальный характер пьесы сказывается в том, что она показывалась на сцене (части церкви), устроенной по ярусному принципу. Нижним ярусом был ад (как говорится в одной ремарке, над адом сидит Грешник), верхним — скала, на которой находился крест (Голгофа).

Стягивая воедино мистерию, моралите и народный религиозный диалог, эта пьеса отличалась от них не только изобразительными, художественными средствами. В ней так много музыки, пения, что она по праву может считаться народной оперой. Судя по ремаркам, большая часть стихотворного текста пелась, причем указаны известные мотивы. Возможно, что номера, сопровождающие отдельные монологи и диалоги также относят их к песням из какого-то популярного песенника [22, s. 661—662]. Между отдельными сценами обязательно есть музыкальные вставки. Под пение кантов показываются муки Христа. Грешника развлекает оркестр трубачей, капелла играет ему «Виват», танцы. Такое богатство и разнообразие театральных форм делает «Сражение яростно воющего бога» одним из выдающихся произведений, возникающих между полюсами народной и профессиональной культуры. Простота выражения сочетается в нем с высоким эмоциональным напряжением, для передачи которого создатели не побоялись обратиться ко всем известным им художественным средствам и сумели создать между ними гармоническое равновесие.

Театральный примитив существовал не только в XVII в. На протяжении последующего столетия художественные формы подобного рода возникали в любительских, магнатских театрах. Магнатский театр, как и школьный, был театром непрофессиональным. Его спектакли были частью больших празднеств, ставились в дни семейных торжеств. Предпочтение отдавалось опере и балету, но игрались и французские пьесы, собственными силами создавался отечественный репертуар. Магнаты даже сами писали для своих сцен, как В. Жевуский или У. Радзивиллова. Творчество последней представляет для нас особый интерес. Выдающийся историк польской литературы Ю. Кшижановский назвал ее пьесы «самыми странными и ни на что не похожими изо всех печатавшихся в Польше» [23, s. 7]. Его мнение служит рекомендацией для отнесения их к театральному примитиву. Действительно, ее творчество являет собой неожиданное сочетание французской классической комедии с местными традиция-

ми школьного и народного театра. Она отдавала дань моде на ориентализм и продолжала «складывать» свои пьесы по канонам мистерий. У. Радзивиллова не считала, что она кому-то подражает, а свободно черпала из совершенно различных источников и легко собирала воедино несоединимые художественные средства и способы воспроизведения действительности. В итоге в ее творчестве переплетались фольклорные и литературные мотивы, европейские и восточные, элементы французской комедии и агиографии сталкивались с приобретенной рокайльные черты античной мифологией. Столь сложный конгломерат жил по законам поэтики среднего барокко. Так, одна из пьес — «Дело божественного провидения» — основана на мотиве европейской волшебной сказки — принцесса в хрустальном гробу. Одним из ее персонажей становится отшельник, типичный герой школьной драмы. Он-то и спасает принцессу. Злая мать в наказание за свои злодеяния переживает страшное превращение в духе барочного романа — становится чудовищем. Только раскаяние — обязательная ступень в развитии героя школьных пьес — возвращает ей прежний облик. В другой пьесе — «Порок в тенетах» — У. Радзивиллова использует мотив восточного фольклора — любовник в сундуке — заимствованный из сказок «Тысячи и одной ночи», известный также русской демократической литературе XVII в. («Повесть о Карпе Сутулове»), и русскому театру XVIII в. (пьеса В. Павлова «Три сундука или три хитрости женщины», 1788) [24]. Этот сюжет был вообще очень популярен в литературе и на сцене (ср. фарс Галле «Сундуки»); у Радзивилловой он сочетается с элементами комедии дель арте: Арлекин постоянно комментирует действие, происходящее в Багдаде, помогает советами кади, визирую; он же заключает комедию.

Привлекала писательницу и античность. Она обработала сюжет суда Париса в пьесе «Любовь — пристрастный судья», уже известный польскому театру (ср. пьесу «Парисов суд» и «Трагедию о польском Сциллурисе» Я. Юрковского). Также охотно драматизировала она новеллистические сюжеты, как например, новеллу о Гризельде («Декамерон»), обработанную Я. Морштыной в романе «Antypasty Małżeńskie». Передельвала она для своей домашней сцены «Смешных жеманниц» Мольера. Во многом эта комедия испытала влияние школьного драматического искусства. Рядом со странными модницами, античными богинями стоят и другие героини У. Радзивилловой — сестры-мученицы, Агапия, Хиона и Ирина («Судья без разума»). Впервые они стали *personae dramatis* в пьесе «Дульциций» средневековой монахини Хротсвиты Гандерсгеймской [25; 23, s. 15—18]. Очевидно, что польская писательница не знала «Дульциция». Источником для нее послужили «Новые жизнеописания святых» Ст. Велловейского, в которых этот сюжет присутствует. Интерес Радзивилловой к агиографическим сюжетам еще раз выказывает связь ее творчества со школьным театром, в котором агиографические драмы занимали очень большое место. Об этом же говорит композиция другой пьесы — «Игра фортуны», или аргументы, предшествующие драме «Дело божественного провидения». Драматическая техника связывает У. Радзивиллову и с более ранним пластом театральной культуры — народным религиозным театром, с мистериями. Ее пьесы часто делятся на слабо связанные между собой эпизоды, иллюстрирующие общую идею, — таковы пьесы о Парисе и Гризельде-Цецилии. Кстати, в последней есть пастораль, уживающаяся с эпическим построением сюжета, трагическими эпизодами, дидактическими сентенциями.

Творчество У. Радзивилловой, развившееся на стыке сарматской и просветительской культур, породило интересное смещение форм старинного и нового театра. Оно продолжало линию взаимодействия фольклора и профессионального искусства. Та свобода, которая шла у нее от отсутствия серьезного литературного и театрального образования, слабого знакомства с современными ей образцами, позволила У. Радзивилловой создать произведения, обладающие некоторой оригинальностью, так как она легко совмещала воедино все известные ей формы словесного и драматического искусства. Это и породило своеобразный театральный примитив,

о котором Ю. Кшижановский писал, что именно в его «особом очаровании. . . состоит ее значение в истории польской культуры и истории польского театра» [23, с. 17].

Мы описали несколько театральных форм XVII—XVIII вв., которые могут быть отнесены к художественному примитиву. Очевидно, что часть из них, как пьесы У. Радзивилловой, оказалась в группе примитива вне зависимости от желания драматурга, которому были просто неизвестны другие пути создания драматических текстов. Часть из них, как школьные интермедии, были данью драматургов вкусам мало образованной публики, которую нужно было развлечь в соответствии с их эстетической программой и одновременно «усовершенствовать» ее. И те и другие, тем не менее, вошли в круг примитивных театральных форм. Различаются они, конечно, и степенью своей художественности. Синтез различных видов искусств в пьесе «Сражение яростно воюющего бога» оказался новаторским приемом, который привел к созданию нового жанра — народной оперы; смешение различных театральных жанров в пьесах У. Радзивилловой не дало аналогичного результата. Очевидно, что мы можем говорить о разной степени диффузности профессионального и народного искусства, о разных путях и направлениях их взаимодействия. Формы народного театра впитывали опыт профессионального искусства, как в рыбалтовском театре, возможно было и обратное направление этого взаимодействия, как в театре школьном. Но все они способствовали возникновению таких художественных форм, которые влились в культуру барокко, принадлежа или соприкасаясь с его «низовым» или средним уровнями, свидетельствуя о дифференциации стиля этой культуры, о ее активном взаимодействии с традициями национального искусства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мукаржовский Я. Эстетическая функция, норма и ценность как социальные факты. — В кн. Σημειωτική Труды по знаковым системам, 7. Тарту.
2. Тананаева Л. И. Сарматский портрет. М., 1979.
3. Морозов А. А. Новые аспекты изучения славянского барокко. — Русская литература, 1973, № 3.
4. Розов А. И. Проблемы славянского барокко. — В кн.: Славянское барокко. Историко-культурные проблемы эпохи. М., 1979.
5. Адрианова-Перетц В. П. У истоков русской литературы. — В кн.: Русская демократическая сатира XVII в. М., 1977, с. 107—142.
6. Лихачев Д. С. Человек в литературе древней Руси. М. — Л., 1958, с. 124—125.
7. Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971.
8. Морозов А. А. Родина Ломоносова. Архангельск, 1976.
9. Померанцева Э. В. Книга и сказочник. — В кн.: Народная гравюра и фольклор в России. XVII—XIX вв. М., 1976, с. 351—368.
10. Чернов И. А. Из лекций по теоретическому литературоведению. Тарту, 1976, с. 157.
11. Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII в. М., 1976, с. 20.
12. Морозов А. А. Извечная константа или исторический стиль? — Русская литература, 1979, № 3, с. 84.
13. Морозов А. А. Основные задачи изучения славянского барокко. — Советское славяноведение, 1971, № 4, с. 61.
14. Тынянов Ю. Н. О пародии. — В кн.: Поэтика. История, литература, кино. М., 1977, с. 290—291.
15. Antologia literatury sowiżozalskiej XVI i XVII w. Wrocław, 1966.
16. Мочалова В. В. Идеино-стилевое своеобразие польской совизжалской прозы и драматургии второй половины XVI — первой половины XVII в. — Автореф. канд. дис. М., 1974.
17. Rocznik komisji Historycznoliterackiej, V. 1967, s. 10—13.
18. Мочалова В. В. Рыбалтовская комедия в истории польской драмы первой четверти XVII в. — Советское славяноведение, 1973, № 5, с. 70.
19. Мочалова В. В. «Низовое» барокко в Польше. Драматургия и поэзия. — В кн.: Барокко в славянских культурах. М., 1982, с. 102—123.
20. Pamiętnik Literacki, 1962, № 1, s. 5.
21. Богатырев П. Г. Художественные средства в юмористическом ярмарочном фольклоре. — В кн.: Славянская литература. VI Международный съезд славистов. М., 1968, с. 324.
22. Dramaty staropolskie. T. VI. Warszawa, 1963.
23. Krzyżanowski J. Talia i Melpomena w Nieświeżu. Twórczość U. T. Radziwiłłowej. — In: Teatr Urszuli Radziwiłłowej. Warszawa, 1967.
24. Берков П. Н. История русской комедии XVIII в. Л., 1977, с. 264—265.
25. Памятники средневековой латинской литературы X—XII вв. М., 1972, с. 85—87.

О ВАРИАНТАХ ИЗДАНИЯ КНИГИ З. ОРФЕЛИНА О ПЕТРЕ ПЕРВОМ

Книга Захарии Орфелина «Житие и славные дела государя императора Петра Великого» издавалась несколько раз. Сербским библиографам известны два варианта анонимного издания, напечатанного в Венеции в типографии Д. Теодосия в 1772 г., а также более редкое иллюстрированное издание, вышедшее позднее, в котором имеется и портрет Петра Первого, гравированный автором книги. Согласно Г. Михайловичу [1] первый вариант анонимного издания (№ 105) отличается от второго (№ 106) имеющимся посвящением Екатерине II и предисловием; кроме того есть разница в графическом оформлении титульного листа книги. Л. Чурчич [2], обнаружив различия в тексте (на страницах 161—169 «Жития» напечатана речь барона Блумберга, в первом случае на русскословенском, а во втором — на латинском языке), ставит вопрос о различении не двух вариантов, а двух разных изданий. Это предположение подтверждается интересной находкой, сделанной нами в отделе редких книг Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. В числе шести экземпляров «Жития» Орфелина обнаружен один с гравированным портретом Петра Первого на фронтисписе первого тома. В остальном книга соответствует изданию, помещенному под № 105 в «Сербской библиографии XVIII века» Г. Михайловича.

Этот портрет сильно отличается от портрета Петра Великого, имеющегося в иллюстрированном издании книги З. Орфелина и представляет собой гравюру Е. П. Чемесова с рисунка французского художника Ж.-М. Натье (1685—1766) сделанного с натуры в 1717 г. в Амстердаме. Петр был очень доволен им, а также портретом Екатерины; однако, отказ Натье поступить на русскую службу так оскорбил монарха, что портрет императрицы остался неоконченным, платы за него художник не получил [3, т. 3, с. 1590—1591].

Евграф Петрович Чемесов (1737—1765) был художником-самоучкой. С 1753 г. он служил капралом в Семеновском полку. Он прекрасно рисовал пером и, замеченный И. И. Шуваловым, был взят из полка прямо в Академию художеств. В марте 1759 г. художник учится там в классе знаменитого гравера Г.-Ф. Шмидта. Портрет Петра I был выгравирован им в 1759 г., т. е. уже в первый год его обучения. За свою недолгую жизнь (он скончался от чахотки в возрасте 28 лет в 1765 г.) Е. П. Чемесов создал много талантливых гравюр, среди которых выделяются портреты И. Г. Орлова, императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II, а также автопортрет-офорт. Подробнее о художнике можно прочитать в книге Д. А. Ровинского «Русский гравёр Чемесов» [4], где напечатаны три варианта портрета Петра, в том числе и тот, который находится в обнаруженном нами экземпляре «Жития». Этот вариант отличается от других наличием под портретом следующего четверостишия на французском языке:

Ses loix er Ses travaux ont instruit les mortels;
Il fit tout pour son peuple, et sa fille l'imite,
Zoroastre, Osiris, vous eutes des Autels;
Et c'est lui seul qui les mérite ¹.

Захария Орфелин, создавая портрет Петра для иллюстрированного издания «Жития», использовал гравюру Чемесова. Говоря об этом, сербские исследователи, и в частности Д. Давидов [5], обычно ссылаются на «Подробный словарь русских гравированных портретов» Д. А. Ровинского [3, т. 3, с. 1593], однако его описание портрета несколько отличается от известного портрета, гравированного Орфелиным и напечатанного в «Житии». Ровинский сообщает, что на портрете «грав. очень плохо резц.: петр великий император и самодержец всероссийский родился мая 31 чи. 1672 принял влад. в 1682, сконч. ген. 28 д. 1725 г.» [3, т. 3, с. 1593]. На портрете в «Житии» можно прочесть: «... мая 31 чис. ... иан. 28 ...» [1, с. 106]. Вряд ли данные отличия являются опечатками. В предисловии к своему труду Ровинский указывает, что надписи на портретах приводятся такими, какие они есть, без исправлений [3, т. 1, с. VIII]. Кроме того, если существует книга, содержащая гравированный портрет, Ровинский приводит ее название. Значит портрет, описанный Ровинским, существовал отдельно от книги, для которой предназначался, — «Истории о житии и славных делах великого государя императора Петра Первого» (такое заглавие имело иллюстрированное издание). Портрет работы Орфелина довольно сильно отличается от чемесовского оригинала. Высказано даже предположение, что он использовал отдельные элементы другого портрета Петра, работы французского художника К. Роу [5]. Дотошный Ровинский несомненно указал бы на эти отличия в своей книге. Очевидно, он писал о каком-то другом портрете.

Можно высказать предположение, что вначале Орфелин хотел прямо включить в свое издание портрет, гравированный Чемесовым. Об этом свидетельствует и найденный нами сохранившийся экземпляр. В дальнейшем Орфелин мог добавить ту надпись, которую приводит Ровинский. В «Словаре» последнего указано и местонахождение портрета: «Wien. Fidei Comiss»; вполне возможно, что он и сейчас находится там. Внося изменения в сам портрет, Орфелин мог немного переменить и надпись на нем, сделать ее такой, какая имеется на портрете Петра в иллюстрированной «Истории о житии».

Подводя итоги, можно отметить, что находка экземпляра «Жития» с портретом позволяет говорить, что его первое, анонимное издание существует в двух вариантах (с портретом и без него). Вариант с портретом принадлежал известному русскому библиографу и собирателю книг С. Р. Минцлову, который в своей книге [6] говорит о большой его редкости. От Минцлова он переходит к вице-президенту Академии педагогических наук СССР А. И. Маркушевичу, после смерти которого приобретает Государственной библиотекой СССР им. В. И. Ленина.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Михаиловић Г.* Српска библиографија XVIII века. Београд, 1964, с. 103—104.
2. *Чурчић Л.* Шест бележака о орфелиновом Житију Петра Великог. — В кн.: Орфелиново Житије Петра Великог. 1772—1972. Каталог Библиотеке Матице Српске, Нови Сад, 1972, с. 33.
3. *Ровинский Д. А.* Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб., 1888.
4. *Ровинский Д. А.* Русский гравёр Чемесов. СПб., 1878.
5. *Давидов Д.* Српска графика XVIII века. Нови Сад, 1978, с. 206.
6. *Опись книгохранилища Сергея Рудольфовича Минцлова.* СПб., 1905, с. 14.

¹ Его законы и его труды просвещали смертных;
Он все делал для своего народа, и его дочь следовала ему,
Зороастр, Осирис, вы имели алтари;
И он один достоин их.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

В. ГРИГОРОВ. По пътя на реформизма. Социалдемократията и борбите на трудещите се в България. 9 юни 1923—19 май 1934 г. София, 1981, 248 с.

В. ГРИГОРОВ. По пути реформизма. Социал-демократия и борьба трудящихся Болгарии. 9 июня 1923—19 мая 1934 года

Продолжая исследование реформистского течения в болгарском рабочем движении, проф. В. Григоров опубликовал еще одну монографию по этой проблеме. Если в первой книге [1]¹ рассмотрено внутреннее развитие Болгарской рабочей социал-демократической партии (объединенной) — БРСДП(о), то в новой работе впервые анализируется отношение социал-демократии к трудящимся, их классовой борьбе после Сентябрьского восстания 1923 г., движению против террора, за политическую амнистию и т. д. В основе работы — широкий и разнообразный круг источников. Главные среди них — фонды социал-демократических организаций, сравнительно широко представленные в Центральном партийном архиве при ЦК БКП, а также другие материалы ЦПА, документы Центрального государственного исторического архива Болгарии, Архива министерства внутренних дел. Привлечены отдельные материалы ЦПА Польской объединенной рабочей партии и микрофильмы документов из других зарубежных архивов, ряд печатных органов социал-демократов разных направлений, стенографические отчеты Народного собрания и т. д. Все эти источники творчески использованы для того, чтобы реконструировать объективную картину политики болгарской социал-демократии между двумя военно-фашистскими переворотами.

Работа написана в проблемно-тематическом плане с хронологическим построением глав (в некоторых случаях отдельных параграфов), что позволило комплексно рассмотреть отношение различных социал-демократических течений к отдельным проблемам классовой борьбы. Автор ис-

ходит из показанного в предыдущей книге отсутствия единства болгарской социал-демократии, переживавшей глубокий идейно-политический кризис. В новом исследовании он вскрывает демагогическую сущность выступлений, касающихся нужд трудящихся, представителей правого крыла БРСДП(о), а также отколовшейся от нее Социалистической федерации (СФ), их социальный эволюционизм и отрицание классовой борьбы как фактора развития общества, антикоммунизм и антисоветизм. Вместе с тем показано, как трезво оценивали борьбу трудящихся коммунистическое движение левые оппозиционные социалистические деятели, рост их симпатий к СССР.

Автор проанализировал оценки положения трудящихся социалистами разных направлений и их отношение к совместным выступлениям с коммунистами, к попытке создания единых рабочих профсоюзов в 1926 г. Здесь приведен интересный материал, убедительно доказывающий решающую роль правых лидеров БРСДП(о) в срыве объединения двух профцентров. Как показывает автор, социалистическая печать более или менее объективно информировала лишь о некоторых стачечных выступлениях, допускала нападки на классовые рабочие организации, обвиняя их во вмешательстве в «чисто экономическую» борьбу. Соглашательство особо ярко проявилось в негативном отношении социал-демократических лидеров к крупным забастовочным боям периода подъема революционного движения в условиях начавшегося в конце 1929 г. экономического кризиса.

Следующая важная проблема, изучен-

¹ Рецензию на эту книгу см. [2].

ная в работе,— социал-демократы и правительственный террор, движение за политическую амнистию. Автор показал существенную разницу позиций БРСДП(о) на разных этапах. Вначале, входя в правительство А. Цанкова, социал-демократы в целом солидаризировались с его террористическим курсом, хотя в социалистической прессе подчас появлялись материалы с его осуждением. Социал-демократы одобрили реакционный закон о защите государства, выступив лишь за смягчение некоторых его статей. В 1925 г. БРСДП(о) высказалась против изменения в еще более реакционном духе закона о защите государства. Руководство партии опасалось, как показал автор, что она тоже может стать объектом этих законов. Если Социал-демократическая партия все более активно осуждала насилия, то СФ выступала в поддержку закона о защите государства. Б. Григоров привел отдельные примеры параллельных выступлений социал-демократов и депутатов Рабочей партии против террора в 1928—1929 гг. Но этот материал, на наш взгляд, не позволяет сделать сформулированный в заголовке параграфа вывод об имевших место проявлениях единства действий коммунистов и социал-демократов в данной области. Изучение вопроса следует продолжить. Несколько шире освещаются факты участия социалистов в комитетах борьбы за амнистию, начавших возникать в конце 1927 г., но и в этой части достаточно полной картины участия рядовых членов и целых организаций БРСДП(о) в массовой компании за всеобщую и полную политическую амнистию книга не дает.

В монографии освещается участие болгарских социалистов в парламентских и общинных выборах, их отношение к блоку труда, за создание которого вела борьбу БКП. Если на выборах в Народное собрание в ноябре 1923 г. БРСДП(о) содействовала реакционному буржуазному Демократическомуговору, то уже на общинных выборах через полгода социал-демократы, перешедшие в оппозицию, выступили со сравнительно резкой критикой правительства Цанкова. Б. Григоров привел важные документы — предложения Партии труда (образованной коммунистами на легальной основе в начале 1924 г.) о совместной борьбе против режима на основе общей платформы, на которые социал-демократия ответила отрицательно. Далее приводятся данные об участии некоторых социал-демократических организаций в трудовом блоке перед

выборами, хотя в целом их партия продолжала выступать под флагом антикоммунизма. Б. Григоров показал, что установление единства действий крайне затруднял в конце 20 — начале 30-х годов сектантский курс руководства БКП, вместе с тем он аргументированно отметил, что, несмотря на линию сектантов, кадры БКП на местах, вооруженные революционным опытом, стремились добиться единства действий с социал-демократами, и привел примеры этого. Почти полная дискредитация Социал-демократической партии на выборах к концу рассматриваемого периода была проявлением банкротства ее реформизма.

Наконец, еще одна проблема, поставленная Б. Григоровым,— отношение социал-демократии к наступлению реакции и фашизма в Германии и Болгарии в начале 30-х годов. Речь идет о положительной оценке руководством БРСДП(о) политической линии СДПГ, сыгравшей отрицательную роль в переломный момент классовой борьбы в Германии. К тому же оппозиционные социалистические группы именно в этот период развернули острое разоблачение реформизма и министерализма германских социал-демократов. Интересны сведения об отношении БРСДП(о) к Лейпцигскому процессу: с одной стороны, ее пресса стояла на позиции, что поджог рейхстага организован фашистским правительством с целью создания повода для расправы с политическими противниками, а с другой — сам процесс замалчивался, героизм Г. Димитрова преуменьшался, предпринимались попытки создать впечатление, что он не был главным обвиняемым. И в этом вопросе оппозиционная социалистическая пресса занимала более объективные позиции, показывая роль Г. Димитрова в разоблачении фашизма на процессе и информируя о международном движении за оправдание и освобождение обвиненных коммунистов. К сожалению, лишь упоминается об участии видного левого социалиста А. Златарова в Инициативном комитете борьбы против фашизма, созданном в 1933 г. (с. 216). Анализ позиций БРСДП(о) в связи с активизацией фашистских организаций в Болгарии в начале 30-х годов показывает, что социал-демократы уже не ограничивались осуждением фашизма в прессе. В частности, примыкавшее к ним студенчество активно включалось в борьбу за изгнание из университета одного из главарей болгарского фашизма А. Цанкова. Что же касается отношения к правительству Народного

блока, то проведенный Б. Григоровым анализ свидетельствует, что критика его велась в расчете на участие в новом коалиционном кабинете. И лишь накануне военно-фашистского переворота 19 мая 1934 г. появились трезвые голоса о необходимости объединения сил демократии и совместного отпора наступлению реакции.

Автор кратко рассмотрел позиции социал-демократических кругов по вопросу об установлении дипломатических и торговых отношений Болгарии с Советским Союзом в начале 30-х годов. Он отметил борьбу различных течений в партии по этому вопросу: правые проводили более негативную линию, чем те слои болгарской буржуазии, которые были заинтересованы в установлении связей с СССР; левые же решительно подчеркивали необходимость и пользу установления прочных дружественных отношений с великим социалистическим государством.

Вместе с тем анализ взглядов болгарской социал-демократии на международные аспекты классовой борьбы, по принципиальным вопросам международных отношений в монографии оказался несколько ограниченным.

Анализ исследуемых проблем у Б. Григорова, как правило, четкий, разносторонний, достоверный. Встречаются, однако, и неточности. Упоминаемый им Д. Рену — не французский социалист (с. 45), а деятель ФРП, сотрудник газеты

«Юманите». Применительно к 1928 г. автор пишет о «сектантском руководстве БКП» (с. 165), тогда как на самом деле речь идет о левацких ошибках, проявившихся в это время в международном коммунистическом движении. Левосектантская группа, как хорошо известно, оказалась во главе БКП годом позже.

Отдельные пробелы и неточности не меняют общей высокой оценки книги. Ее автор продолжил заполнение существенной «лакуны», имевшей до недавнего времени в болгарской историографии. Он убедительно показал, что своим ярко выраженным реформизмом правое руководство БРСДП(о) играло отрицательную роль в развитии революционного процесса 20—30-х годов. В то же время в монографии глубоко проанализирован характер левой оппозиции в этой партии, осуждавшей классовое сотрудничество, выступавшей в защиту интересов трудящихся, преодолевавшей антикоммунистические настроения. Это было важной предпосылкой участия социал-демократов в народном фронте второй половины 30-х годов.

Черняевский Г. И.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григоров Б. От съглашателство към залез. Социалдемократическата партия в България. 9 юни 1923—19 май 1934 г. София, 1980.
2. Советское славяноведение, 1982, № 3, с. 113—114.

НОВАЯ КНИГА О ШКОЛЬНОМ ТЕАТРЕ

Школьный театр — важнейшая область славянской культуры XVI—первой половины XVIII в. Он возник как искусственное образование, часть воспитательной программы духовных школ, католических и православных, но стал не только эффективным приемом обучения, а превратился в художественное явление, сконцентрировав в себе многие черты своей историко-культурной эпохи. В славянских странах впервые школьные театры появились на польских и литовских землях, затем — на белорусских и украинских. Опыт киевской Академии использовали и московские, и петербургские, и ростовские учебные заведения — духовные и светские. Школьный театр — это важнейшая область межславянских связей. Она всесторонне изучалась русскими, польскими, украинскими исследователями. В трудах Н. С. Тихонравова, В. И. Резанова,

В. Н. Перетца, В. П. Адриановой-Перетц, А. Брюкнера, Ю. Леваньского, Я. Оконя, чрезвычайно много сделавших в области собирания и публикации текстов школьных драм и их программ, детально освещены история школьного театра, его связи с общественной жизнью, контакты западной и восточной Европы в области театральной культуры, связи театра с литературой.

В недавно вышедшей работе «Поэтика славянского театра XVII — первой половины XVIII в. Польша. Украина. Россия» [1] Л. А. Софронова, опираясь на эти труды, без преувеличения ставшие достоянием славистики, а также учитывая новейшие исследования и публикации А. Н. Робинсона, А. С. Демина, А. С. Елеонской и других [2], основной своей задачей сделала исследование поэтики школьного театра, понимая ее как

систему правил построения драматического текста, определяющих его художественную структуру в целом. По этим правилам произведение входит в общекультурный контекст, соотносится с той сферой жизни, в которой оно функционирует. Такая постановка основной задачи исследования представляется целесообразной и оправданной, так как до сих пор проблемы поэтики обычно разбирались в комплексе с проблемами историко-литературными и не были центральным предметом изучения, в то время как они имеют огромное значение. Целесообразно также одновременное исследование всех трех театров — польского, украинского и русского — исторически и географически близких, а иногда и неразделимых. Школьный театр трех народов был не только средоточием художественных связей, но и единым художественным организмом, несмотря на несходство исторических условий и идейных различия.

Только благодаря изучению поэтики выясняется место школьного театра в культурной жизни Польши, России, Украины XVII—XVIII вв. Анализ поэтики конкретно показывает театр как средство воспитания, обучения ораторскому искусству, а в Польше — второму официальному языку — латыни. Демонстрируя образцы поведения благочестивого добродетельного гражданина, он готовил учеников к общественной жизни, особенно в России, где отличался особой актуальностью, был «устной газетой эпохи Петра». Он занял важное место среди других культурных институтов, так как в ту эпоху театр главенствовал в системе искусств, и все они испытывали его влияние: живопись, архитектура, в том числе окказиональная, литература. Мотивы школьного искусства вошли в паратеатральные формы культуры: процессы, маскарады, триумфальные арки, фейерверки. Сам театр испытал обратное влияние со стороны всех этих искусств, что было тем более естественно, так как он по своей природе является их синтезом (гл. 3, 4).

Анализ поэтики раскрывает положение школьного театра в художественно-стилевой системе того времени. Он был театром барочного характера, на Украине и в России — наиболее последовательным проводником и выразителем барочных тенденций. Школьный театр и барокко — ведущая линия этой работы. Автор, предпослав непосредственному исследованию главу-введение о поэтике барокко (гл. 1), выявляет затем ее основные черты на

театрально-драматургическом материале, предложив его новое «прочтение» (всего исследовано более 200 текстов драм и программ). Л. А. Софронова описывает картину мира школьной драматургии (гл. 5): «Мир при всей своей безмерности и хаотичности ...сводился к иерархической структуре, направленной по вертикали, выглядел как система содержательных оппозиций, подчинялся дуальному членению. Человек же повторял эти основные признаки строения мироздания» (с. 89). Автор показывает преломление представлений о строении мира и устройстве жизни на сцене в типе художественного пространства, устанавливая, что различные жанры характеризуются различным его типом. В книге выделяется вопрос о риторической природе театра, которая усматривается не только в принципах построения монологов и диалогов, но и, что особенно важно, в этических и эстетических целях создания произведения, его воздействия на общество. Риторика учила театр быть актуальным, предлагала способы воздействия на зрителей, выше всего ставила искусство убеждения. Она определила и жанровую структуру школьного театра, в которой выделяются ораторские и драматические жанры.

Л. А. Софронова подробно характеризует типы сюжетов драматических жанров, выделяя круг моралисте как основу, на которой вырастали развитые сюжеты, круг мартирологических драм, круг драм о власти (школьные трагедии), мистерии. Она вскрывает связи между этими кругами, перечисляет постоянные сюжетные ситуации, переходившие из пьесы в пьесу (гл. 7). Особо останавливается она на герое школьной драмы как носителе некоторой идеи и прослеживает развитие его образа от условности к постепенной конкретизации (гл. 8). На высшем уровне условности герой превращается в аллегорическую фигуру, самое яркое проявление тенденции школьного театра к условности, которая, в соответствии с поэтикой барокко, обязательно находится в противоборстве с тенденцией к натуралистическому отображению (гл. 1). Л. А. Софронова выделяет типы аллегорий, описывает их природу и особенности существования на сцене, уделяя много внимания их внешней характеристике, что приводит к раскрытию положения эмблемы на школьной сцене и шире — к выявлению эмблематичности школьного театра, проявляющейся в принципах воспроизведения того мира, который он представлял

(гл. 10). Эмблема лежит в основе строения многих эпизодов, сцен, монологов, названий пьес. Подробно описывая аллегорию и эмблему, автор касается и важной проблемы значения, интерпретации произведения.

Охарактеризовав таким образом произведение школьной сцены, Л. А. Софронова конкретно показала, как и в чем проявился их барочный характер, и сделала выводы о различной степени их барочности: более умеренный на Украине и наиболее последовательный в Польше. К сожалению, из поля зрения автора выпали явления аналогичного порядка на белорусских землях — если они и названы, то целиком растворены в польском материале. Между тем, великолепно исследованная самим же автором драма «Духовное причастие св. Бориса и Глеба» не могла возникнуть без знакомства польского автора с традиционным на белорусских землях, как впрочем и вообще у восточных славян, почитанием первых древнерусских святых и циклом литературных памятников, им посвященным. Эти памятники не могли не послужить толчком для создания этого выдающегося произведения школьной драматургии. Наряду с этим можно было бы назвать ряд других произведений иезуитской школьной драмы, возникших в восточнославянских, в частности, белорусских землях.

Стоит также заметить, что едва ли оправданным является умалчивание существования школьной драматургии не только у православных и католиков — жителей Речи Посполитой, но и у униатов, протестантов, армян.

Поставленная автором задача проанализировать поэтику школьного театра успешно выполнена, и школьный театр представлен как важнейшее проявление славянского барокко. Этому способствовало привлечение автором исторических фактов из других видов искусства, умение работать со сложными текстами XVII—XVIII вв., хорошее знание научной литературы. Эта работа пополнила ряд историко-культурных исследований Института славяноведения и балканистики. Несомненно, она привлечет внимание историков славянской культуры, театра, окажется полезной и для специалистов по русской культуре эпохи перехода к Новому времени.

Рогов А. И.

1. Софронова Л. А. Поэтика школьного славянского театра XVII — первой половины XVIII в. Польша. Украина. Россия. М., 1981.
2. Ранняя русская драматургия. XVII — первая половина XVIII в. В 5-ти т./Под ред. О. А. Державиной К. Н. Ломунова, А. Н. Робинсон М., 1972—1976.

A PECO. Pregled srpskohrvatskikh dijalekata. Drugo izdanje. Beograd , 1980.

А. ПЕЦО. Очерк сербохорватских диалектов

Книга профессора Белградского университета акад. А. Пецо в 1980 г. выпущена 2-м изданием (1-е — в 1978 г.). Она является первым опытом систематического обобщения тех наблюдений и выводов, которые накоплены в многочисленных исследованиях, посвященных сербохорватским наречиям и говорам в целом или отдельным языковым особенностям в них; она впервые дает сведения обо всем диалектном континууме и в этом смысле как бы подводит итог тому, что сделано в сербохорватской диалектологии к 70-м годам XX в.

Жанр своего труда автор определяет как учебник для студентов. В этом отношении «Pregled» подобен многим рабо-

там, исследующим диалектную дифференциацию одного языка, которые, как правило, рекомендуются и в качестве учебных пособий (ср. [1—6]). В то же время у читателя, желающего познакомиться с диалектной дифференциацией сербохорватского языка, отсутствует возможность выбора, который допустим при наличии нескольких очерков диалектологии одного языка (как, например, это имеет место в русской диалектологии)¹. Это особое положение книги А. Пецо заставляет с вниманием проанализировать прежде всего ее научное (а не дидактическое) значение.

Любое исследование по диалектологии одного языка может быть оценено

¹ Известный труд П. Ивича ([7], ср. также [8]) содержит характеристику лишь штокавского наречия, хотя и наиболее обширного, но не единственного сербохорватского наречия.

с двух точек зрения. Оценка, даваемая лингвистами, специализирующимися на изучении диалектов этого языка, основывается в первую очередь на анализе достоверности приведенных в работе сведений, фактов и их интерпретации. За первым изданием книги А. Пецо последовала рецензия югославского диалектолога Д. Петровича (ЗБФЛ ХХII/1, 1979, с. 222—235), в которой большое место отведено критике предложенной А. Пецо группировки диалектов и интерпретации ряда диалектных явлений; вызвал возмущения и дидактический аспект работы². Оценка читателя, обращающегося к диалектологическому труду как к справочнику с целью почерпнуть сведения об отдельных диалектных идиомах или о диалектном континууме в целом, зависит, прежде всего, от уровня лингвистической информативности этого труда. Лингвистическая информация может считаться достаточной, если она позволяет составить представление об устройстве и функционировании описываемого идиома. Поэтому уровень информативности диалектологического исследования во многом является производным от тех теоретических принципов, которые положены в основу исследования. Именно с этой точки зрения мы и изложим некоторые наши соображения по поводу книги А. Пецо.

Характеристика диалектного ландшафта складывается из двух показателей: 1) реестр диалектных различий, актуальных в исследуемых диалектах; в рамках диалектного различия отождествляются особенности разных диалектов, занимающие одинаковое место в их системах [9, с. 12]; 2) группировка диалектов по общности членов отдельных диалектных различий. Эти показатели иерархически неравноценны — первый является основным, а второй — производным от первого. Оптимальный вариант описания диалектного ландшафта одного языка начинается с выявления диалектных различий, ему присущих

(ср. [1; 10]). Выявление того, в какие диалектные объединения группируются говоры, является последующей задачей, решаемой иногда в специальных исследованиях (ср. [11]). Неравноценность подобных показателей в характеристике диалектного ландшафта проявляется и в том, что реестр диалектных различий — это конкретная объективность, а группировка говоров всегда отражает авторскую концепцию выбора диалектных различий в качестве критериев классификации.

Описание диалектного ландшафта, предложенное А. Пецо, строится по иной схеме — от диалектных группировок к диалектным особенностям. Сербохорватский диалектный континуум членится им на штокавщину (с. 11—138), чакавщину (с. 139—152), кайкавщину (с. 165—191), которые далее делятся на говоры, а последние в свою очередь — на «типы говоров». По мере перехода от более крупных диалектных объединений к более мелким происходит разворачивание списка диалектных особенностей. Сначала даются особенности, общие для всех подразделений, входящих в данное диалектное объединение, затем перечисляются особенности, свойственные отдельным из них. Несколько модифицирована эта схема описания в применении к чакавскому диалекту. Здесь диалектные особенности, имеющие значение классификационных критериев, делятся в зависимости от языкового уровня, с которым они связаны, и выделяются морфологические (с. 142), акцентные (с. 144), фонетические (с. 146) критерии. Далее в рамках каждого критерия описание идет от диалектного подразделения к диалектным особенностям.

А. Пецо о каждом описываемом им диалектном объединении или отдельном говоре старается дать тот максимум информации, который может быть почерпнут из имеющихся специальных исследований. Однако вызывают замечания способ подачи диалектных фактов и их

² Из замечаний, высказанных рецензентом, заслуживают внимания, на наш взгляд, следующие: непоследовательность в употреблении терминов («говоры», «говорный тип», «наречье», «диалекат» и под.); спорность решения некоторых вопросов классификации диалектов, в частности, связанных с местом призрачно-тимокских говоров в рамках штокавщины, принципами членения говоров герцеговинского типа, зетско-южно-санджакских говоров а также чакавских и кайкавских (несомненно, следовало бы аргументировать, почему автор книги не считает приемлемым предложение П. Ивича [7, с. 58—59] учитывать комбинацию д в у х классификационных критериев — произношение *ѣ и тип акцентуации, и предпочитает опираться лишь на первый из них); не всегда удачный подбор карт; отсутствие единого списка цитированной литературы. Можно было бы ожидать, что А. Пецо во втором издании своей книги сочтет возможным откликнуться на замечания рецензента.

интерпретация. Покажем это на примере фонетики.

Как известно, фонетические диалектные различия могут быть связаны с различием в структуре фонологических систем (наличие ~ отсутствие фонемы, разная дистрибуция одной фонемы), в реализации тождественных фонем или проявляться лишь в неодинаковом звуковом оформлении изолированных слов, что никаких последствий на фонемном уровне не имеет [9, с. 12 и сл.]. Для того чтобы фонетические диалектные различия распределить сообразно их рангу, надо иметь представление об устройстве фонологических систем в анализируемых диалектах. А. Пецо не строит фонологические модели отдельных диалектов. Встречающиеся в книге замечания по поводу устройства диалектных систем вокализма распределены весьма неравномерно. Так, в описании кайкавского диалекта в применении почти к каждому «типу говора» содержится информация о составе гласных фонем под ударением (с. 176, 177, 180, 185 и др.). В описании штокавского диалекта данные о системах гласных фонем эпизодичны и при этом не всегда ясно, идет ли речь о фонемах или звуках. Такова, например, приведенная на с. 28 схема, призванная показать позиционную зависимость качества гласных в говоре с. Янево (Janjevo); ср. также: «Зелинский тип говора может иметь и девять фонетических реализаций, которые все же имеют и фонологическое значение» (с. 175); «...вокализм достаточно стабилен. Основные пять гласных фонем характеризуют и эти говоры. Правда, появление закрытых *a* и *o* и здесь известно. Редукция безударных гласных достаточно частая» (с. 85); «...хотя вокализм в этом говоре достаточно чистый, встречается и известное перемещение артикуляционной базы отдельных гласных...» (с. 110) и под. Определение вокализма с точки зрения его стабильности и чистоты не кажется лингвистически достаточным. В фонемной интерпретации нуждается и факт редукции гласных. В описании чакавского диалекта вообще отсутствуют сведения об устройстве диалектных систем вокализма. Консонантная система как целое не рассматривается ни для одного диалектного подразделения.

В книге не приводится и фонологическая система литературного (по терминологии А. Пецо, стандартного) языка, от которого автор часто ведет отсчет при характеристике диалектных явлений. Ср.: «...отступление от фонетического стан-

дарта при артикуляции *e* и *o*» (с. 50), «...фонетическая природа аффрикат *č* и *đ* может отступать от нашей артикуляционной нормы» (с. 18), «...вокализм всех шумадийских говоров имеет стандартные артикуляционные признаки» (с. 49), «...консонантизм этого региона имеет меньше фонем, чем наш стандартный язык» (с. 132) и т. п. Нужда в системе-эталоне, от которой ведется отсчет, очевидна — только при ее наличии можно понять утверждения, подобные следующему: «Природа гласных ... общештокавская: долгие гласные заднего ряда *a* и *o* часто имеют выраженный компонент закрытости, но еще всегда остаются в артикуляционном поле основного гласного» (с. 115).

Следует подчеркнуть, что в современном описании (даже по необходимости кратком) сербохорватского диалектного континуума хотелось бы видеть типологию диалектных систем вокализма. Известно, что сербохорватский язык и его диалекты, относясь к вокалическому типу, имеют ассортимент вокалических средств во многих отличных от того, который представлен в консонантных языках. Актуальным представляется установление типов сербохорватских диалектных систем вокализма, подобно тому, как это сделано в отношении некоторых из консонантных языков (ср. [1; 12]).

Фонетическая характеристика диалектных подразделений в книге А. Пецо складывается из перечисления фонетических явлений, которыми эти единицы отличаются от литературного языка. Несколько по-иному это делается для чакавского диалекта — здесь при определении особенностей, свойственных всем чакавским говорам, отсчет идет от штокавского диалекта. Надо заметить, что при этом возникают недоразумения. Так, на с. 141 сказано, что в чакавском представлен *j* на месте шток. *đ*, а далее говорится о *tj*, *dj* в соответствии шток. *č*, *đ*. Приходится догадываться, что в первом случае речь идет о рефлексе *dj, а во втором — о результатах новой йотации. Утверждение, что чак. *va* выступает вместо шток. *u*, может навести на мысль, что в чакавском нет гласного *u*, — в действительности же это соответствие покрывает только инициальное сочетание *вь.

Поскольку фонетические явления, характерные для разных диалектных единиц, обычно даются изолированно, вне системного контекста, то они и не группируются сообразно их равному значению в дифференциации диалектов. В резуль-

тате через запятую даются явления принципно разного ранга. Таковы, например, в призренско-тимокских говорах наличие редуцированных гласных и замена *s, š, ž*, аффрикатами в соседстве с взрывными (с. 19): в первом случае речь может идти о наличии особого звена в системе вокализма, а во втором — о дистрибутивной характеристике фонем (при последовательном осуществлении замены) и о специфике фонетического оформления отдельных слов (при непоследовательной замене). С фонетикой изолированных слов связаны и такие явления, как *ro > re* (с. 72, 86), *vn > mn* (с. 77), *tvr > tr* (с. 171) и др. Некоторые из особенностей, приводимых в составе фонетических характеристик, вообще к фонетике не имеют отношения, а составляют специфику звукового оформления отдельных морфем. Таковы, например, сохранение *dl* в глагольных формах *ubòdla, padla* (с. 22), *a* на месте *o в глаголах на *-nuti* (с. 23), замена префикса *pri* префиксом *pre* (с. 29) и др. Отсутствие фонологической интерпретации особенно ощутимо в тех случаях, когда речь идет о явлении редукции и позиционного уподобления гласных (с. 29, 44, 50, 106), дифтонгизации (с. 97, 132) — не всегда ясно, отражается ли это на устройстве системы вокализма или касается только реализации фонем. Внесистемная подача фактов затемняет их лингвистическое значение. Так, на с. 31 сообщается о *dl, tl > klj, gl* (*glèto, glàka, pèklja*), на с. 175 — *tl, dl > kl, gl* (*mèkla, nàkle, glàka*), но ничего не говорится о том, как сочетание *dl* ведет себя на стыке приставки — предлога и корня — если оно устраняется, то речь может идти о дистрибутивной характеристике, если нет — то о фонетике отдельных слов. Такого же рода информация нужна для понимания системного статуса результатов изменения *s, z > š, ž* перед *n, l* (с. 61 и др.), делябиализации финального *m* — сообщения об этом явлении содержатся на с. 76, 84, 103, 118, 132, но иллюстрируются разным корпусом примеров, в результате чего неясно, проявление ли это запрета на *m* на уровне позиции или же речь идет о звуковом составе только флективных морфем.

Перечисляя характеристики диалектных подразделений, автор иногда ограничивается лишь общей констатацией явления, как, например, «вокализм в большой мере зависит от соседних звуков» (с. 21), «ассимиляционно — дисассимиляционные процессы (в консонантизме.— Л. К., Г. К.) в границах

общештокавских тенденций» (с. 48), «несистемный вокализм с частой дифтонгизацией» (с. 97). Думается, что такая декларативная подача сведений о языковом идиоме не соответствует правилам диалектологии, где любое суждение должно подтверждаться фактами, поскольку никаким другим способом читатель об этих фактах узнать не может. Неинформативны и такие формулировки, как «фонема *j* недостаточно стабильной артикуляции» (с. 84) или «*h* неодинакового качества» (с. 97). Можно было бы также пожелать, чтобы для некоторых редких (в общеславянских масштабах) фонетических изменений было предложено объяснение причин их возникновения и механизма их протекания. Это относится к развитию *s, š > h* перед аффрикатой или носовым согласным (с. 98, 185), изменению *m* в финальной позиции, переходу *v > h* в составе префикса (с. 185).

Фонетические особенности одних диалектов, говоров, «типов говора», поданные как изолированные факты, не поставлены в соответствие с явлениями, занимающими то же место в других диалектных подразделениях. Отсутствует представление о диалектном различии, в рамках которого приводятся в отношении эквивалентности явления, различающиеся по говорам. Как следствие этого, отсутствуют сведения о явлениях, общих для всего континуума, что является существенной частью его характеристики (различное релевантно лишь на фоне общего). Что касается особенностей, которые даются как общие для наиболее крупных диалектных объединений, то не все из них оказываются свойственными более мелким подразделениям, т. е. общность их оказывается относительной (ср. рефлексацию **tj, *dj* в подразделениях штокавского диалекта, которая отнесена к числу общих особенностей этого диалекта — с. 18). Но особенно ощутимо отсутствие данных о системно-структурной общности сербохорватских диалектов. Каковы, например, принципы организации консонантизма в диалектах? Судя по данным книги А. Пецо, различия диалектных систем в этом аспекте связаны с наличием ~ отсутствием фонем *h, f*, с изменениями в группе шипящих аффрикат, с реализацией фонемы *l*, с наличием ~ отсутствием ассимилятивного смягчения некоторых согласных, с оглушением звонких, с изменением некоторых групп согласных и под. Но какова структура диалектного консонантизма в целом и отдельных локальных рядов в част

ности, остается неясным. В то же время отдельные случаи системной интерпретации, предлагаемой А. Пецо, не всегда кажутся бесспорными. Так, аффриката $\widehat{dz}$, выступающая на месте z , определяется как «вариант фонемы z » (с. 19) или «вариант фрикативного z » (с. 36). Но того факта, что $\widehat{dz}$ заменяет z более раннего периода, еще недостаточно, чтобы лишать фонемного статуса аффрикату, даже в том случае, если $\widehat{dz}$ варьируется с z . При определении фонемного статуса аффрикаты $\widehat{dz}$ ее следует оценивать через присущую системе релевантность сочетания признаков аффрикации и зубного ряда (фонема s). На с. 77 сказано, что параллельно употребляющиеся последовательности $vp:mp$, $\check{c}k:\check{s}k$ имеют «характер фонетических вариантов». Это, конечно, не так: поскольку v и m , $\check{c}$ и $\check{s}$ являются репрезентантами разных фонем, речь в этом случае должна идти о варьировании фонемного состава тождественных словоформ.

Для того, чтобы диалектное явление было интерпретировано в рамках диалектного различия, соответствия этого явления должны быть прослежены во всех описываемых диалектных единицах, т.е. диалектное различие может быть констатировано лишь при сопоставимости описаний отдельных диалектов. А. Пецо в его книге трудно было обеспечить эту сопоставимость. Привлекая большой фактический материал, А. Пецо черпал его не только из собственных наблюдений, но в большой мере из работ других авторов. Естественно, характер информации о разных диалектных идиомах оказывался при этом весьма неодинаковым. В фонетике наиболее стабильно через описание всех диалектов и диалектных групп проходит характеристика рефлексации * $\acute{e}$: это явление глубоко исследовано сербохорватскими диалектологами в связи с его значением для дифференциации диалектов. Последовательно прослеживаются акцентуационные особенности диалектов, изучение которых традиционно занимает одно из ведущих мест в науке о сербохорватских диалектах; сам А. Пецо является автором книги, посвященной этим проблемам [13]. Что касается консонантизма, то достаточно регулярно приводятся сведения о фонемах h , f , о соотношении переднеязычных и палатальных аффрикат, об изменениях в некоторых группах согласных. Однако касательно как вокализма, так и консонантизма приводится мно-

го фактов, упоминаемых лишь применительно к отдельным диалектным подразделениям — остается неясным, что им соответствует в других упоминаемых в книге диалектных единицах. Таковы, например, сообщения о протезе, которая должна рассматриваться в связи с правилами оформления начала словоформы (с. 112, 132, 134, 178), об устранении сочетания гласных с помощью интервокального v — эти факты надо интерпретировать в связи с правилами синтагматики гласных (с. 117) и др.

Несопоставимость характеристик отдельных диалектных подразделений имеет место и на морфологическом уровне. Здесь довольно часто сообщаются данные о формах падежей, хотя на их основе трудно составить представление об устройстве именных парадигм в отдельных диалектах. По-разному приводятся в книге данные о бытовании в говорах аориста и имперфекта: в ряде случаев говорится о наличии того и другого (с. 23, 33, 61, 152), о наличии аориста и отсутствии имперфекта (с. 85), об отсутствии обоих (с. 194, 201), иногда же обращается внимание только на наличие имперфекта при отсутствии информации об аористе (с. 22, 72, 87, 199), или говорится об утрате имперфекта, но неясно, как обстоит дело с аористом (с. 73); наконец, вся совокупность кайкавских говоров характеризуется через «тенденцию утрачивать претеритальные простые формы» (с. 168); однако в отношении большинства диалектных подразделений квалификация по данному параметру вообще отсутствует. Это делает невозможным и описание дифференциации сербохорватских диалектов по указанному морфологическому признаку и выявление имеющих типов противопоставления. Примером нерегулярности и несопоставимости подачи сведений может служить и форма инфинитива. Ср., например, на с. 61: «инфинитив без i $zborit$, $do\acute{c}$ », на с. 75: «инфинитив вместо $\acute{e}/\acute{c}i$ имеет j — $d\acute{o}j$, $r\acute{o}j$ » (а как ti — сохраняет гласный или нет?), на с. 83: «инфинитив имеет $-ati$ вместо $-\acute{e}ti$ », на с. 121: «наряду с $i\acute{c}$, $tu\acute{c}$, $pa\acute{c}$ и $i\acute{c}i$, $pa\acute{c}i$ появляются и $i\acute{c}^i$, $pa\acute{c}^i$, $ra\acute{s}ti$ и $ra\acute{s}ti\acute{c}$ », на с. 149: «инфинитив без i », на с. 186: «вместо инфинитива на $-ti$, что является общештокавской особенностью» икавцы... имеют форму $na-t$, что является чакавской особенностью» (таким образом, наиболее информативное сообщение помещено самым последним!). Приведенные данные лишь фрагментарно отражают диалектное варьирование по-

казателей рассматриваемой грамматической категории.

Предложенное в книге А. Пецо описание сербохорватского диалектного ландшафта, в котором установление диалектных подразделений предшествует их характеристике, несколько затрудняет пользование книгой: желая составить представление о дифференциации диалектов по какому-то признаку, читатель должен просмотреть всю книгу, и при этом может оказаться, что в описании некоторых подразделений вообще нет сообщений об искомом явлении. При подобном способе описания диалектного континуума был бы весьма желателен хотя бы индекс упомянутых диалектных особенностей.

Классификация диалектов одного языка может основываться на критериях как генетических, так и синхронных. Последние кажутся более предпочтительными при установлении синхронной дифференциации диалектов. Однако даже если исходить из генезиса некоторых явлений, то это не устраняет необходимости определять и их синхронный языковой статус. В рецензируемой книге это делается не всегда. Так, пишется о наличии ~ отсутствии новой йотации, т. е. палатализации согласных в сочетании *c j*, в том числе и являющимся частью рефлекса *ě, но нигде не говорится о том, как это проецируется на синхронную систему. Чрезвычайно интересной была бы синхронная системная интерпретация результатов замены шипящих свистящими в чакавщине, в то время, как в книге сообщено: «...в одних чакавских говорах эти звуки сохраняют свои основные фонетические качества, в других же говорах чакавского региона эти звуки меняют свою фонетическую природу и вместо *č* имеем *s*, а вместо *š* и *ž* палатализованные *š* и *ž*» (с. 151). И, конечно, совсем нежелательно смещение критериев, как это наблюдается в утверждении: «...вокализм достаточно стабилен с некоторыми чакавскими признаками, как *jadro, pajat, jatra*» (с. 119) — генезис *a* в этих словах (*e) никак не влияет на устройство вокальной системы.

Книга А. Пецо в определенной мере отражает современное состояние изучения сербохорватских диалектов, разные уровни систем которых исследованы (и описаны) неравномерно. Основным вниманием исследователей пользуются фонетика, включая акцентологию, и морфология. Изучение же дифференциации диалектов в области лексики, семантики, а также фразеологии значительно от-

стает. В книге А. Пецо всего несколько раз (при этом в самой общей форме) среди особенностей диалектных подразделений названы лексические (с. 31, 61, 77, 141). Вопросы диалектного синтаксиса привлекают несколько большее внимание, однако и эти сведения, нашедшие отражение в книге, как правило, оказываются несопоставимыми по говорам. Так, в ряде параграфов отмечаются особенности употребления падежных форм — расширение функций отдельных падежей, явления падежного синкретизма, связанная с этим утрата некоторых форм и др. (с. 32, 33, 35, 48, 49, 61, 77, 104 и т. д.), однако эти факты в рамках всего диалектного континуума воспринимаются как разрозненные, несопоставимые, поэтому указанные признаки не могут иметь классификационного значения при конфронтативном изучении говоров и различных их объединений. Случайны и недостаточны сведения, касающиеся энклитик (с. 20, 30, 171, 197, 201) и других явлений, изучаемых синтаксисом частей речи. Проблематика синтаксиса предложения в рецензируемой книге не затрагивается вовсе.

Сведения о диалектном словообразовании ограничены упоминанием о притяжательных прилагательных от личных имен типа *Simo* (с. 77), о наличии притяжательных прилагательных *Iveč, Mateč* и др. (с. 133), об исчезновении суффикса *-in* (с. 171); в отношении глагольного словообразования нам удалось найти в книге лишь данные, касающиеся суффикса *-ni- < -nu-* (с. 56, 88, 89, 104, 117, 121).

А. Пецо много внимания уделяет мотивировке выделения диалектных групп, генезиса их особенностей — автохтонны они или являются результатом влияния со стороны других диалектов и языков. В книге отражены вопросы, бывшие предметом диалектологических дискуссий — это и проблемы генезиса призренско-тимокских (с. 21), кайкавских (с. 165) говоров, и истоки диалектной пестроты Истрии (с. 137), и более мелкие вопросы, касающиеся отдельных «типов говоров». В этой связи можно заметить, что в некоторых случаях аргументация, предлагаемая А. Пецо, не кажется корректной. Так, считая призренско-тимокские говоры составной частью штокавщины (а не самостоятельным диалектом), А. Пецо мотивирует это тем, что особенности, которые в сербохорватской диалектологии служат критерием дифференциации диалектов, в призренско-тимокских

говорах носят штокавский характер; что касается их специфических черт, то они являются результатом внешнего воздействия в условиях балканского языкового союза (с. 21). Не вдаваясь в обсуждение этого вопроса, хотим лишь сказать, что генезис диалектных особенностей не может быть аргументом в отношении идиома к тому или иному диалектному объединению — группировка говоров отражает их синхронную дифференциацию, а не происхождение диалектных различий.

Изложенные соображения являются результатом размышления лишь над некоторыми аспектами книги А. Пецо. Многие проблемы, которых мы не касаемся, могли бы явиться предметом специального обсуждения, например, теоретический аспект диалектной дифференциации языка, вопрос о соотношении литературного языка и диалектов, вопрос о существовании так называемой «южнославянской языковой общности» (с. 7—9, в связи с возможностью неоднозначной интерпретации общих для большего или меньшего числа южнославянских языков черт, прежде всего фонетических) и др.

«Очерк сербохорватских диалектов» является полезной книгой, которая впервые позволяет ознакомиться в общих чертах с диалектной дифференциацией сербохорватского языка, давая вместе с тем представление об уровне развития

современной сербохорватской диалектологии в целом и о степени теоретической и конкретно-фактологической разработанности отдельных ее проблем.

Калынь Л. Э., Клепикова Г. П.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аванесов Р. И.* Очерки русской диалектологии. М., 1949.
2. Русская диалектология. Под ред. Н. А. Мещерского. М., 1972.
3. *Urbańczyk S.* Zarzys dialektologii polskiej. Warszawa, 1953.
4. *Стойков Ст.* Българска диалектология. София, 1962.
5. Нарысы па беларускай дыялекталогіі. Мінск, 1964.
6. *Жилко Ф. Т.* Нариси з діалектології української мови. Київ, 1966.
7. *Ивић П.* Дијалектологија српскохрватског језика. Нови Сад, 1956.
8. *Ivić P.* Die Serbokroatischen Dialekte, ihre Struktur und Entwicklung. The Hague, 1958.
9. Вопросы теории лингвистической географии. /Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1962.
10. Русская диалектология. /Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964.
11. *Захарова К. Ф., Орлова В. Г.* Диалектное членение русского языка. М., 1970.
12. *Жилко Ф. Т.* Фонологічні особливості української мови в порівнянні з іншими слов'янськими. Київ, 1963.
13. *Пецо А.* Основи акцентологије српскохрватског језика. Београд, 1970.

ДОБРЕВИ. Происход и значение на праславянското консонантно и дифтонгично склонение. София, 1982, 216 с.

ДОБРЕВИ. Происхождение и значение праславянского консонантного и дифтонгического склонения

Рецензируемая книга посвящена исследованию происхождения некоторых типов именных основ в праславянском. Это одна из серьезных проблем славянской исторической морфологии, решение которой предполагает и привлечение значительного языкового материала, и соблюдение определенной методической, процедурной строгости. Если говорить об основах на согласные и сонанты, то здесь заведомо необходимо (как предварительное условие) аргументированное славянскими данными отделение инноваций от действительно архаических случаев — это обязательная предпосылка для проведения более глубокой реконструкции и сопоставления с другими индоевропейскими языками. Лишь внешнее сравнение

славянских фактов поможет в ответе на вопрос: почему те или иные имена в славянском вошли в те или иные типы основ? Надо, впрочем, иметь в виду, что здесь мы можем лишь надеяться на возможность адекватного ответа, поскольку природа языковых данных такова, что вопросы этого рода далеко не всегда получают удовлетворительное объяснение.

Книга И. Добрева содержит попытку ответить на этот и сходные вопросы. Особенностью постановки проблемы является стремление автора подвергнуть консонантные и дифтонгические основы не столько морфологическому, сколько чисто семантическому анализу. Проблема семантической характеристики отдель-

ных типов основ имеет в индоевропейские свою историю (здесь достаточно указать на фундаментальное исследование Ф. Шпехта [1]), и хотя, на наш взгляд, обоснованность этого подхода и может подвергаться некоторому сомнению, задача, поставленная И. Добревым, в общем виде безусловно не лишена интереса.

Во «Введении» (с. 5—7) автор подчеркивает важность установления «древней общей тематики» у славянских лексем, относящихся к одному и тому же типу склонения. При этом он ограничивается s-, g- и u-основами как «полем палеолингвистического исследования», поскольку они «имеют весьма надежные соответствия в типах основ других древних индоевропейских языков... и являются не продуктивным, а отмирающим грамматическим классом». По твердому убеждению И. Добрева, эти типы основ — реликт, который «во второй половине первого тысячелетия до н. э. больше не имел опоры в мировоззрении славянских племен». Таким образом, семантический анализ этих типов может, как полагает автор, дать важные и надежные результаты, путь к которым, однако, не может идти через сравнение с другими индоевропейскими языками, где соответствующие явления также постепенно утрачивались. «Тематический круг, к которому принадлежат имена es-, eg- и, отчасти, u-основ, может быть установлен и истолкован лишь в историческом контексте много более древней, евразийской культуры», а данные о последней, как считает И. Добрев, могут быть почерпнуты из типологических сопоставлений с особенностями мировоззрения и духовной культуры более примитивных народов Северной Евразии и Северной Америки.

Стремление автора синтезировать в своем труде данные исторической мифологии славянских языков и новые методические приемы исследований по духовной культуре, этнографии, сравнительной мифологии, фольклористике и т. д. безусловно похвально, но теоретические предпосылки этого синтеза вызывают серьезные сомнения. Судя по всему, И. Добрев знаком с принятыми в науке представлениями о хронологических рамках праславянского и индоевропейского языковых соотнесений, вступающими на наш взгляд, в трудноразрешимое противоречие с любой попыткой проецировать на праславянский или даже индоевропейский фон особенности первобытных культур Севера, вплоть до идеологии шаманства (!). Автор нимало

не сомневается и в том, что распределение имен по типам основ в праславянском и индоевропейском обусловлено каким-то семантическим фактором, хотя уже то, что нам известны перемещения из одного типа основ в другой целых морфологических классов имен, делает эту мысль по меньшей мере сомнительной. Впрочем, возражения общего характера отходят на второй план, поскольку для окончательных результатов книги куда существеннее конкретный материал, приводимый автором в доказательство выдвинутых тезисов.

Первый раздел книги (с. 8—33) посвящен происхождению и семантике праславянских s-основ. В нем И. Добрев, опираясь на концепцию Б. Мериджи [2], пытается доказать, что s-основы образуют единую тематическую группу, связанную с идеологией шаманизма. Доказательство этого неожиданного тезиса строится так: опираясь на известные ему описания шаманской практики, автор перечисляет объекты, так или иначе входящие в круг деятельности шаманов, и указывает те из них, которые обозначаются в праславянском s-основами. Очевидно, стремясь к большей убедительности, И. Добрев снабдил этот раздел рядом иллюстраций, в частности, изображениями тунгусского шамана и алтайского шаманского бубна (с. 21 и 29). К сожалению, доказательства автора не могут быть приняты, поскольку он: а) неправомерно рассматривает как s-основы такие имена, в которых -s- в праславянском не было основообразующим (*osъ, *měsєcъ, *duša, *osa, *blъxa, *gъsъ и т. п.); б) произвольно причисляет к s-основам все имена, оформленные как s-основы хотя бы в одном славянском языке (*udo, *dělo, ср. также невероятную праславянскую реконструкцию *gamenesa); в) прибегает к необоснованным морфологическим реконструкциям, считая, например, что все имена муж. рода с суффиксальным -s- (типа *směхъ) некогда относились к одушевленному классу. Однако самым существенным недостатком этого раздела является, конечно, полный авторский произвол в подборе имен, якобы связанных по значению исключительно с шаманской идеологией и практикой. Сходные возражения вызывает и второй раздел, посвященный g-основам (с. 33—41). Общей для них, по И. Добреву, является «категория неотчуждаемой принадлежности, свойственная ряду более примитивных языков (например, некоторым меланезийским диалектам, части языков североамери

канских индейских племен, тунгусо-маньчжурским языкам, адыгейскому языку и др.)». Эта точка зрения (столь же последовательно анахронистическая, как и концепция первого раздела) аргументируется с помощью приемов, аналогичных рассмотренным выше. Результатом являются такие впечатляющие нововведения в славянском языкознании, как отнесение *svekry к г-основам, трактовка -г- в *bedro, *žigь как основообразующего. И. Добрев не сомневается в том, что в *pozdrī -г- имеет суффиксальный характер (ср., однако, [3]). В и-основы попадает даже такое позднее производное, как болг. *дънер*.

Самую большую часть книги занимает третий раздел, посвященный и-основам и имеющий подзаголовок «К вопросу о сущности славянских коляд» (с. 41—214). Задачей этого раздела, согласно автору, является установление связей между и-основами и основными понятиями славянской космогонии, отраженными в колядах. Однако 173 страницы этого раздела практически никак не связаны с и-основами: последние лишь изредка упоминаются в примечаниях, иногда без видимой связи с основным текстом. Так, например, говоря о том, что «дерево может превратиться в символ плодородия» (с. 149), И. Добрев указывает в примечании на то, что в склонении слав. *plodъ могут быть усмотрены следы и-основы. В этом, очевидно, сказалось индивидуальное языковое сознание автора, поскольку по-болгарски (как и по-русски) плод и плодородие явным образом связаны; пиши он по-латински или по-французски (лат. *fēcunditās*, франц. *fēcondité* 'плодородие'), его выводы были бы иными, поскольку и мотивация названия плодородия здесь иная. Можно ли, кроме того, транспонировать болг., русск. *плодородие* в праславянское состояние? Говоря о том, что в «Эдде» «из рогов оленя истекает влага, которая служит началом всех рек» (с. 155), автор почему-то указывает в примечании на этимологию названий рек Дона, Днепра и Днестра, в которых он видит (славянскую?) и-основу. Надо ли говорить, что и в этом разделе И. Добрев совершенно произвольно относит к и-основам мно-

жество лексем, таковыми не являющихся!

Нам трудно оценить основной текст этого раздела, лежащий вне рамок собственно лингвистики и представляющий собой сопоставление ряда славянских фольклорных текстов друг с другом, а также с текстом «Эдды». Заметим только, что фольклорные изыскания И. Добрева основаны на довольно шатком критерии общего *сходства двух текстов*, вырванных из *разных культурно-исторических контекстов*. В этой области, как и в лингвистическом анализе, автор пренебрегает элементарными требованиями методической строгости, опираясь на русский поэтический перевод «Эдды», что, конечно, значительно облегчило его труд, но все же совершенно недопустимо в серьезном исследовании.

И. Добрев, автор ряда интересных трудов по старославянской письменности, несомненно привлек в своем исследовании значительный материал, однако на всех уровнях анализа этого материала им, к сожалению, были совершены непростительные промахи. Без должной корректности подошел он к вопросам реконструкции праславянских типов основ, не всегда опираясь на фонетически приемлемые решения (ср. на с. 19: *volkno из *volksnol). Общие положения автора имеют анахронистический характер и, главное, никак не доказаны (и, добавим, не могут быть доказаны). Будем, однако, надеяться, что и эта неудача принесет некоторую пользу и послужит лишним напоминанием о том, как необходимы методическая строгость и взыскательность в тех случаях, когда исследователь привлекает к решению лингвистической задачи данные смежных наук.

Орел В. Э.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Specht F.* Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1944.
2. *Meriggi B.* Terminologia magico-sacrale in slavo.— *Archivio glottologico italiano.* 1970, LX, p. 58—68.
3. *Трубачев О. Н.* Заметки по этимологии и сравнительной грамматике.— В кн.: *Этимология* 1970. М., 1972, с. 14—17.

Dvoj osud. Dopisy Josefa Čapka, které v letech 1910—1918 posílal své budoucí ženě Jarmile Pospišilové. Praha, 1980, 267 s.

Две судьбы. Письма Йозефа Чапека, которые он писал в 1910—1918 гг. своей будущей жене Ярмиле Поспишиловой

Название книги, вышедшей в конце 1980 г. в пражском издательстве «Одеон», можно трактовать многозначно. Прежде всего, речь идет о судьбах Йозефа Чапека и его будущей жены Ярмилы Поспишиловой¹, письма к которой составляют основное содержание рецензируемого тома. Но это и творческая судьба Йозефа Чапека — художника и литератора.

Й. Чапек — талантливый чешский писатель и художник, игравший заметную роль в художественных исканиях чешского искусства первых десятилетий XX в., оставивший значительный след в живописи, в искусстве политической сатиры, карикатуры, книжной и журнальной графике, а также в сценографии, был борцом-антифашистом, погиб в 1945 г. в концентрационном лагере.

Около 150 писем Й. Чапека дополнены в книге отрывками из ответных писем Я. Поспишиловой, ее воспоминаниями, а также интересным литературным материалом, например, несколькими новеллами Й. Чапека, не вошедшими в книжные издания («Прогулка», «Происшествие», «Мальчик» и др.). Впервые опубликованы письма Чапека дирекции Художественно-промышленного института (1910), проф. Карлова университета Ант. Матейчику (1913), пражскому немецкому писателю и переводчику Р. Фухсу (1916) и др. Прекрасно оформленная книга содержит богатый и малоизвестный иллюстративный материал (32 цветных репродукции, рисунки и фотографии). Все это дает основание считать книгу не только изданием эпистолярного наследия Й. Чапека, но монографией, охватывающей значительную главу истории чешской культуры, становления нового молодого поколения деятелей современного искусства Чехословакии.

Выходу в свет книги предшествовало издание переписки братьев Чапек с С. К. Нейманом [1], публикация фрагментов писем [2; 3]. В течение последующих лет были подготовлены настоящий том, содержащий все сохранившиеся письма Й. Чапека.

Письма, опубликованные в книге, охватывают период чрезвычайно важный

¹ Ярмила Поспишилова принадлежала к известному роду чешских книгоиздателей Поспишилов, начавших свою плодотворную издательскую деятельность еще в эпоху чешского национального Возрождения в Граде Кралоуе и позже переселившихся в Прагу. Йозеф Чапек — сын довольно зажиточного врача не занимал, однако, прочного положения в жизни и не обладал тем материальным благополучием, которое мать Ярмилы считала непременным условием брака своей дочери. Художник в течение 9 лет добивался согласия семьи Поспишиловой на брак, который состоялся лишь в мае 1919 г.

в истории чешской культуры, в первую очередь в изобразительном искусстве. Это время рождения и утверждения кубизма, который пришел на смену экспрессионизму и стал ведущей тенденцией в чешском искусстве. Годы подлинного рождения Й. Чапека-художника «совпали с утверждением кубизма, давшего в Чехии произведения разных видов искусства подлинно мирового значения, например, архитектурные сооружения Й. Гочара и П. Янака, картины Б. Кубишты, своеобразные произведения прикладного искусства» [4].

Покидая после шестилетнего обучения пражский Художественно-промышленный институт, Й. Чапек встречается с Э. Филлой, Б. Кубиштой, В. Бенешем и другими членами группы «Восьмерка», объединившей молодых художников, первые публичные выступления которых состоялись еще в 1907—1908 гг. В 1911—1912 гг. братья Чапек входят в новое объединение — «Группу художников». На второй выставке «Группы» (сентябрь — ноябрь 1912 г.) представлено уже пять пейзажей Й. Чапека, выполненных в манере кубизма и положивших начало его дальнейшему творчеству.

Годы переписки — это период чрезвычайно интенсивной художественной, литературной и не менее активной организационной деятельности Чапека. С 1909 г. братья Чапек начали печатать в журнале «Обзор» небольшие повести, статьи и рецензии — художественные и театральные (вместе и каждый под своим именем). В эти же годы они работают над рассказами, изданными впоследствии в книгах «Сияющие глубины» (1916) и «Сад Краконоша» (1918). Йозеф Чапек редактирует журнал «Художественный ежемесячник», а вслед за этим — «Свободные направления», пишет критические и теоретические статьи. Вместе с С. К. Нейманом он принимает активное участие в подготовке и редактировании «Альманаха 1914 г.» — органа группы художников, составивших позже (в 1918 г.) объединение «Упрямых». В письмах Й. Чапека предстает яркая картина художественной жизни Праги и Парижа первых десятилетий XX в., тех бурных споров, борьбы направлений, в которых рождалось новое искусство. Письма позволяют лучше понять место Й. Чапека в художественных исканиях этого времени. Уже в письмах, написанных сразу после окончания института, ощущается понимание молодым художником переходного характера эпохи, смены поколений. «Вы застали меня в период очень сильного мировоззренческого и литературного кризиса», — пишет он в письме от 19 VIII 1910 г. (с. 21). Выразительно выступает стремление Чапека бороться за новое в искусстве, еще неизведанное, неиспытанное. Он не боится ставить перед собой высокие

цели и в литературном и в художественном творчестве, и это отражается в письмах к Я. Поспишиловой. Рассказывая о замысле пьесы «Разбойник», Й. Чапек сообщает, что они с братом хотят создать «нечто совершенно новое» (с. 55). Повесть «Сияющие глубины» он считает «весьма смелой концепцией», «шагом к литературе нового типа» (с. 89).

По праву называя себя оригинальным беллетристом, Й. Чапек опять-таки исходит из убеждения, что в начале 10-х годов на смену старому искусству приходит «свободная и неклассическая красота». Для понимания позиции Чапека интересно письмо от 4 X 1912 г., хотя он касается здесь не общих вопросов развития искусства, а лишь творчества одного автора — У. Уитмена, который воспринимается Чапеком как «Сезанн литературы». «Не знаю, — пишет он, — понравится ли Вам Уитмен. До сих пор многих отталкивало от него множество вещей: грубый и самый непосредственный способ выражения, непочтительное отношение к традиционным поэтическим формам, отличное от других понимание красоты, возвышенного и лирического, затем его неуравновешенность, безумство и недоступность, язык, обгаженный вплоть до самых примитивных и грубых сгустков мыслей. Меня же все это привлекает. Я вижу в этом новое, правдивое понимание сильного современного человека, принимаю здесь все чувства чисто современного и нового характера, новую картину мира и человека и новую философию» (с. 96).

Три небольшие лирические новеллы в «Альманахе 1914 г.» можно считать наиболее последовательным литературным эквивалентом художественного кубизма Й. Чапека. Недаром он так настойчиво подчеркивает близость этих «трех проз» «современным картинам» (с. 145).

В письмах излагаются взгляды Й. Чапека на искусство, формулируются некоторые общие эстетические положения. В них можно прочесть о проектах выставок, о создаваемых картинах, переговорах с различными коллекционерами, торговцами. Для понимания Чапека-художника особый интерес представляет письмо от 8 IV 1913 г., в котором он подробно пишет о своей картине «Пьяница», экспонируемой (под названием «Сидящий мужчина») на 43-ей выставке союза художников «Манес» (апрель — май 1913 г.). Эта исповедь по своей конкретности и объему — единственная в наследии Й. Чапека. Двадцатипятилетний художник говорит здесь о своем понимании чешского искусства — от «поколения Национального театра» (Алеш, Женишек, Тулка, Мыслбек) до своих современников, о задачах, стоящих перед чешской художественной культурой, в том числе об отношении деятелей искусства к национальным традициям, необходимости уважения национального своеобразия искусства. Недаром позже он попытается теоретически осмыслить проблемы народного творчества, объединив свои очерки в книгу «Самое скромное искусство» (1920).

Письма дают возможность выявить источник сюжетов ряда картин Й. Чапека, пьес и повестей братьев, в том числе, автобиографического характера, упоминают о литературных связях и контактах Йозефа и Карела, помогают объяснить природу и конкретный способ их плодотворного сотрудничества. Из переписки мы узнаем о взаимоотношениях художников в «Группе», причинах их расхождений и распада объединения (письмо от 4 XI 1912 г.), о подготовке выпусков журнала «Свободные направления», высокий художественный и теоретический уровень которого в значительной степени был заслугой братьев Чапек. Эпистолярное наследие позволяет увидеть единство творчества Й. Чапека — художника и литератора, понять взаимоотношение художественной и литературной сферы у этого «поэта обоих искусств» (Ф. Галас). В письмах он признается в непреодолимом стремлении рисовать, читать и писать» (с. 107). В тяжелые годы войны Чапек пишет: «Хотел бы я опять так легко работать, жить активно, много рисовать, писать статьи и книги, а потом — выставки, планы, проекты. А ко всему этому еще немного того вдохновения, которое способно было даже неудачи подсластить свежим легкомыслием. Я ни в коей мере не считаю, что уже вырос из этого, что больше на это не способен» (с. 242).

Нельзя не сказать о том, что опубликованные письма свидетельствуют о несомненных литературных достоинствах и таланте Йозефа Чапека-литератора. Это письма-репортажи, письма-эссе. Тонкое художественное наблюдение, живой, эмоциональный язык, огромная эрудиция автора способствует тому, что письма, которые не предназначались для печати, получили широкий общественный резонанс.

Итак, эпистолярное наследие Й. Чапека дает многое для раскрытия личности самого художника и его окружения, понимания его вкусов и взглядов, обстоятельств жизни, той общественной среды, к которой он принадлежал. Это тем более важно, что творчество Й. Чапека знаменовало один из влетов в истории чешской художественной культуры и в значительной степени определило лицо современного искусства Чехословакии.

Тимова Л.

ЛИТЕРАТУРА

1. Viktor Dyk — St. K. Neumann — bratři Čapkové. Korespondence z let 1905—1918. Praha, 1962.
2. Halík M. J. Slavík. Katalog výstavy «Osobnost Josefa Čapka». Praha, 1970.
3. Slavík J. K zásadám o moderní české umění. Z dopisů Josefa Čapka z let 1910—1913.— Texty. 1970, č. 2, s. 32—37.
4. Йозеф Чапек. Альбом. Авт.-сост. Е. К. Виноградова. М., 1981, с. 7.

О КООРДИНАЦИОННОЙ РАБОТЕ ПО ИЗУЧЕНИЮ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Секция «Проблемы формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе» Научного совета АН СССР по комплексным проблемам славяноведения и балканистики существует с 1974 г. В ее состав входят ведущие специалисты — историки, историки культуры, литературоведы и лингвисты (возглавляет секцию с 1978 г. д-р ист. наук А. С. Мыльников).

На первом этапе своей деятельности секция подготовила предложения по совершенствованию планирования и научно-организационной работы по изучению формирования наций. Институт славяноведения и балканистики АН СССР провел международные конференции по проблемам «Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе» (апрель 1975 г.) и «Социальные структуры переходного периода» (декабрь 1977 г.). На 1983 г. запланировано проведение международного симпозиума «Идейные концепции общественных движений в Центральной и Юго-Восточной Европе в эпоху перехода от феодализма к капитализму (вторая половина XVIII — 70-е годы XIX в.)».

Институт славяноведения и балканистики АН СССР совместно с Научным советом по комплексным проблемам славяноведения и балканистики предпринял издание серии «Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Проблемы истории и культуры», в которой активное участие принимает секция Совета по изучению формирования наций. Основу серии составляют работы по различным аспектам комплексной проблемы, а также коллективные труды, посвященные многоаспектному анализу проблемы в масштабе одной страны или в рамках подрегиона. В состав серии включаются и индивидуальные исследования по этой проблематике.

К настоящему времени в серии вышли в свет следующие работы: «Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время» (отв. ред. Ю. А. Писарев. М., 1974); Е. П. Львова. Изобразительное искусство Болгарии эпохи национального Возрождения (М., 1975); А. С. Мыльников. Эпоха Просвещения в Чешских землях. Идеология, национальное самосознание, культура (М., 1977); «Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» (отв. ред. В. И. Злыднев. М., 1977); «Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков» (отв. ред. С. Б. Бернштейн. М., 1978); «Освободительные движения народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. Конец XVIII в.—1849 г.» (отв. ред. В. И. Фрейдзон. М., 1980); «Освободительные движения народов Австрийской империи. Период утверждения капитализма» (отв. ред. В. И. Фрейдзон. М., 1981); «Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторические и историко-культурные аспекты» (отв. ред. И. С. Миллер, В. И. Фрейдзон. М., 1981); «Социальная структура общества в XIX в. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы» (отв. ред. В. А. Дьяков. М., 1982); «Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Просвещение. Национальное возрождение» (М., 1982). Сданы в издательство коллективные монографии: «Развитие литератур в эпоху формирования наций. Романтизм в литературах Центральной и Юго-Восточной Европы» и «Польша на путях перехода от феодализма к капитализму» (отв. ред. С. М. Фалькович).

Ленинградские историки, историки культуры, этнографы, литературоведы и лингвисты подготовили при участии сотрудников Института славяноведения и

балканистики проблемно-тематический сборник «У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе».

В Институте славяноведения и балканистики АН СССР подготавливается коллективный комплексный труд «Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Опыт исторического и историко-культурного обобщения». Его проблематика определяется рекомендациями Всесоюзной научной конференции «Итоги и перспективы славяноведческих и балканских исследований»; вопросы координации, проведенной Научным советом по комп-

лексным проблемам славяноведения и балканистики в Звенигороде в марте 1978 г. Авторский коллектив видит свою задачу в проблемно-теоретическом обобщении закономерностей развития истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху крушения феодализма и утверждения капитализма. На базе социально-экономической эволюции будут прослежены взаимосвязи общественно-политического, идейного и культурного развития народов региона. По своему характеру это будет междисциплинарное исследование.

Обушenkova Л. А.

ФОЛЬКЛОРНО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ (29 КОНГРЕСС ФОЛЬКЛОРИСТОВ ЮГОСЛАВИИ)

Очередной, 29 конгресс фольклористов Югославии проходил 16—20 октября 1982 г. в г. Хвар, на острове с одноименным названием (средняя Далмация). В соответствии с традицией, фольклористические конгрессы в Югославии проводятся поочередно республиканскими Обществами фольклористов. На этот раз организаторами были Общество Социалистической Республики Хорватии и Центр по охране культурного наследия на острове Хвар. Программа конгресса включала несколько тем: «Фольклор средней Далмации», «Взаимодействие и взаимовлияние различных фольклорных элементов» и «Способы защиты (охраны) фольклорного наследия». На пленарных заседаниях и в секциях было заслушано 115 докладов и сообщений специалистов в области народной культуры из всех республик и краев Югославии. На конгресс были приглашены и фольклористы некоторых зарубежных стран, советскую фольклористику представлял автор настоящей информации.

Заметное место в программе конгресса и в дискуссии заняла проблема фольклоризма (в широком смысле этого понятия), в частности — проблема фольклорно-литературных взаимосвязей, которая обсуждалась как на пленарных заседаниях, так и на секции устного народного творчества. Большое внимание было уделено фольклорным истокам произведений далматинских писателей эпохи Ренессанса, особенно литературному движению на острове Хвар. Сопоставляя произведения П. Гекторовича, Г. Лучича и других писателей «хорват-

ского культурного круга» с произведениями фольклора, в частности, с «бугарштицами», И. Грбеля (Загреб) пришел к выводу, что почвой, на которой расцвела ренессансная литература на острове Хвар, была не итальянская литература, и не общехорватская глаголическая традиция, а местная народная поэзия в ее двух разновидностях — сельская и городская («пучка», «варошка»). О роли жанра народных обрядовых поминальных песен («почасниц») в творчестве П. Гекторовича говорила М. Завишине (Нови Сад). Первому известному автору «севдалинок» — поэту XVI в. Г. Лучичу был посвящен доклад М. Маглаича (Сараево). Международное значение ренессансной анонимной баллады об Иуде, созданной на острове Вис, осветил И. Ковачич (Загреб). Многие докладчики коснулись проблемы широких культурных взаимосвязей между населением острова Хвар и другими народами Балканского полуострова, а также с итальянской культурой. В теоретическом аспекте эта проблема была освещена в докладе профессора Загребского университета Т. Чублича, который говорил о прогрессивном и гуманистическом характере международных фольклорно-литературных взаимовлияний и критиковал теории «закрытой», или «чистой», «однородной» культуры.

Ряд докладов был посвящен процессу фольклорно-литературных взаимосвязей на материале других периодов в истории культуры народов Югославии. О фольклорных элементах в летописи М. Фираклии (1775—1827) говорил Ф. Наметак

(Сараево). Этическое содержание произведений М. Милянова в свете народной традиции раскрыла Д. Вучинич-Варга (Приштина). Фольклорные истоки ораторских («риторических») элементов в творчестве П. Негоша и И. Мажурича стремился установить С. Вуйович (Оджац). Синтез элементов средиземноморской и динарско-альпийской культур в творчестве Л. Ботича конкретно анализировал И. Чичак (Осиек). Мотивам роковой предопределенности в произведениях М. Цепенкова в свете фольклорных турецких параллелей посвятила свой доклад С. Пиличкова (Скопье). Средиземноморские и динарские фольклорные компоненты юмора и сатиры ряда далматинских писателей анализировал Б. Милошевич (Загреб). О фольклорных маринистических мотивах в рассказах И. Чипико рассказал С. Корач (Загреб). Фольклорным элементам в поэме С. Куленовича «*Na prvî put sam ti, majko, izišo*» был посвящен доклад Ф. Ризванбеговича (Сараево).

В совокупности доклады о фольклорно-литературных связях представили широкую панораму художественного процесса — от средневековья до современности и снова продемонстрировали огромное значение народных традиций в процессе формирования и развития национальных культур. К сожалению, в программе конгресса отсутствовали доклады о драматургии, хотя Хвар и в этом отношении сыграл важную роль: ему посвящена первая светская драма в хорватской литературе — «*Рабыня*» Г. Лукича, здесь писал комедии последователь Држича — М. Бенетович («*Хваркиња*», «*Комедија од Раскота*»), позже здесь был основан первый в Далмации театр (1612).

Большой интерес представляет проблема регионализма в процессе фольклорно-литературных взаимосвязей, поставленная в ряде докладов в связи с судьбами литературы на чакавском диалекте. Несмотря на отсутствие в программе

конгресса специального лингвистического доклада о своеобразном народном говоре населения острова Хвар, этот вопрос обсуждался в дискуссиях и особенно во время однодневной экскурсии по городам и селам острова. Поездка позволила участникам конгресса непосредственно ознакомиться с местами, где развернулось антифеодалное крестьянское восстание XVI в. под руководством М. Иванича, с сельской архитектурой, с бытом и занятиями местного населения, а также с местами, связанными с жизнью и творчеством П. Гекторовича (его дворец «*Тврдалъ*» в Старом Граде, где создавалось знаменитое «*Рибање и рибарско приговарање*»), Г. Лучича, П. Лубича (поэта межвоенных лет, писавшего стихи на чакавском диалекте), а также ряда других выдающихся деятелей хорватской культуры. В г. Хвар участники конгресса имели возможность осмотреть замечательные памятники готической и ренессансной архитектуры, посетить музеи. В один из вечеров был дан большой фольклорно-этнографический концерт, в котором выступили ансамбли с островов Вис, Корчула, Хвар и с Далматинского побережья.

Работа конгресса протекала в деловой атмосфере и сопровождалась живой, подчас острой научной дискуссией (в частности, по проблеме влияния мусульманской культуры на культуру славянских народов Балканского полуострова).

В дни конгресса состоялось открытое торжественное заседание редакции журнала «*Народно стваралаштво*», посвященное 20-летию издания этого центрального органа Союза фольклористов Югославии, а также была организована большая книжная выставка фольклорно-этнографических изданий на всех языках народов Югославии. Все это свидетельствует об успешном развитии фольклористики в этой стране и о большой плодотворной деятельности югославских коллег.

Гусев В. Е.

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ БЕЛОРУССКИХ И БОЛГАРСКИХ ЯЗЫКОВЕДОВ

5—8 октября в Минске состоялся III симпозиум «Белорусско-болгарские языковые связи», проходивший в рамках программы научного и культурного сотрудничества между Белорусским государственным университетом им. В. И. Ленина и Софийским университетом им. Климента Охридского (НРБ). Ранее аналогичные мероприятия были организованы в 1976 г. (Минск) и в 1979 г. (София). Помимо языковедов из дружественных университетов, в симпозиуме приняли участие специалисты из Института языкознания им. Я. Коласа АН БССР и ЛГУ им. А. А. Жданова. Всего было прочитано 24 доклада.

С. Иванчев, И. Куцаров (НРБ) выступили с докладом «Проблемы категории казуальности в белорусском и болгарском языках». Исходя из понимания надежда как функционально-семантической категории, имеющей полевою структуру с ядром и периферией, авторы с помощью белорусских параллелей установили соответствующие макро- и микрополя категории надежности в болгарском языке и их модификаторы. Аналогичная концепция лежала в основе доклада Б. Ю. Нормана (БГУ) — «Дательный падеж личного местоимения в белорусском и болгарском языках». Автор систематизировал семантические функции беспредложного дательного падежа личного местоимения в родственных языках и показал, что системы этих функций в основном совпадают. Специфика каждого языка проявляется в том, что различные семантические функции обладают в системе каждого языка различной активностью, «мощностью». Б. Ю. Норман представил и второй доклад — «История и современное состояние исследования болгарского языка в Белоруссии», который носил характер библиографического обзора. В докладе Д. Сташиевой (НРБ) — «Локальная оппозиция падежей ВИН.: ЛОК. в истории болгарского и белорусского языков» были рассмотрены предложно-падежные сочетания *с* + винительный, *с* + локативный в древнеболгарских (X—XI вв.) и древнерусских (XII—XIV вв.) памятниках. В докладе И. Буоклиева (НРБ) — «К сопоставительной характеристике старобелорусского и среднеболгарского языков» исследовались общие явления в области образования простых прошедших времен глагола. В. А. Карпов (БГУ) в докладе, выполненном на мате-

риале перевода романа И. Вазова «Под игом» на белорусский язык, показал, что числительные *един/една/едно/едни* в болгарском языке употребляются, как правило, в артиклевой функции для выражения грамматической категории определенности/неопределенности. Среди грамматических докладов, прочитанных на симпозиуме, следует отметить также доклады М. Г. Муталимовой (БГУ) — «Уточняющие слова в староболгарских и старобелорусских памятниках», А. К. Киклевича (БГУ) — «Парные фразеологические сочетания с сочинительным союзом в белорусском и болгарском языках».

Большинство выступлений на симпозиуме было посвящено сопоставительному изучению лексики родственных языков. В докладе Г. А. Цыхуна (АН БССР) — «Белорусско-болгарские древние изоглоссы» были сформулированы основные задачи реконструкции праславянского языкового пространства. Тематический примыкал к нему доклад В. В. Мартынова (АН БССР) — «О некоторых восточнославянских изолексах», в котором параллели в восточнобалтийском и балканском языковом материале рассматривались в связи с миграциями славян в древнюю эпоху. В основу доклада А. Е. Супруна (БГУ) — «К типологии белорусского и болгарского лексикона» было положено понятие типа лексикона, обуславливаемого, по мнению автора, целым рядом факторов, среди которых, в частности, выделяются морфемная (словообразовательная) структура лексики, фразеологический аспект словаря. В нескольких докладах рассматривались именно эти стороны лексической системы двух языков в сопоставительном плане. Так, в докладах М. Караанговой (НРБ) — «Фразеологизмы с именами собственными в белорусском и болгарском языках», В. М. Мокшенок (ЛГУ) — «К сопоставительному анализу болгарских и белорусских устойчивых сравнений», М. Ю. Котовой (ЛГУ) — «Перевод фразеологизмов повести М. Горького „Детство“ на белорусский и болгарский языки» сопоставительная методика анализа лексики родственных языков применялась к материалу фразеологии. В докладе Н. А. Павленко и Л. Р. Супрун (БГУ) — «Словообразовательные параллели в болгарском, русском и белорусском языках» был рассмотрен фрагмент болгарской лек-

сической системы — существительные на -ец со значением лица — в сопоставлении с русскими и белорусскими соответствиями. Л. Лашкова (НРБ) в докладе «К типологии сложных прилагательных в белорусском и болгарском языках» выделила некоторые общезыковые закономерности, характерные для белорусского и болгарского языков с точки зрения процессов образования сложных прилагательных, а также определила основные типы сложных прилагательных в родственных языках. Словообразовательная тематика разрабатывалась также в докладах С. К. Яцыно (БГУ) — «Прилагательные со значением ослабленности признака в белорусском и болгарском языках», С. О. Татрышвили (БГУ) — «Анализ сложных слов в русском, белорусском и болгарском языках». Доклад А. М. Калюты (БГУ) — «О возможностях психолингвистического определения степени синонимичности слов» в очередной раз подтвердил эффективность метода свободного ассоциативного эксперимента в целях семантического анализа лексики (в данном случае — белорусской и болгарской). Доклад Б. А. Плотникова (БГУ) был озаглавлен «Названия продуктов питания в белорусском и болгарском языках»; автор констатировал, что в данном фрагменте лексики фиксиру-

ются самые различные виды семантических связей между словами рассматриваемых языков, в чем проявляются закономерности соотношения белорусской и болгарской лексики в целом. Доклад В. Я. Кашева (БГУ) был посвящен неизменяемым словам в русском, белорусском и болгарском языках.

В докладе Я. Л. Трёмбовольского (БГУ) — «Наблюдения над художественной структурой трактата Храбра 'О письменех'» рассматривались основные черты жанра старославянского стихотворения. Различная степень преемственности терминологической традиции ранних восточнославянских грамматик в болгарской и белорусской языковедческих терминологиях была установлена в докладе Н. Б. Мечковской (БГУ). Отсутствие в тематике симпозиума фонетических исследований в некоторой мере было восполнено докладом Ц. Йотова (НРБ) — «О возможности использования методов современной диалектологии при сопоставлении близкородственных языков (на материале болгарско-белорусско-русских фонологических параллелей)».

Тексты докладов симпозиума будут опубликованы в болгарском журнале «Сопоставительное языкознание».

Киклевич А. К.

Makowetskaja T. F. The Publikations of Works of K. Marks and F. Engels in Bulgaria (befor the First World War). *Rainsberg E. U.* (DDR). On the Typology of Agrarian Reforms of 1940s Revolutions in Central and South-Eastern Europe. *Serapionova E. P.* The Programmes of the Creation of a Post-War Polish-Czechoslovak Confederation. *Klevanski A. Kh.* Some Theoretical Problems Concerning the History of the Crisis of Bourgeois Political Systems in Central and South-Eastern Europe. *Karasev V. G.* The First Balkan Bourgeois-National Revolution (Towards a Characteristic of the Serbian Uprising of 1804—1913). *Melnikov G. P.* Urban Landownership in Prague (1st Half of XVI Century). *Kishkin L. S.* Periods of the Development of Literary Relations. *Akimova O. A.* A Characteristic of Ideological, Political and Historical Ideas of Thomas of Split. *Sofronova L. A.* Problems of Primitive Art in the Polish Theatre of XVII—XVIII Centuries. 3

PEOPLE, EVENTS, FACTS

Belov V. The Editional Variants of Z. Orfelin's Book on Peter the Great . . . 89

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

Chernijavski G. I. Б. Григоров. По пътя на реформизма. Социалдемократията и борбите на трудещите се в България. 9 юни 1923—19 май 1934 г. *Rogov A. I.* A New Book on Convikt Theatre. *Kalnyn L. E., Klepikova G. P. A.* Ресо. Pregled srpskohrvatskih dijalekata. *Orel V. E.* Добрев И. Произход и значение на праславянското консонантно и дифтонгично склонение. *Titova L.* Dvojí osud. Dopisy Josefa Čapka, které v letech 1910—1918 posílal své budoucí ženě Jar-mile Pospříšilové 91

SCIENTIFIC LIFE

Obushenkova L. A. Coordinational Activities in the Field of Studies of the Formation of Nations in Central and South-Eastern Europe. *Gusev V. E.* Relations in Literature and Folklore (29 Congress of Folklorists in Yugoslavia). *Kiklevich A. K.* The Scientific Conference of Bielorussian and Bulgarian Linguists 106

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), В. А. ДБЯКОВ,
В. В. ЗЕЛЕНИН (зам. главного редактора), В. И. ЗЛЫДНЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
Д. Ф. МАРКОВ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ, Ю. А. ПИСАРЕВ,
Л. Н. СМЕРНОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Адрес редакции: 121069, Москва, Г-69, Трубниковский пер., д. 30а.
Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *Е. В. Пономарева*

Технический редактор *Е. В. Силицына*

Сдано в набор 10.02.83   Подписано к печати 08.04.83   Т-02778   Формат бумаги 70×108^{1/16}
Высокая печать   Усл. печ. л. 9,8   Усл. кр.-отт. 11,9 тыс.   Уч.-изд. л. 11,2   Бум. л. 3.5
Тираж 1169 экз.   Зак. 2484

Издательство «Наука», 103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 2
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 р. 20 к.
Индекс 70891